

СКРЫТЫЕ ПРУЖИНЫ

УОЛТЕР
КЕННИ

16+

Annotation

Действие семейной хроники происходит в английском поместье Хиддэн-мэнор в начале XX века. Каждый из обитателей хранит в своём сердце секреты, недоступные остальным, каждый живёт в плену своих страстей. На фоне мрачного особняка и каменистых пустошей Девоншира разворачивается история, отголоски которой способны причинить страдание даже спустя сотню лет. Долгое время заброшенный дом хранит тайны прошлого, но наступает момент, когда истина заставляет понять, как воплощённое желание может превратиться из награды в наказание.

-
- [Пролог](#)
- [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Дневники Элизабет Пристли. Запись, относящаяся к девятому апреля 1912 года](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 11](#)

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://www.pinterest.ru> по лицензии CC0.

Пролог

Грузный седой старик метался по подземелью, припадая на больную ногу и глухо стуча палкой по каменному полу. Его тень скользила по стенам, словно морское чудовище, бьющееся в агонии. Старик то судорожно перебирал ворох смятых бумаг, беспрестанно повторяя: «Гнусный вор! Он всё у меня забрал, ничего не оставил, ничего!», то снова принимался кружить между металлических столов, как дервиш, одержимый неистовой пляской.

Вытирая неопрятным рукавом слезящиеся глаза, он трясущимися пальцами в застарелых ожогах перелистывал толстые тетради в клеёнчатых переплётах. Срываясь на жалобный плач, расшвыривал по полу содержимое обитых жестью шкафов, в исступлении сминая бумагу ногами и разрывая листы наконечником палки. Поспешил к потайному ящику, судорожным движением сорвал с шеи ключ на тонком шнурке, отпер дверцу. Вглядевшись в пустоту тайного сейфа, покачал головой и по-детски всхлипнул.

До изнеможения кружа по комнате, старик быстро выдохся и осел бесформенной грудой в истёртом кожаном кресле, надсадно дыша и пытаясь унять kloкотание в груди, ясно различимое при каждом вздохе.

Спустя недолгое время он зашевелился, неловко повернувшись, встал, перенеся вес своего тела на здоровую ногу, и достал из ящика стола небольшую склянку. Медленно вынул из горлышка притёртую каучуковую пробку и быстро, будто опасаясь передумать, глотнул мутную жидкость. Опираясь одной рукой о стол, он, морщась от горечи, выпил всё содержимое склянки, а затем швырнул её на пол.

Потом старик неловко опустился в кресло, чуть не упав, и устало смежил морщинистые веки. Склонив голову, с закрытыми глазами он долго вслушивался в несмолкающее бормотание подземных вод. Кулаки его расслабились, черты лица приобрели спокойное выражение.

Когда он потянулся за стопкой желтоватой бумаги, лежащей на краю стола, трясущиеся пальцы задели и чуть не опрокинули чернильницу. Медленным, очень плавным движением старик

передвинул её подальше от края. Глубоко вздохнув, навис над столом, задумавшись, и принялся исписывать беглым почерком один лист за другим.

Закончив и перечитав написанное, старик, зайдясь в жестоком приступе кашля, уверенным движением сложил письмо вчетверо и положил перед собой, наблюдая, как расправляется плотная бумага. Глаза его почти закрыты, голова клонится к груди, дыхание становится неслышным.

Казалось, будто старик, утомлённый отчаянными бесплодными поисками, засыпает. Внезапно, резко очнувшись, он хрипло вскрикнул и принялся что-то искать в ящиках стола. Осторожно, будто хрупкое яйцо, вынул полный стеклянный резервуар.

Помедлив, аккуратно поместил исписанный листок в стеклянную капсулу, бережно сомкнув её винтовые края. Растопил на огне свечи сургуч, окунул в него тонкую кисть и тщательно прошёлся ею по краям резервуара, надёжно запечатывая содержимое капсулы.

Движения старика становятся всё медленнее, он прикрывает веки, будто пламя свечного огарка становится непереносимым для его глаз. Неслышно шевеля губами, выпрямляет спину и, держа стеклянную капсулу двумя руками, долгое время смотрит на неё.

«Хорошо, вот теперь хорошо...» – выдыхает он с улыбкой, и улыбка эта полна облегчения. Тяжело подняв правую руку, он тянется к пламени свечи, подслеповато щурясь, и смыкает пальцы на фитиле, погружая комнату, себя и весь мир в блаженную темноту.

Часть 1

Глава 1

Миновало почти десятилетие, прежде чем я выросла и поняла, что моя мать, урождённая Вирджиния Грейблум, страдала от жестоких приступов меланхолии и не была счастлива в доме своего мужа. Серьёзный усатый доктор, наблюдавший меня, и семья тётушки, принявшей в моей судьбе живейшее участие, добились того, что события, произошедшие летом одна тысяча девятьсот пятого года, почти изгладились из моей памяти. По соображениям здоровья, я должна была забыть все видения, которыми мой воспалённый разум в то время мучил меня. Тем не менее несмотря на все их усилия, воспоминания о матери – пусть даже ускользающие и зыбкие, – сохранились в моей памяти.

Как скупец, бережно перебирающий в ладонях тусклые кругляши монет и ревностно охраняющий свой тайник от посторонних жадных глаз, все эти годы я хранила в душе далёкие картины прошлого, дорогие моему сердцу. Подвижное, с тонкими чертами, лицо моей матери часто виделось мне во сне. Её мягкая улыбка и особое выражение чуть раскосых тёмных глаз вспоминались мне в те редкие моменты, когда я оставалась в одиночестве.

В ненастную пору, когда дождь хлестал яростными струями закрытые ставни моей комнаты, я почти явственно слышала ласковый, слегка насмешливый голос матери, зовущий меня по имени. Старый потрёпанный друг, из которого я, презрев все усилия тётушки Мод, так и не сумела научиться извлекать хоть сколько-нибудь ласкающие слух звуки, помнил лёгкие прикосновения длинных музыкальных пальцев, бегло пробежавших по его клавишам.

В детстве, в эгоистичной манере, присущей каждому ребёнку, я воспринимала своих мать и отца как часть окружающего меня мира, не вникая в сложные хитросплетения их взаимоотношений. Жили мы очень обособленно, и наш холодный неухоженный особняк редко посещали соседи с визитами или другие гости.

Много позже я узнала, что жители нижней деревни стараются обходить наш дом стороной и называют его «Ведьмин пуп». Сейчас, весной одна тысяча девятьсот двенадцатого года, когда я возвращаюсь

в поместье отца, забавное название представляется мне более подходящим, чем чопорное «Хиддэн-мэнор», присвоенное старому громоздкому дому предками моего отца.

Тогда же, в детстве, я не задумывалась ни о том, какие пересуды и толки вызывали у деревенских таинственные занятия моего отца; ни о том, по какой причине мать так отчаянно стремилась покинуть и свою пропахшую лауданумом комнату, и весь этот дождливый край, пропитанный болотными испарениями.

Для меня наш огромный дом, походивший на замок – с его каменными стенами, покрытыми изумрудным мхом, бесконечными гулками коридорами и сводчатыми потолками, – всегда был источником множества открытий и ареной для выдуманных мною игр. Обладая умением незаметно проникать в любое из его помещений, я подслушивала разговоры горничных, частенько казавшиеся мне непонятными и скучными. Скрываясь в стенных нишах, закрытых пыльными гобеленами, я изображала завывания призраков, заставляя кухонных девчонок визжать до одури.

Дом казался мне сказочным замком принцессы, в котором пока ещё не поселился свирепый дракон. Будучи ребёнком, я не замечала плесени на отсыревших обоях, плохо вычищенного серебра за обеденной трапезой и всеобщей атмосферы запустения и обветшалости.

В периоды лихорадочной активности, никогда не длившиеся долго, моя бедная мать развивала бурную деятельность и строила планы по восстановлению восточного крыла поместья. Такие затеи никогда не доводились ею до конца и обычно являлись причиной ожесточённых споров с отцом, который не терпел посторонних людей в доме.

Деревенские девушки, нанятые с помощью нашей верной миссис Дин, экономки и кухарки в одном лице, не приходили в Хиддэн-мэнор более нескольких раз. Отдалённость дома от деревни и близость его к Лидфордскому ущелью, отсутствие подобного штата прислуги и сама хмурая громада особняка с гуляющими по нему сквозняками пугали неотёсанных деревенских девчонок.

Да и моя мать, как я сейчас понимаю, с её кипучей энергией и горящими неестественным энтузиазмом раскосыми глазами не представлялась им почтенной госпожой, держащей себя прилично

своему положению. После таких вспышек лихорадочной, но бестолковой деятельности, мать надолго уходила в себя, часами неподвижно лёжа на кушетке у огня, и долго ещё комнаты восточного крыла оставались разорёнными, вызывая гнетущее ощущение разрухи.

Вообще, только попав в дом моей добродетельной тётушки, я получила возможность понять, каким непохожим был уклад всей нашей жизни на тот, что должен был приличествовать положению семьи Вордсворт. Пока я была ребёнком, мне не приходилось сравнивать свою жизнь с чьей-то ещё, так как единственными людьми, окружающими меня, долгое время оставались лишь отец с матерью, наша немногочисленная родня и старая нянюшка.

Мой отец, старший сын в роду, получил блестящее образование в Лионском университете и титул эсквайра, а сразу после женитьбы на моей матери, урождённой Грейблум, и родовое поместье Хиддэн-мэнор. Только сейчас я начала понимать, как тяжело было юной Вирджинии с её живым и кипучим нравом после шумного Лондона свыкнуться с отшельнической жизнью в Дартмуре.

Особая красота сумрачных болотистых низин и поросших вереском холмов не трогала её душу, заставляя чувствовать себя одинокой и всеми забытой в нашем старинном уединённом доме. Трудно было себе представить более несхожих по своему складу людей, чем мои родители. В детстве меня не покидало чувство, будто мы живём в Хиддэн-мэнор временно, в ожидании далёкого путешествия к какой-то другой, сияющей, жизни. Несомненно, на возникновение моих детских ощущений повлияла мятущаяся натура моей матери, воспринимавшей дом отца как постылую темницу.

Но всё же, переняв природную живость характера от моей матери и склонность к уединённым занятиям от моего отца, я наслаждалась детской порой и всем, что могли подарить ребёнку, наделённому воображением, скалистые пустоши Дартмура. По большей части предоставленная самой себе, я часами играла с вымышленными героями нянюшкиных историй, рассказывать которые та была большая охотница.

Прожившая всю свою жизнь в поместье отца, няня Бейкер впитала мрачную атмосферу дома и знала множество старинных преданий, связанных с этой угрюмой местностью.

С раннего детства я засыпала под её рассказы о гадючьих людях, скрывающихся в Уистменском лесу, и призраке Белой Леди, скитающейся по Лидфордскому ущелью. Легенды о Зелёном человеке и своре призрачных гончих в сопровождении Старого Крокерна стали моими первыми сказками, а в девяти каменных осколках мне без всяческого усилия виделись прекрасные девы, осмелившиеся нарушить неуместным смехом течение древнего ритуала. Самой любимой моей историей было поверье о реке Дарт, в бурном течении которой путники слышали зов, заставляющий их бросаться в мутную воду и становиться пленниками демона, живущего в её глубинах.

После смерти моей бабушки, чопорной дамы, которую я видела всего лишь раз, и которая запомнилась мне благодаря напудренной бородавке устрашающего вида на кончике острого подбородка, мои игры обрели ещё одну участницу. До этого Элизабет с тётушкой Мод никогда не приезжали навестить нас в Хиддэн-мэнор, и мне затруднительно подобрать слова, чтобы описать радость от неожиданного обретения кузины, а впоследствии и участницы моих игр, и самой близкой подруги.

Появление в нашем доме холодным декабрьским утром тётушки Мод, такой хорошенькой в своей аккуратной меховой пелерине, заставило мою мать стряхнуть привычную апатию и, распахнув припухшие после сна глаза, кинуться с объятиями к незнакомой мне леди.

— Я приехала, как только смогла, — виновато проговорила нарядная дама, передавая пелерину нашей обескураженной горничной.

— Её...Больше нет? — запнувшись, спросила моя мать. — Мне никто не писал об этом.

— Ты же понимаешь, почему... — опустив глаза, тихо произнесла гостья и шагнула к матери, протянув к ней руки и с трудом сдерживая слёзы.

Пока они, плача и всхлипывая, обнимали друг друга, ко мне приблизилась серьёзная девочка, которую я не сразу заметила, находясь в недоумении от неожиданных событий. Раньше я никогда не видела таких чудесных и нарядно одетых леди, поэтому отчего-то решила, что к нам в Хиддэн-мэнор пожаловала сама Её Величество. Вот только меня смущало, что выглядит гостья слишком молодой и цветущей, а королеву на портретах изображают старой и одутловатой.

От этой мысли меня отвлёк тонкий голосок девочки, которая протянула ко мне руки и произнесла с чрезвычайно серьёзным выражением:

– Меня зовут Элизабет Пристли. Я ваша родная кузина, поэтому мы должны любить друг друга. Приношу вам своё соболезнование. Но эта потеря не должна сломить ваш дух, потому что отец говорит, мы не вправе роптать и порицать божью волю.

С трудом произнеся эту длинную тираду, она наклонилась ко мне и прикоснулась прохладным лицом к моей щеке. Пахло от неё, будто от куска нового мыла в шуршащей обёртке, а кожа была такой белоснежной, что я сразу отпрянула назад, испугавшись, что испачкаю её, и нарядная леди рассердится на меня. Ежеутренние ледяные омовения не входили в число моих любимых занятий, и кувшин с водой частенько оставался в моей спальне с нетронутой корочкой льда, а кусок мыла – сухим.

Девочка сделала маленький книксен, а я не нашлась, что на это ответить, потому как не была уверена в значении слова «соболезнование». В ответ я с силой сжала её маленькие холодные руки и застенчиво произнесла:

– Хорошо. Будем любить друг друга.

Могла ли я знать, что это рукопожатие положит начало узам крепкой дружбы и искренней приязни, в которых, на самом деле, я так отчаянно нуждалась? В тот момент я думала лишь о том, как не оттолкнуть эту необыкновенную девочку с удивительно нежной кожей и блестящими каштановыми кудрями.

Местность, в которой я росла, населяли большей частью простые грубоватые люди с широкими обветренными лицами, поэтому кузина Элизабет показалась мне ангелом, выбравшим слишком хрупкую оболочку для посещения нашего унылого края.

Дом в одночасье показался мне грязным, пыльным и обветшалым, будто рассеялись чары и сказочный замок превратился в руины. Я разом увидела и покосившуюся лестницу с рассохшимися ступенями, и небрежно вычищенный камин с рассыпанной вокруг решётки золой, и даже застарелое пятно от яичного желтка на мятом утреннем халате матери.

Я отметила про себя, как нарядная тётушка Мод чуть заметно покачала головой, выражая неудовольствие, когда неприветливая

Абигайль с оттопыренной нижней губой неловко приняла у неё мокрую пелерину. Чуть позже тётушка смерила быстрым оценивающим взглядом и убранство нашей столовой, и накрытый для чаепития стол. Когда же её взгляд обратился ко мне, то я уже была готова провалиться сквозь землю от жгучего стыда и за растрёпанный вид матери, какой она всегда имела по утрам, и за собственное грязное лицо и несвежую одежду.

Всё чаепитие я просидела, опутив глаза и не раскрывая рта, только один раз бросила быстрый взгляд на свою мать, когда уловила в её голосе непривычные мне заискивающие нотки. В тот момент она разливала по чашкам чай из тяжёлого серебряного чайника, никогда не виденного мною раньше. Рука её мелко дрожала, когда она протягивала сестре блюдечко с наполненной чашкой, а над правым виском матери трепетала голубая жилка, выдавая сильное волнение.

Дальнейшие события того дня не полностью сохранились в моей памяти, настолько меня выбило из привычной жизненной колеи вторжение новых родственников, так сильно отличающихся от меня и от всех, кого я знала раньше. Наблюдая за лицом своей матери, я поняла, что она тоже испытывает крайнее смятение чувств, к которому примешиваются радость и волнение от воссоединения с сестрой после долгой разлуки.

Когда первая неловкость после встречи рассеялась, сёстры сели, держась за руки, у камина, и, склонив головы, зашептались о чём-то, изредка негромко вскрикивая и округляя глаза. Несмотря на благородное происхождение, мне они в тот момент напомнили двух молоденьких горничных, болтающих в кухне на другой день после Майского праздника.

Нас с кузиной Элизабет взрослые отослали в мою детскую – комнату, в которой я почти никогда не играла из-за разохшихся ставней и ледяных сквозняков. Горничные тоже не любили это мрачное помещение, пугаясь завываний ветра в каминной трубе и скрежета деревянной ставни, до которой никто не мог дотянуться, чтобы усмирить её. Здесь всегда было пыльно, а в грязном камине громоздилась куча саж и обгорелых поленьев.

Я с трудом могла представить себе, как моя чистенькая кухня играет на пыльном полу заброшенной детской, поэтому взамен предложила провести ей экскурсию по дому. Улыбнувшись, она

повернула ко мне сияющее лицо и ответила: «О, с радостью, дорогая Маргарет!».

Умение радоваться мелочам и испытывать интерес к самым обыденным вещам оказались яркими чертами характера моей необыкновенной кузины Элизабет. В этом я убедилась, когда она вместе со мной путешествовала по нашему мрачному дому, приходя всё в больший восторг от гулких коридоров, полупустых комнат со старинной громоздкой мебелью в пыльных чехлах и высоких, как в часовне, сводчатых потолков галереи.

Пока наши матери пытались наверстать упущенное за годы разлуки, восстанавливая картину общих воспоминаний, связывавших сестёр в прошлом, мы с Элизабет привязались друг к другу крепкими узами духовного сродства, разорвать которые, как мне тогда казалось, не сумеет ни одна сила на земле.

Меня пленяло в кухне Элизабет решительно всё – и её манера очаровательно вскидывать голову, прежде чем разразиться нежным благовоспитанным смехом; и сияющие от неожиданной находки глаза, даже если это было всего-навсего переливчатое воронье перо; но более всего меня привлекала в ней основательная безмятежная уверенность в правильности и единственновозможности каждой жизненной ситуации. Это восприятие каждого дня как небольшого, но удивительного чуда, дарованного свыше, поражало меня до глубины души и вселяло ещё большую любовь к моей новообретённой родственнице.

Конечно, свою роль в становлении её натуры сыграло серьёзное религиозное воспитание, которым занимался её отец, викарий англиканской церкви Джошуа Пристли. Хотя тётушка Мод, как я заметила позже, излишней религиозностью и не отличалась, Элизабет воспитывалась в строгом соответствии с церковными канонами и с детства была приучена видеть в каждом наблюдаемом событии руку провидения, наставляющего неразумных детей своих на путь истинный.

Вместе с тем мрачная религиозная одержимость, так пугавшая меня в викарии Пристли, совершенно отсутствовала у Элизабет, постигавшей мир Божий и его законы со взволнованным и радостным предвкушением ребёнка, разворачивающего долгожданный подарок.

Всякий раз после отъезда тётушки Мод и кузины Элизабет наш огромный мрачный особняк казался мне ещё более обветшалым и заброшенным. Моя мать почти сразу же погружалась в свою привычную апатию, будто накидывала на себя уютную шаль равнодушия к окружающему миру. Усталые раздражённые слуги возвращались к неспешному ритму жизни, не подразумевавшему чистки серебра или каминных решёток, так что наш быт, так сильно преобразившийся с приходом тётушки, возвращался к своему изначальному состоянию.

Жизнь, которая начинала бурлить и искриться с приходом желанных гостей, быстро затухала и превращалась всё в то же стоячее болото, что и обычно. Решимости матери навести соответствующий порядок в нашем несурзном доме хватало ненадолго, а все её обещания, данные тётушке Мод при расставании, оставались невыполненными. (К слову, отец довольно прохладно отнёсся к тому факту, что в поместье частенько приезжает сестра жены с дочерью, но так как виделись мы с ним только за короткими трапезами, да ещё и не каждый день, его мнение нас с матерью не особенно интересовало).

Таким же образом дело обстояло и с моим домашним образованием. До этих пор ни мою мать, ни моего отца не волновало то, что большую часть дня я предоставлена самой себе, а нянюшкины рассказы никоим образом не соответствуют тому, что должна знать и уметь юная барышня моего возраста и положения.

После первого же визита тётушки Мод начала всерьёз обсуждаться идея поиска для меня хорошей гувернантки, способной привить мне любовь к порядку и благоразумию, а также научить достойно держать себя в обществе. Почувствовав угрозу своей привольной жизни, я встретила эту идею со всей строптивостью невоспитанного ребёнка, который не привык к ограничению свободы. Можно сказать, что я уже изначально питала ненависть к этой неизвестной леди, которая должна была прибыть в наш дом и поселиться в соседней со мной комнате.

Не только я оказалась не готова к вторжению постороннего человека в размеренный и привычный ход нашей жизни. Моя мать тоже не выказывала никакого энтузиазма по поводу массы хлопот, которые неизменно бы появились с появлением в Хиддэн-мэнор гувернантки для её подрастающей дочери. Поэтому было решено

пойти на компромисс и подчиниться мягким, но настойчивым требованиям тётушки Мод превратить меня в маленькую леди, при этом избавившись от необходимости расширять штат прислуги.

Моя мать решила заняться моим образованием собственноручно, и идея эта целиком захватила её на какое-то время, что меня удивило и обрадовало. Наблюдая за нежными взаимоотношениями тётушки Мод и кухни Элизабет, я лелеяла надежду на то, что мы с моей матерью станем так же близки друг к другу, но ожиданиям моим сбыться было не суждено.

Хронические мигрени и меланхолия, которыми страдала моя мать, не позволяли ей уделять мне столько внимания, сколько я требовала от неё. Нередко с самого утра её комната оказывалась заперта для меня, а семейный доктор, лечивший мою мать по большей части настойкой опия и горячими припарками, настоятельно советовал не беспокоить больную.

Занятия наши прекратились, так по-настоящему и не начавшись, и комната на втором этаже, специально подготовленная для проведения уроков, стояла закрытой.

Вскоре я начала ожидать визита тётушки Мод и кухни Элизабет не только для того, чтобы увидеть дорогих моему сердцу людей, но и по той причине, что при них моя мать забывала о своих недомоганиях и становилась деятельной и смешливой. Неподдельное внимание и искренняя любовь, которые она дарила мне в эти дни, заставляли меня забывать о предшествующих им неделях холодности и равнодушия.

Перед сном я неумело молилась о том, чтобы тётушка Мод и Элизабет навсегда переехали к нам в Хиддэн-мэнор. Мне представлялись долгие счастливые дни, полные беспечных игр с Элизабет; чаепития у камина со свежими лепёшками (которые почему-то никогда не подавались к чаю вне приезда в поместье гостей), а также долгие прогулки вчетвером по скалистым холмам и вересковым пустошам Дартмура.

Эти упоительные картины, которые я рисовала в своём воображении, страстно желая их реального воплощения, казались мне невыразимо прекрасными. Тем большим ударом для меня стало известие о том, что тётушка Мод и кухня Элизабет отправляются в путешествие на континент, отчего мы долгое время не сможем увидеться с ними. Эта новость, которую я услышала в кухне от миссис

Дин, буквальным образом заставила мои ноги подкоситься, а сердце сжаться от предчувствия долгой разлуки.

Около недели я была безутешна, бродя по дому и не находя прежней радости в своих одиноких играх, которые теперь было не с кем разделить и о которых теперь было некому поведать. Удручённое состояние настолько завладело мной, что я начала плохо спать и потеряла аппетит; мои угловатые черты лица заострились, а волосы лишились привычного живого блеска.

Разлука с любимыми людьми заставляла меня страдать. Вполне вероятно, что она могла стать причиной развития меланхолического недомогания, но тут произошло нечто, заставившее мою мать стряхнуть с себя хроническое сонное оцепенение. У нас с нею появилась общая тайна, отчего мы обе воспрянули духом и сблизились, как никогда ранее.

Глава 2

В то утро нянюшка Бейкер разбудила меня позже обычного. Хандра, охватившая всё моё существо после известия об отъезде тётушки Мод, повлияла на моё здоровье, и я чувствовала себя слабой и больной. Резкий запах виски, которым нянюшка сдабривала свой утренний чай в промозглую и сырую погоду, вызвал у меня приступ тошноты и желание не покидать уютную постель под плотным пологом, сохранившим тепло.

– Вставайте, маленькая мисс! Неужто вы собираетесь полдня валяться в постели? – голос нянюшки, редко настаивавшей на своём, был на удивление резким.

Когда няня была не в духе, я старалась не подливать масла в огонь её неудовольствия, поэтому поспешила подчиниться.

Обычно, разбудив меня, нянюшка удалялась, предоставляя мне самостоятельно одеваться и совершать утреннее умывание (которое я частенько пропускала, не желая терять остатки тепла и покрываться мурашками от ледяной воды). Первой странностью сегодняшнего утра было то, что она продолжала высидеть надо мной, нервно постукивая правым ботинком по половицам и наблюдая за моими действиями, неодобрительно поджав губы.

Под её настойчивым взглядом я умылась и, стуча зубами, натянула тёплые чулки и шерстяное платье, гадая в уме, что же послужило причиной странного нянюшкиного поведения.

Спустившись в столовую, я, к несказанному моему удивлению, обнаружила там свою мать, которая сидела у огня в твидовом костюме, аккуратно причёсанная и улыбающаяся. Моё сердце забилося от предчувствия радостных известий, но, быстро окинув стол взглядом, я

не обнаружила дополнительных приборов для гостей и серебряной посуды, которую использовали, когда в поместье ожидали тётушку Мод с кузиной. Зато я увидела на столе свежие овсяные лепёшки, блестящие от масла, горшочек с мёдом, хрустящие полоски бекона, пышный омлет и пузатый кофейник, от которого шёл пар.

От запаха всей этой снеди мой рот сразу наполнился слюной, но объяснение такому изобилию на столе по-прежнему отсутствовало. Миссис Дин, наша кухарка, редко утруждала себя приготовлением таких изысканных завтраков, чаще всего по утрам на стол подавали остывшую овсянку, варёные яйца с копчёной пикшей или остатки холодного мяса, которое приходилось долго жевать.

Ещё больше меня удивляли хитрые заговорщические взгляды, которые бросала на меня моя мать, пока я с наслаждением завтракала. Один тот факт, что она вышла из своей комнаты в такое раннее время, уже приводил меня в изумление, а когда она предложила мне горячий кофе, щедро разбавленный свежими сливками, я и вовсе растерялась.

И тут внезапная догадка вспыхнула в моей голове.

– Гувернантка! – выпалила я, поспешно проглотив кусок восхитительной горячей лепёшки с мёдом и даже не почувствовав её вкуса. – В Хиддэн-мэнор приезжает гувернантка!

Мать удивлённо вскинула брови, а потом вяло махнула рукой, отметая моё предположение:

– Все нет, детка, с какой стати тебе пришло это в голову? Никто к нам не приезжает. Хотя, возможно, вечером у нас и будут гости.

– Но это не тётушка Мод с кузиной Элизабет? – с затаённой надеждой спросила я, зажмурившись в ожидании ответа.

– Нет, это совсем другие гости. Твои тётя и кузина сейчас плывут на большом корабле, гуляют по палубе и любуются океаном, – голос матери прозвучал задумчиво и печально, а ещё в нём слышались досада и неудовольствие, непонятно кому предназначенные.

Шпионя за ней сквозь ресницы, я заметила, как она с отсутствующим видом, чуть прищурившись, смотрит на огонь, и её лицо принимает мечтательное выражение. В такие моменты, когда мать уносилась мыслями в какие-то недоступные мне дали, меня пронизывало чувство утраты, которое спустя несколько лет станет моим привычным спутником, и я всегда с детской ревностью пыталась

вернуть её обратно, в ту реальность, откуда она так стремилась сбежать. Поэтому я произнесла капризным тоном:

– Я тоже хочу увидеть океан! Также хочу плыть на большом корабле!

Выражение досады вернулось на лицо матери, она нахмурила брови и порывисто встала, хлопнув в ладоши:

– Хорошие девочки не капризничают и не расстраивают маму. Доедай поскорее свой завтрак. Мы отправляемся на прогулку!

Находясь в ещё большем удивлении, я стремительно уничтожила содержимое своей тарелки и допила, стараясь не морщиться, остывший горьковатый напиток. Всё время после отъезда тётушки Мод моя мать пребывала в угнетённом расположении духа, не выходя из своей комнаты. Тем радостнее было видеть оживление на её лице, говорившее о том, что период безразличия и апатии окончился.

Погода в это время года не баловала солнечными днями, но этим утром через просветы в низких тучах проникали тусклые лучи солнца, освещая местность зыбким светом. Белые снежные мухи медленно кружились над нами, пока мы шли по дороге, ведущей к Лидфордской деревне. Остановившись там, где дорога раздваивается и ведёт к Тэвистоку, моя мать задумалась на мгновение, а затем свернула к ущелью. Солнце скрылось и порывы промозглого ветра заставляли вздыматься полы её светлой верблюжьей пелерины, отчего она походила на призрак, медленно бредущий в сумрачном свете.

Моя мать не любила пешие прогулки по землям, граничащим с поместьем, поэтому, следуя за ней, я всю дорогу гадала, чем вызвано её желание посетить ущелье. Когда я уже хотела нарушить затянувшееся молчание, чувствуя, что мать опять унеслась мыслями куда-то далеко от меня, она неожиданно спросила:

– Маргарет, ты веришь, что духи умерших находятся среди нас?

Мне показалось забавным то, что она спросила о призраках спустя всего лишь несколько минут после того, как я о них подумала, поэтому у меня вырвался короткий смешок. Мать чуть вздрогнула и как-то странно на меня посмотрела. Испугавшись, что разочаровала её, я мгновенно стала серьёзной и с жаром ответила:

– О да! Где же им ещё быть? Конечно, они окружают нас. Вот только увидеть их сможет не каждый.

Мать опять бросила на меня странный взгляд и пробормотала что-то вроде: «Признаться, я удивлена!», а потом, повысив голос, задала вопрос:

– А ты, Маргарет, когда-нибудь видела духа или призрака?

В тот момент я порадовалась тому, что шла чуть позади и широкие полы разлетающейся пелерины не давали ей заглянуть мне в лицо. Я лихорадочно раздумывала, как правильно ответить на этот вопрос, не оборвав ниточку искреннего интереса ко мне.

Сама ситуация, сложившаяся этим удивительным утром: наша чинная прогулка, беседа, в которой она интересовалась моим мнением по такому серьёзному вопросу – всё это вскружило мне голову и вызвало желание удержать материнское внимание. Поэтому я с кажущейся небрежностью прервала затянувшуюся паузу:

– Ну... Не то, чтобы видела. Но я иногда играю с Белой Леди. Она живёт там, дальше, у водопада, – и я показала рукой на ущелье.

Мать вздрогнула и остановилась, повернувшись ко мне. Ветер яростно трепал пелерину, превращая её в птицу, отчаянно бьющую крылами. Пристально рассмотревшись в моё лицо, она спросила со странной настойчивостью:

– Ты когда-нибудь разговаривала с нею?

Няня Бейкер часто поучала меня, что ложь и притворство ведут человека по скользкому пути порока, поэтому я не решилась дать волю своему воображению и честно ответила:

– Нет, Белая Леди обычно безмолвна, – и сразу продолжила, опасаясь того, что интерес матери к беседе со мной увянет, – но я часто вижу, как она скрывается за деревьями, когда прихожу в ущелье одна. Белая Леди всегда в одном и том же платье, а в руке держит платок, которым утирает слёзы. И иногда мне кажется, что она зовёт меня.

Глаза матери расширились от изумления, а щёки разрумянились от непонятого мне волнения. Порывисто схватив меня за руки, она с восхищением произнесла:

– Маргарет, ты удивительная девочка! И очень храбрая! А ты уже рассказывала кому-нибудь о том, что видела?

Я помотала головой, опустив глаза, не в силах говорить от ощущения жаркого счастья, вызванного словами матери.

– И ты не боялась? Не боялась, что Белая Леди причинит тебе зло?

— Нет, ведь это всего лишь бесплотный дух, — подняла я глаза на мать, удивляясь звучащему в её голосе изумлению. — Они живут в своём мире и не могут совершить что-то нехорошее.

В моей голове всегда свободно уживались собственные фантазии, рассказы нянюшки Бейкер о древних легендах и суеверия местных, из-за чего я искренне не понимала трясущихся от ужаса горничных, опрометью выбегавших из подвала, если им доводилось почувствовать дуновение сквозняка на своём лице. По этой причине горничные в нашем доме редко задерживались надолго, ведь каждая из них, будучи уроженкой здешних мест, с детства слышала истории о Лидфордском ущелье и Уистменском лесе, в котором одинокие путники частенько видели призрачные похоронные процессии, медленно бредущие по Дороге Мёртвых. Наш старинный обветшалый дом, одиноко высившийся между лесом и ущельем, и вправду выглядел крайне мрачно, навевая мысли о привидениях и неупокоенных душах, но я всегда находила эти суеверия забавными и несостоятельными.

Вне себя от успеха своей истории, на обратном пути я трещала, не умолкая ни на секунду. Я поведала матери о призраках всё, что когда-либо слышала от нянюшки Бейкер и деревенских девушек, слегка приукрашивая эти рассказы и пытаясь представить себя в выгодном свете. Но она уже почти не слушала меня, торопливо шагая и что-то неразборчиво бормоча себе под нос. Как стало понятно потом, наша беседа в то утро дала толчок всем произошедшим далее событиям, вот только я ещё этого не понимала. Кому суждено знать, как бы я повела себя, если бы догадалась об истинной причине материнского интереса?

Когда мы вернулись домой, мать сразу же прошла к себе, не глядя более на меня, чем я была крайне раздосадована. Но, давно привыкнув к быстрой смене её настроений, я не придавала этому особого значения и поспешила наведаться к миссис Дин в надежде полакомиться остатками завтрака. В кухне всегда стояло ровное тепло от огромной и жарко натопленной плиты, поэтому я согрела озябшие за время прогулки руки и только тогда обнаружила, что и кухня, и помещение для слуг пусты.

Поднявшись на второй этаж, я обнаружила всех слуг в малой гостиной, которая долгое время почти не использовалась, ведь гостей мы принимали крайне редко. Миссис Дин с недовольным лицом

командовала угрюмыми горничными, которые, вяло переговариваясь, пытались придать комнате жилой вид. Не заострив особо внимания на этом факте, я тихонько взбежала по боковой лестнице на третий этаж, унося в карманах платья тёплые лепёшки, приличный кусок запечённого окорока и пару яблок, и собираясь устроить себе королевское пиршество.

Как все одинокие дети, растущие без братьев или сестёр, я обращала мало внимания на окружающих меня людей и имела в запасе сотни игр, для которых не требовалось более одного участника.

В залах отцовского дома, служившего ареной для моих фантазий, происходили доблестные сражения, пышные королевские приёмы и ристалища благородных рыцарей, совершающих подвиги во имя Прекрасной Дамы. Но самой-пресамой моей любимой забавой была игра в призрака.

Играла я в неё нечасто, опасаясь потерять то щекочущее чувство, ради которого всё действо и затевалось. Забава эта требовала полного сосредоточения на собственных ощущениях и полной же тишины, которая всегда царила на третьем этаже восточного крыла Хиддэн-мэнор. Даже с любимой Элизабет я не смогла разделить это сладкое и пугающее переживание, не смогла найти нужных слов, чтобы поведать ей об этой необычной игре. К тому же меня останавливала мысль, что кухня вряд ли одобрит подобное развлечение и может счесть его неприличным.

Собираясь играть в призрака, надлежало встать на середину зала и запрокинуть голову назад, пристально вглядываясь в затейливую роспись на сводчатом потолке. Смотреть приходилось долго, пока в голове не поднимался лёгкий шум, а шея не начинала ныть. После этого нужно было как можно медленнее прикрыть глаза, но так, чтобы узор потолка продолжал видиться сквозь сомкнутые веки, и ни на минуту не ослаблять внимание, путешествуя взглядом по каждому отрезку полустёршейся росписи. В какой-то момент начинало казаться, что мои глаза по-прежнему открыты, а руки и ноги становятся невесомыми и движутся вверх. Множество раз я испытывала сладкое и тягучее ощущение парения в пустоте, чувствуя, что поднимаюсь над полом, возносясь к потолку и становясь бесплотным духом.

Всецело погрузившись в игру, я не сразу услышала шаги няни Бейкер, знавшей почти все мои укромные места для игр. К этому

времени я уже успела позабыть об утреннем разговоре с матерью и загадочных гостях, которые должны были посетить нас.

– Попомните мои слова, мисс, отправят вас в пансион, – пропыхтела, отдуваясь, няня Бейкер, недовольная тем, что ей пришлось искать меня по всему дому. – Отправят и домой забирать не будут, чтобы вы научились себя вести, как следует воспитанной леди.

От неожиданности я вздрогнула и на миг представила подобную перспективу, но последующие слова няни потрясли меня ещё больше.

– Прибыли гости, и ваша матушка хочет, чтобы вы спустились к ней и помогли за чайным столом.

Никогда ещё на моей памяти наш дом не посещал никто, кроме тётушки Мод и кузины Элизабет, и желание матери видеть меня рядом с собой в этот момент наполнило мою душу ликованием. Пребывая в сильнейшем возбуждении, я позволила няне Бейкер переодеть меня в чистое платье и заплести мои волосы в тугую причёску, не обращая внимания на боль от чрезмерно стянутого узла. Продолжая гадать, откуда прибыли гости и кто они, я с замирающим сердцем спустилась на второй этаж и подошла к дверям малой гостиной. Услышав за ними гул множества голосов, от робости я попятилась назад, но няня Бейкер распахнула двери и резким движением втокнула меня внутрь.

Первой, кого я увидела, войдя в комнату, была немолодая дородная леди в розовом платье, украшенном множеством пышных оборок и рюшей. В руке она держала сладкий кекс с коринкой, и её полные красные щёки ритмично двигались, пережёвывая угощение. Замерев на пороге, я уставилась на неё, не в силах отвести взгляд от крупных, будто мужских, обветренных рук. Такие же руки были у нашей старшей горничной Абигайль в дни большой стирки.

Увидев моё замешательство, мать порывисто подошла ко мне и незаметно для остальных ущипнула за плечо, напомнив о хороших манерах. Спohватившись, я шагнула вперёд и неловко поприветствовала присутствующих, а мать с плохо скрытым торжеством в голосе сообщила всем:

– Вот! Это наш проводник. Несмотря на малый возраст, девочка показывает отличные способности к установлению контакта. Просто удивительные способности!

Дама в розовом платье тут же перестала жевать и, хищно ослабившись, поманила меня к себе.

– Ну-ка, ну-ка! Какая милая маленькая леди! Иди-ка сюда, прелестное дитя. Скажи мне, как тебя зовут? – пророкотала она низким голосом.

Без промедления мать подвела меня к ней так близко, что я увидела чёрные волоски над её верхней губой и ощутила лёгкий запах плесени, идущий от топорщившихся во все стороны оборок платья.

– Меня зовут Маргарет, миссис, – негромко ответила я, стараясь не смотреть на её руки, существовавшие как будто отдельно от остального тела.

– Какое красивое имя! – с преувеличенным восхищением произнесла дама и похлопала по сиденью стула, стоявшему рядом с нею. – Садись-ка, Маргарет, и расскажи нам о том, когда ты первый раз вошла в контакт с потусторонним существом.

– Расскажи, когда ты первый раз увидела Белую Леди и что ты при этом почувствовала, – повторила её просьбу моя мать, со странной настойчивостью глядя на меня. Я заметила, что чашка с чаем в её руке чуть подрагивала, а глаза косили самую малость больше обычного, как это всегда бывало у неё от волнения.

В этот момент все присутствующие в комнате замерли и усталились на меня, перестав жевать, только седовласый господин продолжал шумно прихлёбывать чай. От звука глотательных движений, которые он производил, и пристального внимания ко мне со стороны такого большого количества людей я совсем растерялась и почувствовала, как пунцовый жар заливает мои лицо и шею. До меня наконец дошло, что утренняя ложь, целью которой было привлечь внимание матери, теперь вряд ли обойдётся без последствий. В моём сознании промелькнула мысль о том, чтобы признаться во всём и объяснить, что я выдала за реальные события плоды своего воображения, но, представив огорчение матери и её разочарованный взгляд, обращённый ко мне, я ужаснулась и ещё больше покраснела.

– Я вижу Белую Леди уже давно, – пробормотала я, чувствуя, как меня начинает мутить от запахов плесени и розового масла, витавших в гостиной. – Она плакала за деревом, и мне стало её жаль.

Леди в розовом закивала, отчего её обширный подбородок затрясся, и уверенным тоном прокомментировала:

– Так-так, неупокоенная душа сама искала контакт. В этом случае всё намного проще.

– А ты не испугалась, когда увидела Белую Леди и почувствовала её зов? – вступила в разговор ещё одна дама, своей худощавостью и бесцветностью сама напоминая призрак.

– Нет, не испугалась, – помотала я головой. – Но я помню, что мне стало холодно. И в животе появилось какое-то странное ощущение.

Все удовлетворённо закивали головой и начали тихо перешёптываться, поглядывая на меня.

– Это была всего лишь игра! – попыталась я найти путь к отступлению, но меня уже никто не слушал.

Лицо матери разгладилось и она воскликнула, похлопав меня по плечу:

– Маргарет удивительный ребёнок, не правда ли?

От похвалы я не смогла сдержать счастливую улыбку и опустила голову ниже, опасаясь, что присутствующие разгадают мою тайну. Все начали возбуждённо переговариваться, а я, получив передышку, слезла со стула и встала за спиной у матери, сидевшей с ликующим видом у камина.

Немного успокоившись и обнаружив, что более никто на меня не смотрит, я снова ощутила угрызения совести из-за своего обмана, который непостижимым для меня образом привёл ко всем последующим трагическим событиям. Тот вечер положил начало серьёзному разладу между моей матерью и отцом, и если бы я тогда могла знать, чем обернётся для всех нас моя невинная ложь, то скорее бы согласилась остаться на всю жизнь безгласной, чем произнести ещё хоть одно слово.

Но перед сном мать пришла ко мне в комнату и была со мной так ласкова и мила, что мрачные мысли мгновенно улетучились из моей головы. Взяв с меня обещание никогда не рассказывать о событиях этого вечера отцу, она сказала, что отныне мы связаны нерушимыми узами общей тайны, и это наполнило мою душу радостной признательностью.

Глава 3

На следующий день я проснулась так рано, что опередила нянюшку Бейкер, вызвав этим её непритворное изумление.

Обычно няня, если пребывала в добром расположении духа, позволяла мне понежиться в постели и насладиться теплом перед тем, как выбраться наружу. Если же она бывала с утра раздражена перебранкой с кухонными девушками и миссис Дин (с которой время от времени у них разгоралась настоящая вражда), то безжалостной рукой сдёргивала с меня одеяло и заставляла умываться ледяной водой из кувшина, при этом зорко наблюдая за всеми моими действиями.

Одевшись и умывшись без единого напоминания с её стороны, я сейчас же направилась к комнате матери, оставив без внимания накрытый в столовой завтрак. Теперь, когда нас с матерью связывала общая тайна, я считала себя вправе претендовать на большее количество её внимания, не дожидаясь, когда она пришлёт за мной.

Мать занимала большую комнату в центральной части дома, к которой примыкали вместительная гардеробная и будуар. Частенько, когда строгий доктор запрещал мне или кому бы то ни было беспокоить мать в её нездоровье, я пользовалась, бесспорно, неблагоприятным приёмом — проникала в гардеробную через неприметную дверцу, находившуюся под лестницей. Каждый раз, пробегая под ней, я ощущала холодок в животе, ведь всем известно, что проходить под лестницей — это дурная примета.

Вот и сегодня, пробежав на цыпочках под пыльными ступенями, затянутыми паутиной, я вошла в гардеробную и притаилась за дверцей открытого шкафа. Почти сразу же я поняла, что в комнате матери находится отец. Судя по всему, между ними происходила очередная бурная ссора, после которой отец обычно несколько дней не спускался в столовую, а мать запиралась в своей комнате, никого не желая видеть.

Их раздражённые голоса глухо доносились до меня через тонкую перегородку, но подобраться ближе я не рискнула, опасаясь выдать себя неосторожным движением. Всем в доме был известен буйный

отцовский нрав, который он давал себе волю демонстрировать при малейших признаках неповиновения его приказам.

– Извольте зарубить себе на носу, что я не потерплю в своём доме кучу всякого сброда! – даже из своего укрытия я слышала, каким возмущением и яростью звенит его голос. – Я понимаю, что вы привыкли якшаться с отребьем, но, став моей женой, вам придётся усвоить правила поведения в достойном обществе. Даже если вам не привили эти правила с детства! Неужели жизнь вас ничему не научила?

– Не вам рассуждать о достойном обществе! – запальчиво выкрикнула мать в ответ на тираду отца. – Ваши скверные занятия отвратили от нашего дома всех людей в этой забытой богом дыре. Я нахожусь в полнейшей изоляции, не имея даже возможности общаться с людьми моего круга. А ведь в Лондоне я блистала! Наш дом в Хэмпстеде посещали представители лучших английских фамилий! Но вы увезли меня в этот забытый край, поселили в холодном полуразрушенном доме, а теперь хотите лишить даже малой толики радостей, которые я могу отыскать в своём положении вашей узницы. Иногда мне хочется закричать во весь голос, и чтобы от моего крика обрушился весь этот старый выморочный дом со всеми его чёртовыми тайнами. Или чтобы у меня выросли крылья, на которых я улечу из этого склепа вместе со стаей птиц!

Наступила пауза, но звенящий голос матери продолжал раздаваться у меня в голове, столько пронзительной тоски и печали было в её словах. Через несколько минут, наполненных тяжёлым молчанием, отец откашлялся и холодно произнёс:

– Прошу, избавьте меня от ваших больных фантазий. Они навеяны опиумными снадобьями, которые вы поглощаете в неумеренных количествах. Позволю себе напомнить, что вы потеряли возможность возвращаться в высшем обществе Лондона исключительно по своей вине. К этому как раз и привело ваше нежелание следовать установленным правилам и традициям. Все эти годы я неукоснительно соблюдаю условия сделки, которая была предложена мне вашей покойной матушкой. И всё, чего я требую от вас, это всего лишь соблюдение своей части договорённости, не более того.

Голос отца, рассуждавшего про какую-то сделку (я не знала тогда значения этого слова), звучал до того холодно и безучастно, что у меня

началась нервная дрожь. По-видимому, на мою мать эти рассуждения подействовали таким же образом, потому что истерическая экзальтация покинула её, уступив место привычной вялости и апатии. Тем не менее она не собиралась отступить и со свойственным ей упрямством попыталась оставить последнее слово за собой.

До меня донеслось судорожное всхлипывание, отчего моё сердце наполнилось острой жалостью и состраданием, а затем она произнесла:

– Несомненно, вы вправе требовать от меня соблюдения условий той чудовищной сделки, благодаря которой вы получили неограниченную власть надо мной. Но имейте в виду, и я заявляю это вам со всей серьёзностью – если вы не позволите мне изредка приглашать к чаю друзей, я найду способ покинуть этот дом. И тогда вы не сможете отыскать меня и вернуть обратно!

Решимость в голосе матери, казалось, напугала её саму. Судя по молчанию отца, он тоже не ожидал от неё ни такого неприкрытого противодействия, ни таких мрачных в своей неопределённости угроз. Я стояла в своём укрытии, оцепенев от ужаса и представляя себе стаю гигантских птиц, которые уносят с собой мою мать, оставляя меня совершенно одну.

После недолгого молчания отец с матерью одновременно снова заспорили, но я уже не слушала их, целиком погрузившись в отчаяние. Услышав, как отец громко призывает Абигайль, приказывая ей принести наверх грелку и горячий чай с виски, я поняла, что у матери начался нервный припадок.

Проворно выбравшись из будуара, я на цыпочках пробежала по лестнице, ведущей на третий этаж, избегая разошедшихся ступеней, которые могли скрипом выдать моё местоположение. Сердце в груди колотилось, как сумасшедшее, от мысли, что мать может покинуть Хиддэн-мэнор, оставив меня одну.

Бросившись на заправленную кровать в одной из гостевых спален, где жила тётушка Мод во время своего пребывания в нашем доме, я дала волю слезам и отчаянным рыданиям, захлестнувшим меня. Затихнув через некоторое время, я свернулась калачиком среди подушек, пахнувших пылью. Когда тётушка Мод гостила в Хиддэн-мэнор, здесь витал лёгкий аромат её цветочной воды и мятного масла, но сейчас в затхлой атмосфере комнаты слышалась только

тошнотворная сладкая гниль, которую распространял увядший букет полевых цветов.

Многое в разговоре между матерью и отцом, которому я была незримым свидетелем, показалось мне непонятным. Упоминание о некой сделке, воспоминания матери о том времени, когда она была незамужней девицей – всё это не вызвало у меня большого интереса. Более всего меня испугала решимость в голосе матери, когда она пригрозила отцу бегством, и неприкрытая ненависть, сквозившая в каждом её слове.

Скверные же занятия отца, о которых упомянула моя мать в пылу ссоры, с недавнего времени перестали быть для меня секретом. Большая наивность полагать, что даже в таком доме, как Хиддэн-мэнор, можно долгое время скрывать тайну от любопытного и заброшенного взрослыми ребёнком, каковым, бесспорно, я являлась в пору своего одинокого детства.

Всё началось с того, что я научилась читать. Тётушка Мод, обнаружившая в один из своих визитов, что я совсем не знаю букв алфавита, приложила немало усилий к тому, чтобы преподать мне первые уроки грамоты. Терпеливо объясняя значение букв и их сочетаний, она хвалила и поощряла меня, восхищаясь моей цепкой памятью и любознательностью. От её похвалы внутри меня начинали звенеть голоса райских птиц, отчего я старалась прикладывать ещё большие усилия в стремлении заслужить одобрение и ласку.

Отчётливо помню, как однажды во время нашего урока я так сильно рассмешила тётю Мод, что у той на глазах выступили слёзы, а из-за белоснежного надушенного платка, которым она прикрывала рот, донеслись невнятные хрюкающие звуки, вряд ли уместные для благовоспитанной леди.

Тем утром после завтрака я получила от тётушки задание прочесть вслух газетную заметку, в которой повествовалось об испытаниях огромного дирижабля «Лебоди», состоявшихся недавно во Франции. Газетная статья привела меня в сильнейшее возбуждение. Сама мысль о том, что может испытывать человек, поднимающийся в воздух и вззирающий на бrenную землю с высоты птичьего полёта, вызвала у меня восторг, граничащий с почти религиозным трепетом.

Не сдержав эмоций, я с благоговением и одновременно решимостью произнесла:

— Когда-нибудь я тоже обязательно стану испытателем и поднимусь высоко в воздух, как эти смелые джентльмены. Стану самым знаменитым испытателем! И обо мне тоже напишут в газете! А сверху я увижу и океан, и Францию, и пролив...

Приступ гомерического смеха тётушки Мод прервал мою маленькую речь, вызванную искренним восторгом перед неутолимостью человеческой жажды свершений, но так велика была моя любовь к ней, что я не ощутила в своей душе обиды, а только недоумение.

Ослабев от смеха и промокнув уголки глаз платком, тётушка Мод выпрямила спину и, ласковым жестом поправив мои растрепавшиеся волосы, произнесла чуть охрипшим голосом:

— Ты такая забавная малышка, Маргарет! Но, прошу тебя, не высказывай подобных идей при других людях. Они могут счесть это не совсем приличным, что может выставить тебя в крайне дурном свете. Путешествиями, испытаниями и исследовательской работой занимаются только джентльмены. Благонравные леди с хорошими манерами не думают о таких вещах. И тем более не высказывают подобных намерений вслух. Особенно, принимая во внимание все прочие условия...

О «прочих условиях» я тогда знать не могла, но случай этот крепко врезался в память, заронив в моей душе зерно, всходы которого много лет спустя уже не вызвали у тётушки Мод такого добродушного смеха.

Чтение же открыло для меня целый мир, ничуть не менее привлекательный и захватывающий, чем прогулки по вересковым пустошам с маленькими мохнатыми пони в качестве спутников или воображаемые поединки и игры в высоких залах отцовского поместья. Моя бурная фантазия, доселе ограниченная границами Хиддэн-мэнор и близлежащих земель, теперь переносила меня сквозь время и пространство с той же лёгкостью, с какой обычные люди открывают дверь.

Книги и стали для меня той дверью, за которой скрывался необъятный мир, полный и величайших чудес, и чудовищных ужасов. В сыром зале библиотеки поместья находилось множество книг, но многие из них пребывали в таком плачевном состоянии, что прочесть их не представлялось возможным. Пятна плесени, сырые и склеенные

между собой страницы, размокшие переплёты – всё это являло собой крайне печальное зрелище. Тем не менее я отыскивала наименее пострадавших от неправильного хранения бедолаг и позволяла им унести меня прочь из нашего невесёлого дома, впитывая, как губка, все истории, которые они хотели поведать мне.

Не всё из написанного было понятным, смысл многих слов оставался таинственным даже после прочтения книги целиком, но я наслаждалась уже одним тем фактом, что книги давали мне возможность преодолевать границы собственного тела, будто в игре в призрака.

Теперь у меня появилась ещё одна причина с нетерпением ожидать приезда в Хиддэн-мэнор тётушки Мод и кузины Элизабет, которые непременно привозили в подарок для меня новые книги, упоительно и чуть едко пахнувшие свежей типографской краской. Навсегда в моём сердце осталась любовь к восхитительным и местами абсурдным приключениям Алисы, а также к невероятным поискам сокровищ юного Джима Хокинса.

Вскоре наступил день, когда неуёмное любопытство толкнуло меня на то, чтобы неосторожно открыть дверь, которую лучше было бы не отпирать.

Мне, как и всем живущим в Хиддэн-мэнор, пришлось усвоить главное правило – никому, ни под каким предлогом не дозволялось беспокоить отца в его таинственных занятиях, которым он предавался в подвалах северного крыла поместья. Это место находилось довольно далеко от жилой части дома (если не знать потайного хода, начинающегося в библиотеке), и производило гнетущее впечатление.

Северное крыло Хиддэн-мэнор не подвергалось ремонту уже несколько столетий, а близость густого леса и протекающая под зданием дома подземная река были причиной высокой влажности, не лучшим образом воздействующей на каменную кладку и дубовые панели внутренней отделки.

Слуги, да и местный люд, как я узнала позже, старались избегать этой части поместья, втихомолку рассказывая всякие небылицы о том, что там происходит. Молоденькие горничные, выпучивая от ужаса глаза и округляя рты, иногда шушукались с нашей кухаркой миссис Дин о том, чем же занимается отец в подвалах Хиддэн-мэнор. С детства прислушиваясь к их болтовне, я уяснила для себя, что отец

занимается чем-то недозволенным, чем-то таким, о чём не принято говорить открыто.

Помню, что однажды моя мать, спустившись в столовую к обеденной трапезе и находясь в том состоянии, когда ею овладевало лихорадочное возбуждение, неожиданно вскинула раскосые шальные глаза на отца и истерически выкрикнула:

– Ну, что? У вас получилось? Вызвали, наконец, своего дьявола?

Отец тогда вздрогнул, как человек, которого застали на месте преступления, и резким голосом приказал нянюшке Бейкер увести меня в детскую, а слугам покинуть столовую.

Потайной ход, ведущий из библиотеки в северное крыло здания, прямым к толстой заржавленной двери подвала, я обнаружила случайным образом. Мрачный зев представшего передо мной туннеля вызвал в моей душе неутолимую страсть к исследованию, затмившую страх и доводы разума. Трепеща, я шагнула в туннель с горящей свечой в руке. Трудно вспомнить, что я ожидала увидеть в конце своего пути, но само путешествие через недра поместья, отсыревшие стены, слабый, еле слышный плеск воды где-то под ногами и неизвестность, ожидающая меня впереди, – заставили моё сердце биться в ритме бешеной скачки.

Мне казалось, что время замедлило свой бег, таким однообразным был потайной ход на протяжении всего пути. Подол моего платья отсырел и липнул к ногам, вызывая неприятное ощущение, будто кто-то невидимый хватает меня за щиколотки, намереваясь остановить. Иногда на голову с потолка падала ледяная капля, что заставляло меня вздрагивать всякий раз, как это происходило.

Наконец, передо мной возникла дверь, покрытая ржавчиной. Поколебавшись всего лишь мгновение, я наудачу толкнула её. Дверь поддалась, заставив меня ещё сильнее затрепетать от любопытства в ожидании того, что я могла обнаружить и где оказаться.

На середине дверь застопорило, будто полностью распахнуться ей мешала какая-то преграда, и тогда я протиснулась в образовавшуюся щель, торопясь быстрее проникнуть внутрь.

Оглядевшись, я пришла в недоумение. Комната, в которой я оказалась, вся была уставлена массивными книжными шкафами, стоявшими вдоль стен. Во избежание тлетворного влияния сырости стены были обиты тонкой жёстью. Сквозь маленькие окошки,

расположенные под потолком, в комнату проникали тусклые лучи заходящего солнца, заставляющие золочёные корешки фолиантов загадочно мерцать.

«Я отыскала секретную библиотеку!», – подумала я, и от восторга чуть не захлопала в ладоши. Поставив свечу на стол, стоявший в углу таинственной комнаты, я кинулась к ближайшему шкафу и распахнула его створки. Бережно вытащив первую книгу, я сдула с неё толстый слой пыли и громко расчихалась, после чего замерла в испуге.

Книга была в порыжевшем от времени кожаном переплёте, и я сразу же поняла, что она очень старая, намного старше тех изданий, которые находились в библиотеке поместья и попадали ко мне в руки ранее. Страницы в ней были покрыты пятнами, из-за которых причудливая вязь текста кое-где не поддавалась расшифровке. Книга изобиловала иллюстрациями, поблёкшими от времени и изображающими странных животных и птиц, а на переплёте было вытиснено незнакомое мне слово «Бестиарий».

Стремясь удовлетворить терзающее меня любопытство, я бережно доставала книги с полок, не замечая, что паутина и пыль оседают на моих волосах, и с возрастающим удивлением рассматривала замысловатые картинки, пытаюсь выяснить, для чего эти книги предназначены. Почти все они были на незнакомом мне языке, а едва различимые таинственные значки на полях и вовсе были мне непонятны.

Бережно вернув эти странные книги на полку, я перешла к следующему шкафу и была вознаграждена – в нём находились книги, пребывавшие в значительно лучшем состоянии и написанные на понятном мне языке, хотя и содержащие массу незнакомых слов.

Даже их названия ничего мне не говорили: «Библиотека химических диковин», «Правомерность Спагирического Искусства Иоганна Тритемия», «Трактат Парацельса», «Гептамерон», «Философский огонь».

Сокрытый в этих книгах смысл странным образом взволновал меня, я как одержимая продолжала рассматривать затейливые рисунки и прочитывать вслух названия, вытисненные на переплётах, в надежде, что если приложу ещё немного усилий, то смогу проникнуть в предназначение каждой из них. Большинство этих сочинений были рукописными и от сырости, царившей в помещении, чернила

растеклись неряшливыми кляксами. Многие содержали иллюстрации, от которых меня начала бить нервная дрожь. Два рисунка по-настоящему, до трясущихся коленок, испугали меня.

На одном был искусно нарисован привязанный к широкой доске человек, из разрезанного живота которого господин неприятной наружности доставал нечто отвратительное на вид. На втором же было изображено непонятное существо, одновременно походившее и на человека, и на птицу. У него был длинный угрожающий клюв, неестественно большие круглые глаза и огромные чёрные лапы вместо рук. Одето существо было в свободную хламиду, под которой, как мне показалось, скрывались мощные крылья.

Быстро захлопнув страшную книгу, я вернула её в шкаф и почему-то ощутила приступ дурноты. Прислонившись лбом к прохладной поверхности шкафа, я так сильно погрузилась в собственные ощущения, что не сразу увидела, как за моей спиной вдруг выросла большая тёмная тень. Почувствовав лёгкое дуновение на шее, я оцепенела от ужаса, а когда мне на плечо легла чья-то ледяная рука, отчаянный крик вырвался из моего горла и заметался по комнате.

Позже, когда я успокоилась, встревоженный моим испугом отец взял с меня обещание никогда больше не проникать в это помещение через потайной ход. Я, не колеблясь, заверила его в этом, изо всех сил стараясь забыть увиденные неприятные картинки, но именно с той поры мне начал сниться один и тот же повторяющийся сон, в котором сплелись воедино реальность и вымысел.

Глава 4

В день, когда между моими родителями разразилась та отвратительная ссора, я ожидала, что мать проведёт несколько дней в постели, как это бывало обычно. Но к вечеру она спустилась в столовую умытая, причёсанная и с лихорадочным блеском в глазах. Тогда мне стало понятно, что она выиграла эту схватку, и что отец боится потерять её так же отчаянно, как и я.

Во время обеденной трапезы с лица матери не сходило упрямое выражение, отец же ел в полном молчании, не поднимая глаз. Гнетущую обстановку в столовой нарушало только сопение простуженной Абигаиль, прислуживавшей нам за столом.

Когда отец, не дождавшись десерта, покинул нас, мать заметно повеселела и, порывисто протянув руку, прикоснулась к моей щеке.

– Сегодня у нас будут гости, Маргарет, – заговорщически прошептала она, торжествующе улыбаясь. – Многие из них уже знают о твоих невероятных способностях. Остальным же не терпится увидеть тебя воочию. Ты ведь не подведёшь меня?

В голосе её одновременно слышались и мольба, и настойчивость. Мне не оставалось ничего другого, как согласно кивнуть, но тягостное и неприятное чувство вызвало у меня ощущение горечи во рту, а в животе возникли мучительные спазмы. Признаться честно, мне страстно хотелось, чтобы отец своей властью запретил гостям матери посещать наш дом. Мне не нравились ни сами посетители, ни лихорадочное возбуждение, которое всё больше овладевало матерью из-за этих сборищ.

Я еле дождалась окончания обеда, наскоро проглотив десерт и даже не почувствовав вкус фруктового пудинга, который был коронным блюдом миссис Дин. Улизнув из-за стола, я тихонько, как мышь, спустилась по чёрной лестнице в кухню и, увидев, как нагружают подносы чайной посудой, убедилась в том, что мать ожидает гостей.

Скрывшись за дверью кладовой, я некоторое время подслушивала перебранку миссис Дин с младшей горничной Мэри в надежде узнать что-нибудь любопытное, но они болтали о неизвестной мне Сьюзен,

которую, по их словам, ожидали крупные неприятности из-за того, что она была слишком неосмотрительна и сушила нижнее бельё на сквозняке. Вскоре, ничего не понимая в этой беседе, я соскучилась и выдала себя неосторожным движением, отчего с полки упала корзинка со свежими яйцами.

Не успев скрыться, я была застигнута на месте преступления миссис Дин и уже приготовилась выслушать строгую отповедь, как на лестнице раздался грозный окрик нянюшки Бейкер, немедленно призывающей меня к себе. Как можно неспешнее я поднялась к ней, нарочито медленно переставляя ноги, и была тут же схвачена её цепкой рукой.

Пока няня причёсывала мои непослушные волосы, грубо прохаживаясь по ним щёткой в отместку за мою демонстративную медлительность на лестнице, я пыталась расспросить её о прибывающих гостях, но она упрямо сжала тонкие губы и отказалась отвечать на вопросы. Судя по недовольному лицу, няня Бейкер не одобряла готовящееся мероприятие, о чём недвусмысленно свидетельствовал весь её нахмуренный облик.

Она проводила меня в малую гостиную и тут же исчезла, а я, поражённая увиденным, неподвижно застыла в дверном проёме. Все портьеры на окнах были наглухо задёрнуты, комната освещалась только свечами, в изобилии расставленными по всем свободным поверхностям. Откуда-то дул сквозняк и колеблющееся пламя свечей отбрасывало на стены уродливые тени, похожие на водоросли, шевелящиеся на дне мутной реки.

В этом неверном свете я увидела круглый стол, за которым находилось не менее десяти человек. Здесь были и джентльмены, и дамы, и усатая леди, запомнившаяся мне своими красными натруженными руками. Все они были страстно увлечены разговором, который вели полушёпотом, как будто опасались разбудить спящего рядом человека. Рядом с матерью стоял, нависая над ней, полный господин с неряшливыми бакенбардами, а она внимательно слушала его, беспомощным жестом прижав обе руки к горлу.

Для своего возраста я была невелика ростом и крайне тщедушна, поэтому в полумраке гостиной меня заметили не сразу, и я успела услышать несколько фраз, поразивших меня своим туманным и одновременно угрожающим смыслом.

– А я заявляю вам со всей ответственностью, миссис Кинтор, что добиваться непосредственного появления духа во время первого сеанса небезопасно! И для начинающего спирита, и для присутствующих! – отчаянно кипятилась бледная леди с широкими и неестественно чёрными бровями.

– Да будет вам, мисс Юджини, это не первый сеанс для нашего медиума, – успокоительно похлопала её по руке усатая леди. – Малышка Маргарет наделена поистине великими способностями. Вы непременно убедитесь в этом сегодняшним вечером.

Я поняла, что они вели беседу обо мне, и поспешила пробраться к матери, неловко задев в полумраке её соседку, худенькую леди в траурном платье.

От моего неуклюжего прикосновения та резко вздрогнула и вскинула на меня огромные печальные глаза. Её нижняя губа подрагивала, будто от сдерживаемых рыданий. Пристально уставившись на меня, грустная леди вдруг схватила мою руку, прижала к щеке и принялась сбивчиво благодарить громким шёпотом:

– О, милая Маргарет, я так счастлива, что ты согласилась! У тебя золотое сердце, дитя! Ты даруешь несчастным пленникам юдоли земной утешение и...

Дослушать я не успела, потому что в этот момент меня подняли в воздух чьи-то сильные руки, а потом я оказалась подле матери. Худенькая леди всё-таки расплакалась, не совладав с собой, и её принялись утешать две остроносые дамы в одинаковых шляпках, предлагая той поочерёдно капельку бренди, нюхательную соль и апельсиновую воду.

Это незначительное происшествие чрезвычайно взволновало меня, но моя мать, заметив испуганный взгляд, которым я окинула присутствующих, улыбнулась искренней и светлой улыбкой, прошептав чуть слышно:

– Маргарет, дорогая, тебе нечего бояться. Благодаря твоему великому дару эти люди сегодня получают утешение, которое им так необходимо. Ты и не представляешь, как я счастлива иметь такую дочь, как ты!

С этими словами она склонилась ко мне и запечатлела лёгкий поцелуй на моей щеке, а затем порывисто обняла, прижав к себе так крепко, что я услышала стук её сердца. В ту же минуту меня затопила

жаркая волна счастья, будто пылающий огонь пробежал по моим венам. Никогда ещё мать не была так обходительна со мной, и от её ласковых и нежных слов, обращённых ко мне, я ощутила великое воодушевление и решимость выполнить всё, что она мне прикажет.

К этому моменту общий разговор стих и в гостиной воцарилась напряжённая тишина, полная ожидания. Странные люди, собравшиеся в гостиной Хиддэн-мэнор, больше не пугали меня, и я молча наблюдала за тем, как они беспорядочно перемещаются вокруг стола, подчиняясь сумбурным приказам усатой леди.

Вскоре все расселись так, как им указала миссис Кинтор, и обнаружилось, что моё место находится рядом с ней. Мать послала мне через стол ободряющую улыбку, и я покорно опустилась на предназначенный для меня стул.

Только сейчас я заметила, что на столе лежит круг, вырезанный из бумаги, с нанесёнными на него буквами, в центре которого стоит фарфоровое блюдо. В полном молчании все присутствующие дружно взяли за руки и прикрыли глаза.

С одной стороны меня держала за руку усатая леди, а с другой – седовласый джентльмен с обветренным лицом и очень прямой спиной. Его ладонь показалась мне шершавой, словно древесная кора.

Не совсем понимая, что последует дальше, я тоже закрыла глаза и услышала шёпот миссис Кинтор, обращённый ко мне:

– Маргарет, ты должна сосредоточиться. Как тогда, когда призвала Белую Леди. Мы все поможем тебе. Помни, что сейчас ты находишься в кругу друзей и можешь дать волю своим способностям.

Подглядывая из-под ресниц я видела, как лица людей, сидящих за столом, серьёзны и напряжены в ожидании чего-то, что должно было вот-вот произойти. То ли от сквозняка, то ли из-за общей напряжённой атмосферы, царившей в комнате, но я и вправду ощутила легчайшее дуновение прохладного воздуха совсем рядом со своей шеей. В этот момент раздался явственный скрип двери, отчего худенькая леди в траурном платье издала слабый вскрик.

Содрогнувшись, я открыла глаза и увидела, что все присутствующие за столом, включая мою мать, пристально смотрят на меня, а на их лицах застыло одновременно выжидательное и почтительное выражение. Будучи девятилетней, я не привыкла к такому пристальному вниманию к своей особе со стороны взрослых,

но сейчас эта маленькая власть над их душами польстила мне и придала уверенности в себе.

Кто знает, что послужило причиной всему произошедшему в тот далёкий вечер? Моё разыгравшееся воображение и желание заслужить любовь матери, или неуёмная страсть присутствующих на сеансе людей к подтверждению сомнительных шарлатанских теорий? Или же в тот вечер в малой гостиной Хиддэн-мэнор и вправду произошло нечто сверхъестественное? Тем событиям минуло уже восемь лет, а я всё никак не найду ответа и на этот вопрос, и на многие другие.

Усатая миссис Кинтор, взявшая на себя руководство сеансом и его участниками, жестом пригласила всех вытянуть руки на стол и положить кончики пальцев на край фарфорового блюда, стоявшего в середине бумажного круга с буквами.

Мне для этого пришлось скинуть туфли и взобраться на стул, встав на колени, иначе я бы не смогла дотянуться до блюдечка. От шорохов и возни, производимых мною так несвоевременно, мать нахмурила лоб и метнула на меня раздражённый взгляд.

Миссис Кинтор, легко касаясь блюдечка кончиками пальцев, произнесла нараспев:

– Дух, ты здесь?

Несколько минут совершенно ничего не происходило, все продолжали держать пальцы на весу, едва прикасаясь к перевёрнутому блюдечку. Я застыла в неудобной позе, опираясь на локти и боясь пошевелиться, чтобы не вызвать недовольствия матери.

Вдруг блюде под моими пальцами будто нагрелось, и в то же мгновение я ощутила, как оно начинает неуклюже поворачиваться, мелко подрагивая под руками. Все присутствующие настороженно замерли, наклонившись вперёд, а миссис Кинтор, взявшая на себя обязанность проговаривать вслух ответы духов, громким шёпотом торжественно произнесла:

– Да, дух находится здесь, в этой комнате!

Затем она вкрадчиво спросила:

– У тебя есть имя? Как зовут тебя, дух?

Всё ещё не очень веря в происходящее, я наблюдала странную картину – блюде, без всякого зримого участия со стороны присутствующих, принялось деловито двигаться в разные стороны,

глухо постукивая по столу, а миссис Кинтор прерывистым от волнения голосом повторяла буквы, на которые оно указывало:

– Ка. Е. Эр. О. Эль...

– Это моя Керолайн! Моя бедная девочка, ты пришла ко мне! – громко прошептала печальная леди в траурном наряде и из её глаз тотчас же покатались слёзы.

– Миссис Питерс, спокойнее, прошу вас! – слышался чей-то сочувственный шёпот. – Вы можете испугать духа.

– О, спросите её, вспоминает ли она меня, – взволнованно молила миссис Питерс, не вытирая слёз, которые ярко блестели в колеблющемся пламени свечей.

В этот раз блюдце двигалось так быстро, что я не успевала следить за буквами, на которые оно указывало.

– Мне жаль, что ты страдаешь, мамочка, – бесстрастно произносила миссис Кинтор, делая паузы между словами. – Но мне хорошо здесь. Я часто прихожу к тебе, но обычно ты меня не видишь.

– Да, я чувствовала твоё присутствие! Я знала, что ты рядом! – прошептала миссис Питерс, уставясь невидящим взглядом куда-то в сторону камина. На щеках её алели два ярких пятна.

В этот момент произошла необъяснимая вещь – блюдце хаотично заметалось под нашими руками, выстукивая по столу какую-то отчаянную мелодию.

– Мы сейчас же должны отпустить её! – громко прошептала миссис Кинтор. – Повторяйте за мной: «Дух Керолайн Питерс, прощай! Мы отпускаем тебя!».

Все принялись повторять на разные лады эту фразу, а миссис Питерс достала из ридикюля чёрный платок и начала обильно орошать его слезами, судорожно вздрагивая и изо всех сил сдерживая рыдания.

Наконец блюдце успокоилось, все замолкли и даже несчастная мать, потерявшая горячо любимую дочь, притихла на стуле, прикрыв воспалённые глаза. Мне на миг стало любопытно, была бы моя мать также безутешна, доведись ей потерять меня? Но, взглянув на её встревоженное бледное лицо, я тут же устыдилась собственных гадких мыслей.

По изумлённым лицам некоторых джентльменов я поняла, что они, как и я, не ожидали подобного развития событий. Один из них,

думая, что этого никто не видит, осторожно протянул руку и ощупал столешницу изнутри.

Следующим духом, с которым нам довелось пообщаться, был безвременно почивший сэр Джеймс Осборн, приходившийся отцом двум остроносым леди, носившим одинаковые шляпки. Посредством сеанса они хотели выразить отцу свою неугасимую любовь и преданность, и также испросить благословения на брак с двумя молодыми людьми, приходившимися друг другу братьями. Дух сэра Осборна выразился на этот счёт довольно туманно, но молодые леди все равно обменялись ликующими улыбками, после чего отпустили его восвояси.

Происходившее в малой гостиной настолько захватило меня, что я потеряла ощущение времени. Приглядевшись к оплавленным свечам, можно было сделать вывод, что сеанс длится уже больше двух часов и напряжение, в котором я пребывала с самого начала вечера, стало снижаться. Уверенная сила, двигавшая блюдцем, перестала пугать и тревожить меня, но природа её оставалась по-прежнему таинственной и непонятной.

Пока все настраивались для вызова следующего духа, я улучила момент и, открыв глаза, взглянула на мать, сидящую напротив. Её бледность и беспокойный вид поразили меня до глубины души. Грудь её вздымалась столь часто, как будто она бегом поднялась по парадной лестнице в туго затянутом корсете, а на виске учащённо билась голубая жилка, как всегда бывало у неё при сильном волнении. На верхней губе появились крошечные капельки пота, хотя в комнате было довольно прохладно, и мне показалось, что она сию минуту может лишиться чувств.

Когда все открыли глаза и протянули руки к блюдцу, я послала матери сочувственный взгляд, пытаюсь ободрить её, но в этот момент она одними губами повелительно прошептала что-то, предназначавшееся миссис Кинтор.

Я увидела, что та кивнула матери, отчего рыхлый подбородок усатой леди неприятно заколыхался, а потом негромко проговорила серьёзным тоном:

— Я могу поздравить всех присутствующих. С помощью нашего проводника мы достигли необходимой концентрации энергии. Это позволит нам вызвать дух определённого человека.

Миссис Кинтор обвела всех взглядом, чуть задержавшись на бледном до синевы, как снятое молоко, лице моей матери, и обратилась с вопросительной интонацией к джентльмену с неряшливыми бакенбардами:

– Мистер Кэмпбелл? У вас, помнится, имелось особое пожелание. Вы хотели пообщаться с духом некой...

Она замялась, нахмутив лоб в попытках вспомнить имя, но мистер Кэмпбелл услужливо пришёл ей на помощь:

– С духом Дейзи Хармон. Дело в том, что я вёл это дело в тысяча восемьсот девяносто втором году...

– Ш-ш! – властно прервала его миссис Кинтор и джентльмен послушно умолк. – Нам ни к чему объяснения, мы должны лишь всей душой пожелать вызвать дух несчастной девушки. Призвать её в эту комнату. Дейзи Хармон, приди к нам!

Голос миссис Кинтор звучал глухо, будто она опустила голову в пустую бочку, и все тут же принялись повторять её последнюю фразу: «Дейзи Хармон, приди к нам!».

При свечах, среди теней, колышущихся на стенах, под монотонный бубнёж присутствующих, я принялась повторять вслед за ними зловещий призыв, но, как только я произнесла первое слово, ведущая сделала всем какой-то знак, и они умолкли. Мне же она прошептала на ухо, обдав несвежим дыханием:

– Маргарет, прошу тебя, не умолкай ни на секунду!

Я, повинувшись её властной просьбе, продолжила повторять ломким от смущения и страха голосом: «Дейзи Хармон, приди к нам!».

Неожиданно, в тот момент, когда я умолкла, набирая в грудь воздуха, блюдце под моими руками резко дёрнулось и я вновь ощутила странное тепло, пронизывающее кончики пальцев. Миссис Кинтор вздрогнула и бросила на меня странный взгляд, значение которого я не смогла правильно истолковать. Мистер Кэмпбелл же порывисто подался вперёд и прошептал, просительно глядя на ведущую:

– Она... То есть дух Дейзи здесь? В этой комнате?

Миссис Кинтор кивнула и, вновь искоса на меня посмотрев, спросила:

– Дух Дейзи Хармон, мы приветствуем тебя. Ты действительно здесь? В этой комнате?

Блюдце хаотично задёргалось, а потом уверенно повернулось тонкой линией, начертанной на его боку, к сектору бумажного круга со словом «Да».

– Спрашивайте, чего вам надобно, долго удерживать мы её не смогём, – прошептала миссис Кинтор, почему-то сорвавшись на простонародный выговор, присущий людям низкого происхождения.

Джентльмен сосредоточенно уставился на собственные пальцы и уверенно спросил:

– Дейзи, как ты умерла?

– Не спрашивайте её об этом! – тут же зашипела миссис Кинтор, – Духи огорчаются от таких вопросов.

Тем не менее блюдце принялось выбивать по столу слабую дробь, а затем указало на первые начальные буквы слова «убийство». Несколько дам негромко ахнули, а мистер Кэмпбелл задал следующий вопрос:

– Дейзи, ты видела лицо своего убийцы?

Сейчас же за столом воцарилась такая напряжённая атмосфера, что блюдце буквальным образом затряслось в бешеной пляске, беспорядочно вращаясь в разные стороны, пока не замерло, указывая на сектор «Да».

Я ощутила, как пальцы мистера Кэмпбелла задрожали, но голос, когда он задавал следующий вопрос, был по-прежнему повелителен и твёрд:

– Дейзи, назови нам имя своего убийцы!

С минуту блюдце мелко подрагивало под нашими руками, а потом медленно, будто нехотя, принялось указывать на буквы, которые миссис Кинтор произносила бесстрастным голосом:

– Эр. О. Дэ. Же. Е. Эр.

Спустя секунду после того, как имя убийцы было произнесено вслух, началось невообразимое: блюдце принялось практически летать по бумажному кругу, указывая на все буквы подряд, а общее волнение, воцарившееся за столом среди присутствующих, достигло своего пика.

Леди, которая потеряла маленькую Керолайн, зашла в приступе кашля и начала дышать с тонким, но вполне различимым свистом, а пятна на её щеках поменяли свой цвет с алого на пунцовый. Только мою мать, казалось, не затронуло происходившее вокруг неё, так сильно она была погружена в собственные мысли.

Миссис Кинтор, пытаясь взять ситуацию под контроль, приказала встревоженным тоном:

– Уберите руки от блюда все, кроме Маргарет!

После этого она прошептала мне на ухо: «Скажи духу Дейзи, что мы отпускаем её!».

Странно, но когда все, кроме меня и миссис Кинтор, убрали руки, блюдец почти в ту же минуту завершило свою безумную пляску и послушно улеглось под нашими пальцами. В хаотичной суете, которая поднялась за столом после разоблачения убийцы, мой слабый лепет: «Дейзи Хармон, мы отпускаем тебя!» остался никем не замеченным.

Мистер Кэмпбелл сидел с ошеломлённым лицом, уставившись в пустоту, и щипал свои бакенбарды, при этом невнятно бормоча что-то себе под нос и не отвечая на обращённые к нему вопросы. Несколько дам пришли в чрезвычайное возбуждение и принялись перешёптываться, прикрывая рты ладошками, а у миссис Питерс вновь начался приступ мучительного кашля. Моя мать во всей этой суматохе оставалась по-прежнему напряжённой, будто кошка перед мышинной норой, даже зрачки её широко распахнутых глаз были почти неподвижны.

Спустя несколько минут миссис Кинтор призвала всех к порядку и предложила продолжить сеанс.

– У нас осталось ещё одно незавершённое дело, – с лёгкой неуверенностью в голосе произнесла она и посмотрела на мою мать, отчего та внезапно ожила и придвинулась ближе к столу. Лицо матери приняло умоляющее и жалкое выражение, так не шедшее её гордым чертам, а нездоровая бледность сменилась румянцем.

Все послушно взялись за руки и закрыли глаза, а миссис Кинтор громко прошептала, адресуя вопрос моей матери:

– Чей дух вы хотите вызвать?

– Его звали Ричард Фергюсон, – срывающимся голосом ответила моя мать, и я привычно, но как-то отстранённо подумала, что она близка к нервному припадку.

Миссис Кинтор начала тяжело вздыхать и произносить с паузами: «Дух Ричарда Фергюсона, приди к нам!». Все присутствующие вновь, как заклинание, принялись повторять за ней эту фразу, а потом она опять приказала всем умолкнуть, прошептав мне на ухо: «Продолжай!».

Пока я повторяла незнакомое мне имя, мать шевелила губами вслед за мной, не останавливаясь ни на минуту и пристально глядя мне в глаза.

Снова я ощутила лёгкое дуновение возле себя, а потом миссис Кинтор дотронулась кончиками пальцев до блюдечка, сделав нам с матерью безмолвный знак последовать её примеру. Остальные участники сеанса сидели, положив руки на колени и внимательно наблюдая за нами.

В этот раз блюдце долгое время оставалось неподвижным, отчего мать принялась кидать на миссис Кинтор вопросительные взгляды, заставлявшие ту заметно нервничать. Вскоре я ощутила слабый, но настойчивый толчок блюдца с её стороны и попыталась расслабить руки, чтобы не стать помехой его движению. Однако сразу после этого блюдце будто подпрыгнуло в воздух, отчего миссис Кинтор вскрикнула и отдернула руки, прижав их к трясущимся жирным щекам.

Мы с матерью оказались единственными, кто продолжал держать кончики пальцев на трепещущем блюдце, и этот момент почему-то остался в моей памяти навсегда. Кончики её холодных пальцев, тёмные, чуть раскосые глаза, выбившаяся из причёски волнистая прядь... Прошло восемь лет, а я вижу эту картину так же отчётливо, как и в тот вечер.

– Дух Ричарда Фергюсона, ты здесь? – робко задала вопрос миссис Кинтор, с которой по неизвестной причине слетела уверенность и авторитетность.

Блюдце дернулось и указало на сектор со словом «Нет». Мать удивлённо подняла брови и посмотрела на ведущую, ожидая объяснений. Миссис Кинтор закусилла нижнюю губу, решительно протянула руки к блюдцу и задала другой вопрос:

– Кто ты, дух? Назови нам своё имя!

Теперь она смотрела на блюдце с опаской и недоверием, а когда оно принялось подёргиваться под нашими руками, резко выдохнула и прикрыла глаза, будто не хотела этого видеть.

Тем временем блюдце двигалось, указывая на буквы, складывающееся в имя, и когда миссис Кинтор произнесла его, моя мать не смогла сдержать возглас изумления.

– Эмили Фергюсон. Это дух Эмили Фергюсон, – ещё раз сказала ведущая. – Вы знаете кого-нибудь с таким именем?

Мать ответила, не глядя на неё, продолжая следить взглядом за блюдцем:

– Это его сестра. Она умерла десять лет назад, в тысяча восемьсот девяносто четвёртом году.

Тут она вскинула голову вверх, будто надеялась застать дух Эмили распластавшимся на потолке, и спросила:

– Где дух Ричарда? Почему ты пришла вместо него?

Блюдце тотчас заплесало, выстукивая ответ, и миссис Кинтор прочитала вслух:

– Его здесь нет.

Я совершенно ничего не понимала в происходящем, только продолжала следить за движениями блюда и поглядывать на мать, приходившую всё в большее возбуждение.

– И что это может означать? – спросила она дрогнувшим голосом.

Миссис Кинтор как-то растерянно повела плечами и несмело предположила:

– Может быть, это означает, что его нет в мире мёртвых? То есть... Он жив?

– Жив?.. – переспросила мать и посмотрела вокруг каким-то диким взглядом.

После этого она обмякла на стуле и попросила, с видимым трудом двигая побледневшими губами:

– Умоляю! Спросите её!..

Миссис Кинтор глухо откашлялась и прошептала:

– Дух Эмили Фергюсон, ответь нам! Ричард Фергюсон жив?

Атмосфера в комнате преисполнилась тревогой. Все участники сеанса замерли и с одинаковыми выражениями на лицах усталились на середину стола, а блюдце начало невыносимо медленно двигаться. Наконец оно остановилось, указывая на сектор «Да».

Лицо матери приняло, казалось, полубезумное выражение, всё её тело охватила дрожь. Отдёрнув руки от блюда, она прижала раскрытые ладони к лицу, выкрикивая что-то неразборчивое, одновременно и плача, и смеясь.

В это время по комнате словно пронёсся мощный сквозняк, от которого затрепетало пламя свечей и на стенах заплясали грозные тени. Когда больше половины свечей погасло, леди в одинаковых шляпках вскрикнули и вскочили на ноги, а кто-то из джентльменов,

кажется, это был мистер Кэмпбелл, начал отчаянно дёргать за сонетку, вызывая прислугу.

Я была донельзя встревожена состоянием матери, а кроме того, пребывала в растерянности из-за странных событий этого вечера, поэтому наблюдала за происходящим так безучастно, будто спала и видела сон наяву.

Никто из присутствующих не обращал на меня внимание. Когда горничные Абигайль и Мэри вошли в комнату, то, сразу разобравшись в ситуации, увели рыдающую мать, шёпотом споря о том, нужно ли сообщать о происшествии мистеру Вордсворту. Гости матери, чрезвычайно взбудораженные, начали расходиться, стараясь не смотреть друг на друга.

Я обратила внимание – перед тем, как покинуть комнату, они подходили к миссис Кинтор и что-то вкладывали в её раскрытую ладонь, благодаря кивком или поклоном. Она покинула гостиную последней, бросив на меня встревоженный взгляд исподлобья.

Глава 5

После того как мать увели наверх и послали за доктором, а гости в спешном порядке покинули Хиддэн-мэнор, я на какое-то время оказалась предоставлена самой себе. Забравшись с ногами на диван, стоящий возле потухшего камина, я не могла оторвать взгляд от оплывающих свечей, радуясь своему уединению и возможности обдумать то, что произошло этим вечером.

Ричард и Эмили Фергюсон... Я могла поклясться, что никогда ранее не слышала от матери упоминаний об этих людях. Кто они и кем приходятся моей матери? Почему её так взволновало известие о том, что Ричард Фергюсон жив? Какие эмоции скрывались за последующим после этого нервным припадком – смертельный испуг, отчаяние или невероятная радость?

Эти мысли вихрем проносились в моей голове, пока я совершенно неподвижно сидела в полумраке, за границей света, который давало колеблющееся пламя свечей. Перед моим внутренним взором стояло потрясённое лицо матери, когда она, не веря своим ушам, бледными губами прошептала: «Жив?..», и её глаза превратились в два бездонных колодца, на дне которых заплескалось безумие? Радость?

Я поймала себя на мысли, что ни я, ни мой отец никогда не вызывали у моей матери таких ярких эмоций, и этот факт заставил меня испытывать к неизвестному Ричарду Фергюсону глухую неприязнь. В тот момент таинственный незнакомец представлялся кем-то вроде мошенника и злодея, который собирался похитить законно причитающиеся мне крупницы материнского внимания и заботы.

Комкая подол платья и отрывая от него в бессознательной ярости ветхую тесьму, я не сразу услышала шаркающие шаги нянюшки Бейкер, которая вошла в малую гостиную с недовольным и встревоженным выражением на лице. Порыв сквозняка из-за открытой двери тотчас же погасил бóльшую часть свечей, отчего няня громко вскрикнула и тут же разразилась неразборчивой бранью.

Опасаясь разгневать нянюшку ещё сильнее, я предпочла не заставлять её искать меня по всему дому (няня Бейкер обычно не успокаивалась, пока не отыскивала свою воспитанницу), и вышла ей

навстречу из темноты. Моё бесшумное появление заставило её вздрогнуть и ещё раз вскрикнуть, прикрыв рот ладонью.

– Мисс Маргарет, до чего вы бледная! Как привидение, ей-богу! Что же вы в кухню-то не спустились? Тут холодина, как в склепе, – она зябко поёжилась и плотнее закуталась в тёплую накидку, а затем подошла ко мне и взяла за руку, уводя из гостиной, в которой я, как выяснилось позже, просидела в одиночестве более трёх часов.

Напоив меня горячим питьём, няня Бейкер, обычно скупая на доброе слово, с непривычной заботой принесла грелку, наполненную горячей водой, и подоткнула моё одеяло. От тепла и горячего напитка с резким запахом и непривычным вкусом мои глаза начали закрываться сами собой, едва я уронила голову на подушку. Последнее, что я услышала в тот вечер, было злобное ворчание няни, обращённое к кому-то, кого она называла «малахольной».

В ту ночь я дурно спала, то и дело просыпаясь в холодном, липком поту, после чего вновь погружалась в тяжкое забытьё. Меня преследовали странные, размытые образы, вмещающие в себя все мои детские страхи. Тут был и бородатый человек на деревянной ноге, однажды погнавшийся за мной по безлюдной Окгемптонской дороге, и бродяга с уродливой гноившейся раной на месте левого глаза, просивший подаяния на весенней ярмарке.

Вспомнилась мне и огромная свиная голова на жестяном поддоне, которую я увидела как-то раз в кухне, войдя туда с намерением напиться свежих сливок. Голова с дерзким вызовом смотрела на вошедшего в кухню, а с края поддона прямо на пол тонкой струйкой стекала свежая кровь, собиравшаяся в блестящую лужу.

Но всё-таки самым пугающим кошмаром была гигантская птица с длинным клювом и огромными круглыми глазами, которую я однажды увидела на рисунке в старинной книге. Даже сейчас этот образ преследует меня с неослабевающей силой, лишая воли и всяких рациональных мыслей. Тогда же, во времена моего детства, облик этой чудовищной в своём безобразии фигуры внушал мне поистине смертельный ужас, справиться с которым я не находила в себе достаточных сил.

Из-за кошмарных и изнуряющих сновидений я проснулась на следующее утро разбитая и обессиленная. Не дожидаясь няню Бейкер, которая иногда причёсывала меня и помогала одеваться, я кое-как

справилась с утренним туалетом самостоятельно и поспешила спуститься в столовую.

К моему удивлению, я застала внизу отца, давно закончившего завтракать, о чём свидетельствовали пустые тарелки, отодвинутые на край стола.

Не зная ничего о том, что могло быть ему известно о событиях вчерашнего вечера, я всё же решила сдержать обещание, данное матери, и попытаться сохранить её тайну, чего бы мне это не стоило.

После ночи, изобилующей кошмарными сновидениями, я не испытывала аппетита, но отец положил на мою тарелку целую гору снеди и заставил взять ложку и приняться за еду. Перед этим он заинтриговал меня, сообщив нарочито равнодушным тоном, что на кухне меня ожидает гость, которого я смогу принять только тогда, когда расправлюсь со своим завтраком.

Обычно немногословный, за столом отец частенько так глубоко погружался в собственные мысли, что иногда откладывал столовые приборы в сторону и начинал бормотать себе под нос нечто неразборчивое, параллельно с этим ведя записи в объёмной книге, которую всюду носил с собой.

Сегодня же он уделял мне повышенное внимание, к которому я не привыкла. Вопреки ожиданиям, про вчерашний вечер им не было сказано ни слова.

Терзаясь в догадках, кто же мог этим сумрачным утром пожаловать ко мне с визитом, я рассеянно отвечала на вопросы отца, размазывая остывшую овсянку по тарелке и стараясь не смотреть ему в лицо. Помню, что главным образом он интересовался моим привычным времяпрепровождением и любимыми книгами, которые я предпочитала остальным.

Наконец я расправилась с большей частью содержимого своей тарелки и нетерпеливо заёрзала на стуле, дожидаясь позволения покинуть столовую.

Суровое лицо отца озарилось скупой улыбкой (что можно было наблюдать крайне редко, особенно по отношению ко мне), и он отпустил меня взмахом руки, проводив долгим взглядом. Я торопливо сбежала по ступенькам, сгорая от желания выяснить, кто же ожидает меня в кухне, не побоявшись этим пасмурным утром предпринять долгое путешествие к нашему дому.

Чуть не сбив с ног Абигайль, которая несла из кладовой корзину с овощами, я влетела на кухню и вопросительно уставилась на миссис Дин, месившую тесто у большого стола. Бросив на меня хитрый взгляд, та рассмеялась и указала мне испачканной в муке рукой на что-то, находившееся на полу, возле плиты.

Подойдя ближе и увидев таинственного гостя, я на мгновение опешила и еле сдержала крик восторга, рвущийся из моей груди. Возле плиты, прижимаясь одним боком к её стенке и оттопырив крохотный хвост, напоминавший своей формой молодую морковку, находился белоснежный котёнок! Он с любопытством уставился на меня светло-голубыми глазами и сделал осторожный шаг навстречу, потешно сморщив розовый нос.

Без особых раздумий я нарекла удивительное создание, пахнувшее молоком, Снежинкой. (Как показало время, с именем я угадала, так как крохотный котёнок вырос в очаровательную гибкую кошку белоснежной масти со льдисто-голубыми глазами).

В тот миг исполнилась давно и тайно лелеемая мечта моего детства, и волна счастья затопила меня, заставив позабыть о всегдашней застенчивости. Взяв Снежинку на руки, я принялась знакомить с нею всех, кто был в этот момент в помещении кухни, произнося всякий раз предельно серьёзным тоном: «Меня зовут леди Снежинка, мэм. Я чрезвычайно рада нашему знакомству!»

Миссис Дин привела меня в восторг, поддержав игру и церемонно пожав Снежинке переднюю лапку. Даже мрачная Абигайль с вечно оттопыренной от недовольства окружающим миром нижней губой изобразила что-то вроде улыбки и произнесла своё полное имя, растягивая слова и неумело копируя манеры знатных дам. Кухонные девчонки, нанятые недавно в помощь миссис Дин, давились смехом, прикрывая рты ладошками, но всё же каждая пропищала своё имя с комичной серьёзностью, поклонившись Снежинке.

Ничто в этот день не было способно омрачить моё счастье. Воспоминания о вчерашнем вечере, жутковатые сквозняки в полумраке гостиной и беспокойная ночь, полная отвратительных образов, преследующих меня – всё это стало таким далёким, будто бы произошло несколько лет назад. Стыдно признаться, но даже мысли о матери и её состоянии после вчерашнего припадка почти не тревожили меня.

Восторг от обретения нового друга затмил собой все потрясения последних дней. К сожалению, величайшая радость, которую Снежинка подарила мне своим появлением, заставила меня потерять осмотрительность и стала причиной нечаянного предательства, о котором я безмерно скорблю и по сей день.

Провозившись всё утро с леди Снежинкой, отличающейся живым и любознательным характером, я придумала организовать для неё обзорную экскурсию по дому. Начать я решила со своей комнаты, где уже обустроила чудеснейший домик из большой шляпной коробки, тайком позаимствованной в гардеробной комнате матери (за что, несомненно, я получила бы взбучку, будь взрослые не так сильно поглощены собственными делами).

Здесь-то меня и отыскал отец. Подобный визит уже сам по себе казался событием, выделяющимся из ряда привычных, но более всего прочего меня насторожила принуждённая улыбка, застывшая гримасой на его лице.

Молниеносно задвинув под кровать шляпную коробку, превращённую моей безжалостной рукой в кошачий домик, я настороженно поприветствовала отца, не забыв вежливо поблагодарить его за чудесный подарок.

– Я рад, Маргарет, что мой дар пришёлся тебе по душе, – проговорил отец, вынимая из моих рук Снежинку и внимательно осматривая её со всех сторон. – Поверь, я всерьёз был озабочен выбором. Среди всех котят, которые были у мистера Гриффита, Снежинка показалась мне самой подходящей.

– О да, сэр, Снежинка невероятная красавица, а ещё она очень умна, – с жаром подтвердила я достоинства своей любимицы.

В огромных ладонях котёнок казался совсем крошечным, и я только сейчас обратила внимание на то, что руки отца испещрены застарелыми пятнами, будто от ожогов. Снежинка потыкалась розовым носом в его пальцы и, вздыбив пушистую спинку дугой, несколько раз возмущённо чихнула.

Неожиданно отец вытащил из кармана тонкую бечёвку с привязанным к ней комком обёрточной бумаги и принялся подёргивать ею в воздухе. Сначала котёнок лапкой нерешительно прикоснулся к незнакомому предмету, пугливо отскочил в сторону, а затем начал пружинисто подсакивать за шуршащей приманкой.

Казалось, отец искренне наслаждается невинной забавой: черты его лица разгладились и приняли непривычное безмятежное выражение. Расслабившись, я тоже включилась в игру, моё настороженное состояние сменилось искренней признательностью за неподдельный интерес к моей любимице.

– Презабавное создание, – со смехом проговорил отец, азартно выманивая притаившегося за креслом котёнка, местоположение которого выдавал дрожащий кончик хвоста. – Но, Маргарет, ты должна помнить о том, что отныне на тебе лежит ответственность за безопасность и благополучие леди Снежинки. Пока она не превратится во взрослую самостоятельную кошку, ты должна будешь заботиться о ней и оберегать её. Как думаешь, ты справишься с этой задачей?

– Да, конечно, я приложу все усилия! – решительно заверила я его. – Леди Снежинка достойна всего самого лучшего. Мы непременно будем с ней друзьями!

– Даже не сомневаюсь, – без тени улыбки произнёс отец серьёзным тоном. – Как ты полагаешь, какая комната в доме понравится ей больше всего? Наверное, кухня? Там всегда тепло, и выманить блюдце сливок у добросердечной миссис Дин для такой очаровательной малышки не составит никакого труда.

– Но... Я думала, что Снежинка будет жить в моей комнате, – слегка нахмурилась я, опасаясь, что отец будет возражать против присутствия котёнка в спальне. – Я приготовила для неё чудный домик, в котором ей будет тепло и уютно.

Забывшись, я вытащила из-под кровати изуродованную шляпную коробку, полную мягких лоскутков, но если отец и узнал в ней предмет, который явно не мог попасть в мои руки легальным способом, то от комментариев он воздержался. Напротив, его похвала окончательно растопила моё сердце и заставила позабыть о тревожном чувстве, охватывающем меня всякий раз в его присутствии.

Мирная болтовня и совместные игры с проворной Снежинкой необычайно сблизили нас. Отец даже рассказал мне несколько историй из своего детства, которым я внимала, затаив дыхание. Обычно всегда такой занятой и угрюмый, он, казалось, от чистого сердца наслаждался нашей беседой, издавая довольный расслабленный смешок каждый раз, когда ему удавалось шутливо схватить за хвост возмущённую таким неслыханным коварством Снежинку.

– У леди Снежинки, несомненно, чрезвычайно заносчивый нрав, – протянул отец, делая вид, что не замечает подрагивающий кончик хвоста, выглядывающий из-за коробки. – И до крайности любознательный. Интересно, ей бы понравилось присутствовать на вчерашнем званом вечере для узкого круга приглашённых, который состоялся в малой гостиной?

В этот момент Снежинка выпрыгнула из-за своего укрытия и принялась потешно насакивать на комок бумаги, привставая на задние лапы и издавая слабое шипение. Зрелище было настолько комичным, что я, давась от смеха и не особо вдумываясь в свои слова, ответила:

– О нет, не думаю, чтобы Снежинке понравился вчерашний приём. В гостиной было жутковато, а она ещё совсем маленькая. А от миссис Кинтор пахло плесенью. И немного щёлоком, как от Абигайль. И там происходило много странных и непонятных вещей. Нет, Снежинке бы там не понравилось. Я бы не захотела брать её с собой.

Комок бумаги в последнюю минуту ускользнул от крошечных цепких лапок и котёнок с уморительным недоумением уставился в пустоту.

– Ты благоразумная девочка, Маргарет, – похвалил меня отец. – Я тоже полагаю, что ни тебе, ни Снежинке не стоит посещать подобные мероприятия. Вот и мама вчера сильно расстроилась из-за всех этих событий. Дело в том, что её отец – твой дедушка, лорд Грейблум, погиб несколько лет назад в Южной Африке, и она даже не успела с ним проститься. Эта утрата до сих пор безмерно её печалит. Она сильно огорчилась из-за того, что у миссис Кинтор не получилось вызвать его дух, чтобы она поговорила с ним.

Бечёвка с бумажкой теперь медленно, чуть подрагивая, скользила по краю накидки, прикрывающей ножки кровати. За узорчатой завесой угадывалось нетерпение и яростный азарт, но Снежинка решила избрать выжидающую тактику, подпустив добычу ближе.

– Навряд ли она расстроилась из-за дедушки, – рассеянно произнесла я, принимая из рук отца бечёвку и пытаюсь выманить белоснежный комок из-под кровати. – Миссис Кинтор не вызывала никого по имени Грейблум. Мама огорчилась из-за человека по имени Ричард Фергюсон.

Мои усилия наконец увенчались успехом – леди Снежинка не выдержала длительной осады и выскочила из своего укрытия, угодив прямым в мои ладони, отчего я, счастливо рассмеявшись, закружилась по комнате, прижимая к груди свою любимицу.

Оказавшись неистощимым выдумщиком по части трюков с бечёвкой и приманкой, какое-то время отец ещё присутствовал в моей комнате, продолжая восхвалять сообразительность Снежинки и смеясь вместе со мной над свирепыми нападениями неутомимого создания. Когда же он оставил нас вдвоём, то я далеко не сразу поняла всю чудовищность совершённого мною проступка. Будучи всецело поглощена игрой с котёнком и расслабленной беседой с отцом, я потеряла всякую осторожность и нарушила обещание хранить тайну!

Осознание собственного предательства придавило меня к земле, будто тяжёлый камень. В полном отчаянии я подошла к дверям материнской спальни и долгое время стояла перед ними, не решаясь постучать и нарушить её покой. Так и не найдя в себе сил признаться в содеянном, я укрылась в своей комнате и принялась ожидать справедливой кары за свою несдержанность.

Прошло несколько дней, в течение которых мать не покидала свою спальню. Толстый и одышливый мистер Джефферсон запретил беспокоить её, поэтому я была лишена возможности повиниться перед ней и выяснить, как сильно она на меня сердится.

Множество раз я прокрадывалась в будуар и, прикинув ухом к стене, пыталась уловить, что происходит в комнате, но там всегда было тихо. Из разговоров горничных, подслушанных мной, я поняла, что на этот раз разлад между моими родителями достиг небывалой силы. Однажды, когда я пряталась в кладовой, то услышала, как миссис Дин сказала, обращаясь к Абигаиль: «Попомни мои слова, это затишье перед бурей. Случится что-нибудь ужасное, вот увидишь. Теперь уж недолго ждать осталось!»

В те редкие дни, когда я виделась с отцом за обедом или ужином, он вёл себя предупредительно и отстранённо, ничем не напоминая того весельчака, с которым мы вместе хохотали над проделками Снежинки. Замечая его холодность, я старалась реже попадаться ему на глаза, проводя больше времени в своей комнате или на третьем этаже жилой части дома. Теперь со мной рядом всегда находился пушистый комочек, готовый принять участие во всех моих играх, а это означало,

что даже будучи предоставлена самой себе, я не чувствовала себя одинокой. Леди Снежинка обладала лучшими чертами настоящего друга – была весела, неназойлива и способна утешить меня в минуты уныния своей незатейливой кошачьей песенкой.

Но надо признать, что в Хиддэн-мэнор и вправду творилось нечто странное. Никогда ещё после припадка мать не проводила так много времени в постели, не желая никого видеть. Разлука с нею наполняла моё сердце печалью и тоской, и похожие чувства я ловила во взгляде отца, когда он входил в столовую перед обедом и бросал грустный взор на её пустое кресло. Она словно покинула нас, не покидая при этом Хиддэн-мэнор, выбрав для своего затворничества пропахшую лауданомом спальню, из окон которой было видно дорогу, ведущую к Лидфордскому ущелью, и кромку Уистменского леса.

Неизвестно, сколько бы ещё продлилась эта ситуация, наполнявшая весь дом гнетущей атмосферой, но в один из хмурых дней (кажется, в начале апреля), перед парадным крыльцом Хиддэн-мэнор остановился знакомый экипаж и в холле, будто чудесная фея, возникла моя обожаемая тётушка Мод. Оцепенев от такой неожиданной радости я, стоя на лестнице, с трепетом наблюдала, как из-за её пышных юбок появляется кузина Элизабет и простирает ко мне руки, сияя искренней улыбкой.

От восторга я потеряла дар речи – пока мы ожидали, когда мать приведёт себя в порядок и спустится к нам, я могла лишь односложно отвечать на вопросы тётушки Мод и разглядывать её удивительный туалет. Кузина Элизабет была одета чуть скромнее, но яркие муаровые ленты в её волосах и затейливое кружево на воротничке платья показали мне восхитительным оперением райской птицы.

Разворачивая подарки, которые тётушка вручила мне с ласковой улыбкой, я с трудом сдерживала радостные возгласы, рвущиеся из моей груди. Никогда ещё я не получала такие чудесные дары, да ещё упакованные в нежнейшую, будто замшевую бумагу с лёгким цветочным ароматом. В числе подарков были новые книги, два платья из тонкого муслина, невесомые, словно белоснежная паутинка, перчатки, миниатюрные дамские часики на длинной цепочке и великолепная лакированная музыкальная шкатулка, крышка которой была украшена искусной резьбой. (К музыкальным шкатулкам и прочим механическим заводным игрушкам моя тётушка питала особое

пристрастие. Её дом в лондонском пригороде, куда я отправлюсь спустя год с небольшим после описываемых событий, оказался наполнен превосходными образчиками музыкальных ящиков и табакерок).

Ошеломлённо взирая на всё это богатство, я поблагодарила тётушку с такой горячностью, что та неловко опустилась на колени и порывисто поцеловала меня в лоб, на мгновение крепко сжав в ласковых объятиях.

– Ох, Маргарет, я так счастлива, что тебе пришлось по душе эти безделицы, – проговорила тётушка Мод, растрогавшись. – Нет большего удовольствия, чем одаривать такую благодарную малышку, как ты! Между прочим, у Элизабет тоже есть для тебя подарок. Она вручит тебе его после...

В этот момент тётушка резко замолчала, на её побледневшем лице появились испуг и растерянность. Проследив за её взглядом, я тоже испытала некоторую дрожь.

В дверях безмолвно стояла моя мать, закутанная в плотную шаль. Её потускневшие за время затворничества волосы находились в полном беспорядке и больше напоминали воронье гнездо, чем причёску благовоспитанной леди. Глаза ввалились, а тёмные тени вокруг них придавали её взволнованному взгляду лёгкое безумие. Тонкие пальцы проделывали множество мелких суетливых движений, которые она, как это казалось со стороны, вряд ли осознавала.

– О, дорогая моя! – тётушка Мод вскочила на ноги и поспешила к сестре, на ходу раскрывая ей свои объятия. – Я и не знала, что ты больна. У тебя измождённый вид. Тебе не стоило покидать свою постель.

Элизабет нашла мою руку и стиснула её горячей ладошкой, а затем, обратив ко мне встревоженный взгляд, начала проникновенную и сочувственную речь, имеющую своей целью утешить меня. Впервые добросердечие кузины не вызвало во мне благодарной признательности, так как я с превеликим старанием пыталась разобраться то, о чём говорили моя мать и тётушка Мод.

Не бросив на меня даже взгляда и не поприветствовав кузину Элизабет, как того требовали правила приличия, мать объявила хриплым надтреснутым голосом:

– Мод! Ты будешь удивлена! Случилось кое-что... – Её потрескавшиеся бескровные губы растянулись в подобии слабой улыбки, и она почти выкрикнула: «У меня есть известие!»

Звонкий ручеек утешительной речи Элизабет всё никак не иссякал и, как я не прислушивалась к дальнейшей беседе, её содержание осталось для меня тайной. Я лишь увидела, как тётушка Мод вынула из крохотного ридикюля пухлый конверт без единого почтового штемпеля. В ту же секунду лицо матери потеряло свою нездоровую бледность, вызванную меланхолическим недомоганием, и расцвело пунцовым румянцем. Меня же, будто предчувствие грядущих трагических перемен, пронзил озноб.

Глава 6

Весна тысяча девятьсот четвёртого года выдалась на редкость тёплой и солнечной, что радовало меня и Элизабет многочисленными возможностями для прогулок и игр. Тётушка Мод и кузина никогда ещё не гостили в Хиддэн-мэнор такое продолжительное время, и я чувствовала себя настолько счастливой от их присутствия в нашем унылом поместье, что каждое утро, просыпаясь, была готова распевать песни, словно птичка.

Благодаря гостям в доме установилось праздничное оживление, которое заставило мать стряхнуть с себя остатки болезни и быстро пойти на поправку. Пухлый доктор Джефферсон, пропахший отталкивающими лекарственными запахами, нехотя признал, что мать почти оправилась от приступа меланхолии и не настаивал более на приёме своих снадобий, которые раньше приносил в пугающих количествах.

Неестественная бледность на лице матери уступила место лёгкому румянцу, а пугающие тёмные круги под глазами почти исчезли. Мать казалась такой весёлой и беспечной, будто и вовсе не было никакого длительного недомогания, во время которого она от слабости проводила целые дни в постели, равнодушно глядя на пылающий в камине огонь. В движениях её появилась нетерпеливая порывистость, отчего казалось, что она не ходит степенной походкой, подобающей взрослой даме, а пританцовывает, как расшалившийся ребёнок.

Наблюдая эти изменения в поведении и самочувствии матери, отец связывал их с положительным влиянием тётушки Мод, отчего начал демонстративно выказывать той свою симпатию и сердечную благодарность. Тётушка же, вопреки моим ожиданиям, по-прежнему общалась с отцом подчёркнуто вежливо, стараясь не вступать с ним в долгие беседы, и подчас бывала холодна и равнодушна к оказываемым ей знакам родственного внимания.

Мою искреннюю радость от пребывания в поместье долгожданных гостей омрачало лишь то, что тётушка Мод и моя мать приобрели досадную для меня привычку уединяться. Ни одна из них

не спускалась, как раньше, к завтраку, вместо этого они устраивали чаепитие в комнате матери, ведя при этом таинственные беседы.

Множество раз я прокрадывалась в смежную со спальней гардеробную, имея намерение выяснить тему этих секретных разговоров, но дверь между комнатами всегда была заперта на щеколду с внутренней стороны, а через тонкую стену до меня доносилось только приглушённое шушуканье и редкие смешки.

После обеда моя мать и тётушка Мод принимались прогуливаться в старом яблонево́м саду, наслаждаясь уединением и опять-таки беседой о чём-то, не предназначенном для посторонних ушей. Во время послеполуденного чаепития (которое обставлялось с невероятной пышностью, что вызывало бранчивое ворчание миссис Дин и недовольство Абигайль), сёстры то и дело обменивались туманными фразами, которые я не могла разгадать. Если же мы с Элизабет стремительно входили в гостиную, где находились наши матери, то они резко меняли тему беседы, имея при этом смущённый вид. Всё это укрепляло меня в подозрениях, что мать имеет от всех некую тайну, в которую посвящена только лишь тётушка Мод.

Тяжёлое чувство ревности всё более овладевало моей душой, вынуждая теряться в догадках и терзаться самыми мрачными подозрениями. Если раньше я ожидала визита наших родственниц для того, чтобы получить так недостающие мне знаки материнской приязни и внимания, то этой весной мы с кузиной оказались предоставлены друг другу.

Нельзя сказать, что мы плохо проводили время. Та счастливая пора навсегда останется для меня благословенной эпохой, полной трепетно оберегаемых воспоминаний. Глядя на нас с кузиной сейчас, я иногда мысленно возвращаюсь туда, к ярким образам и событиям прошлого, когда груз потерь ещё не давил на мои плечи, а страх перед будущим не сжимал моё сердце жестокой рукой.

Тогда, весной одна тысяча девятьсот четвёртого года, мы были по-настоящему счастливы, хотя и не были ещё способны осознать этот факт. Наш старый дом с высокими сводчатыми потолками, гулкими пустыми коридорами и заброшенным восточным крылом являлся великолепным плацдармом для всевозможных игр, какие только могут прийти в голову двум девятилетним девочкам с безудержной фантазией.

Леди Снежинка, с которой я познакомила Элизабет в тот же день, когда они прибыли в Хиддэн-мэнор, вызвала у кузины столь бурный восторг, что я преисполнилась гордости за свою питомицу. Теперь, куда бы мы ни направлялись, Элизабет неизменно настаивала на том, чтобы взять в наше путешествие белоснежную красавицу, завернув её в бархатный кушак.

А путешествовали мы немало. Я, как уроженка здешних мест и неутомимый исследователь, знала наизусть каждый уголок в обширных угодьях, относившихся к поместью, избегая только северного крыла и примыкавших к нему заброшенных хозяйственных построек.

Как бы далеко мы ни забирались в своих путешествиях, ни разу нас не хватились и не отругали за самовольные отлучки. Конечно, из-за постоянных недомоганий и хронического равнодушия к окружающему миру, свойственных моей матери, я пользовалась большей свободой, чем многие мои сверстницы. Но тётушка Мод всегда была нестигаемой поборницей настоящего «британского» воспитания.

Тем не менее она была настолько поглощена беседами с моей матерью, что предоставляла нас с Элизабет друг другу, несколько не тревожась о нашем времяпрепровождении. Этот факт также подтверждал мои подозрения о том, что виной всему происходящему пухлый конверт без почтовых штемпелей, привезённый тётушкой в наш дом.

Кузина Элизабет тем временем с упоением наслаждалась отсутствием неизменной опеки, порождающей множество запретов. Её воодушевление, в которое она приходила из-за вполне обыденных вещей и занятий, заставляло меня взглянуть на жизнь в Хиддэн-мэнор по-новому, высоко оценив то, что до этого не казалось мне достойным большого внимания.

Разросшийся за несколько веков яблоневый сад, не получая должного ухода, превратился в непроходимую чащобу, которая нас с Элизабет одновременно и манила к себе, и отталкивала. Помню наше изумление, когда, забравшись в самую глубь сада, мы обнаружили там лисью нору, возле которой в корнях деревьев прятались крохотные лисята, таявкие от страха совсем как щенки, рождённые обыкновенной собакой.

А сколько птичьих гнёзд мы находили во время наших странствий по окрестным землям, окружающим Хиддэн-мэнор! Однажды мы даже встретились с гадюкой, которая с обманчивой расслабленностью грела своё мускулистое тело на большом камне.

К счастью, я сумела увернуться от стремительного броска, в который змея вложила раздражение от того, что её отдых был нарушен двумя шумными девочками. Все в Дартмуре знали, что гадюки в этой местности считаются самыми опасными и ядовитыми во всей Англии.

Рванувшись в сторону, я успела лишь крикнуть Элизабет: «Беги!», после чего припустила во весь дух к соседнему холму, густо поросшему вереском, изо всех сил надеясь на то, что гадам трудно ползти по шершавым травам. До сих пор не знаю, правда ли это, или просто нам попалась на редкость ленивая змея, но, избежав на холм, мы не обнаружили за собой погони, хотя и не могли успокоиться долгое время, продолжая вздрагивать и шарить глазами в густой вересковой поросли под ногами.

Из всех обитателей скалистых вересковых пустошей более всего по душе Элизабет пришлись дартмурские пони, которые свободно разгуливали по болотам и являлись коренными уроженцами здешних неприветливых мест. Их густые кудрявые чёлки и миндалевидные карие глаза навсегда пленили сердце моей добросердечной кузины. Даже овцы, пасущиеся среди колючих кустов горного дрока и создающие пасторальную картинку сельской местности, не смогли так прочно завоевать её сердце.

Своеобразная строгая красота моей родины постепенно прочно проникла в душу кузины Элизабет. Гранитные кряжи и скалы, поросшие чахлыми деревьями и выгоревшей травой, канюки, парящие высоко в небе и хищно высматривающие добычу, запахи торфяных болот — эта местность, на первый взгляд представляющаяся безжизненной и унылой, удивительно преображалась для внимательного исследователя.

Иногда мы с кузиной, обессиленные длительной ходьбой и жаждой, дружно валились навзничь в заросли душистого вереска и замирали там, поражённые огромным куполом низкого неба, готового, казалось, упасть на нас и придавить своей тяжестью. Ощущение, что до облаков можно дотронуться всего лишь поднявшись на носочки, наполняло мою душу суеверным трепетом перед создателем. До сих

пор мне кажется, что из-за высокогорного расположения дартмурских холмов небеса здесь находятся чуточку ближе, чем в остальных местах нашей планеты, а значит, и бог смотрит на нас внимательней, не закрывая глаз на земные грехи.

Мне доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие делиться с Элизабет красотами пустошей и холмов, с древних времён овечьих легендами и преданиями. Моя память до сих пор сохранила все те мрачные и сладко-пугающие рассказы нянюшки Бейкер, для моей же кухни эти сказания были внове, что способствовало развитию моего таланта рассказчицы.

Внимательные серые глаза Элизабет вспыхивали от предвкушения, как драгоценные агаты, когда я принималась рассказывать очередную историю о священнодействиях друидов, во время которых приносились человеческие жертвы, или о призрачных траурных шествиях к Лидфордскому кладбищу, откуда в дождливые ночи раздаются жалобные стоны похороненных заживо.

Эти рассказы раззадоривали нас, приводя в трепет и заставляя вскакивать на ноги и отправляться туда, где мы могли воочию наблюдать свидетельства древних преданий. Каменные круги неизвестного назначения и поросшие лишайником менгиры, вздымающиеся к небу, будто пальцы великана, заключённого против его воли в земную твердь – эти картины заставляли оживать в нашем воображении древние легенды Девоншира.

Хорошо помню, какое сильное впечатление на Элизабет произвела рассказанная мной история о прекрасных юных девушках, осмелившихся пуститься в пляс во время проведения религиозного обряда и обращённых за этот проступок в каменные столбы, образующие круг.

Доброе сердце моей кухни заставило её взглянуть на древние камни ещё раз, ужасаясь чудовищному наказанию, постигшему несчастных. Содрогнувшись, будто в этот тёплый день её овеял ледяной порыв ветра, она перевела на меня заблестевшие от слёз глаза и произнесла:

– Маргарет, ты только задумайся! Если эта легенда правдива... Быть на сотни лет обращённой в безмолвный камень... Долгие годы наблюдать за вольным полётом небесных птиц, не имея возможности

пошевелиться. Медленно обрастать лишайником. Мне так жаль их, так жаль! Это же в тысячу раз страшнее смерти, ведь так?

И она протянула ко мне руки в поисках утешения. Обнявшись, мы долго стояли в середине круга, наблюдая, как тени от камней, которые сейчас мало чем напоминали человеческие фигуры, медленно двигаются к нам, будто подкрадываются. Когда мы уже собирались уходить, Элизабет задержалась возле одного из столбов и, изумлённая, порывисто обернулась ко мне.

– Маргарет, дорогая, взгляни скорей! Этот камень и вправду похож на девушку в пышном платье!

Подойдя ближе, я не сразу обнаружила признаки сходства, которые привели кузину в такое возбуждение. Но когда я встала на то же место, где до этого стояла она, то в причудливой игре света и тени сумела разглядеть линии пышной юбки, обвившейся вокруг ног, и запрокинутые над головой, будто в упоении танца, руки.

– Я буду называть её Гвендолин, – сказала Элизабет, ласковым движением погладив шершавый и тёплый каменный бок. – Мы будем часто-часто навещать её, правда? Чтобы ей не было так одиноко. Ведь у меня есть ты, моя любимая кузина. А у тебя есть я. Мы с тобой как сёстры и всегда, всю нашу жизнь, будем любить друг друга. А у Гвендолин нет никого, кто бы её помнил и любил.

Чуть помолчав, я кивнула и взяла кузину за руку, не умея выразить охватившие меня чувства от этих слов, таких простых и безыскусных. Потом, все долгие восемь лет, которые я прожила в доме тётушки Мод, обретя не только пристанище, но и любящую семью, я вспоминала безмолвную Гвендолин, что продолжает свой извечный танец в круге подруг, охраняя мои воспоминания и моё прошлое.

В тот день после долгой прогулки мы с кузиной едва успели вернуться в поместье к ужину. Если обедом мы частенько пренебрегали, унося из кладовой варёные яйца, ломти хлеба с беконом и куски картофельного пирога (всю эту снедь, как я подозреваю, специально для нас оставляла в кладовой миссис Дин), то к ужину всегда старались вернуться заблаговременно, чтобы иметь возможность привести в порядок свою одежду и тщательно вымыть руки.

Впопыхах пригладив волосы и отчистив подолы платьев от пыли и налипших травинки, мы с кузиной торопливо спускались по

лестнице, ведущей в столовую, когда услышали громкие выкрики, доносившиеся из коридора. Судя по голосу, кричала тётушка Мод, и переглянувшись с Элизабет, мы обе с недоумением округлили глаза.

– Немедленно прекрати! Я даже слышать ничего не желаю об этом! Как тебе вообще могло такое прийти в голову? Я безумно сожалею, что привезла тебе это письмо. Для всех было бы лучше, если бы я бросила его в огонь! – голос тётушки Мод, звеневший от возмущения, разносился по всему коридору.

Минуту спустя она словно разгневанная фурия пролетела вниз по лестнице, не удостоив нас с кузиной ни единым взглядом. Судя по её покрасневшему лицу и нахмуренным бровям, в своём исступлении она вряд ли заметила нас, испуганно прижавшихся к стене.

Такой тётушку Мод я ещё ни разу не видела. По обескураженному выражению лица Элизабет я поняла, что она была озадачена этой гневной вспышкой не меньше, чем я.

Моя мать к ужину так и не спустилась. На протяжении всей трапезы за столом преобладало унылое и тягостное молчание, которое мы с кузиной опасались нарушить, боясь попасть под горячую руку тётушки Мод. Даже отец, по обыкновению погружённый в свои мысли, ощутил грозovou атмосферу и весь ужин с недоумением поглядывал на свояченицу.

Пребывая в сильнейшем раздражении, тётушка сделала несколько резких замечаний Абигайль, прислуживавшей нам за столом, а затем попросила её передать кухонной прислуге, что утром перед завтраком она просит всех собраться в главном холле для обсуждения предстоящей генеральной уборки дома. От этой новости Абигайль заметно скисла, сильнее обычного оттопырила нижнюю губу и до конца ужина бросала на тётушку неприязненные взгляды.

Верный своей привычке, отец покинул столовую, не дожидаясь десерта, и сразу после этого тётушка Мод обратила пристальное внимание на нас с кузиной. Под её строгим взглядом мы изо всех сил старались продемонстрировать превосходные манеры, приличествующие благовоспитанным юным барышням, но это нас не спасло.

Хриплым от сдерживаемых эмоций голосом тётушка высказала своё неодобрение нашему внешнему виду и неподобающему поведению.

— Пора положить этому конец, юные леди! — тоном, не допускающим возражений, заявила она. — Вы только посмотрите, в каком состоянии ваши руки, лица и волосы! Элизабет, грубый загар тебе не к лицу. Маргарет, ногти на твоих руках плохо вычищены и обрезаны чрезвычайно небрежно. Бог ты мой! Ты что... Ты их обкусываешь?

Тётушка, приглядевшись внимательнее к моим рукам, бросила на меня взгляд, полный невыразимого ужаса. Чуть не плача из-за того, что она узнала мою постыдную тайну, я спрятала руки под скатерть и вспыхнула от позора, как свеча. На лице Абигаиль, всё ещё присутствующей в комнате, появилось злорадное выражение — будучи вечным объектом насмешек среди кухонной прислуги за медлительность и тупоумие, она обожала, если доставалось на орехи кому-нибудь, кроме неё.

— Ну вот что, дорогие мои! — продолжала тётя обрушивать на нас с Элизабет свой праведный гнев. — Так больше продолжаться не может. За считанные дни вы превратились в невероятно распущенных особ. Пользуясь тем, что я уделяла много времени восстановлению здоровья моей сестры, вы немисливо распустились и позабыли обо всех правилах приличия! Шатаетесь неизвестно где целые дни напролёт, как дети деревенского лавочника. Перестали следить за чистотой своей одежды... Я вынуждена наказать вас. Вы сейчас же отправитесь в свою комнату и перед сном как следует поразмыслите о своём поведении. Завтра же я буду беседовать с твоей матерью, Маргарет, о том, чтобы немедленно начать поиски гувернантки для тебя, пока не стало слишком поздно. Всё, ступайте.

Оставшись без сладкого пудинга с коринкой и испугавшись такой резкой перемене в поведении всегда ласковой и мягкосердечной тётушки Мод, той ночью я долго не могла уснуть.

Во время визита в Хиддэн-мэнор наших родственниц кухня Элизабет спала в одной комнате со мной, для чего в мою спальню перенесли из гостевых покоев ещё одну кровать. Обычно перед тем, как заснуть, мы болтали обо всём на свете, наслаждаясь покоем после целого дня утомительных странствий по землям, которые граничили с поместьем моего отца.

Кухина рассказывала мне о жизни своей семьи в большом доме, находившемся в пригороде Лондона, и пансионе, куда её должны были

отправить в следующем году. Меня завораживали её рассказы о шумных лондонских кэбах и городские легенды об ужасном Джеке Потрошителе, о котором шёпотом переговаривались, думая, что их никто не слышит, во время своих чинных визитов подруги её матери.

Мы делились друг с другом мечтами о грядущей счастливой жизни, в которой предвкушали множество благодатных дней, полных радости. Так наша болтовня тянулась иногда до самого утра, и сейчас я в самом деле думаю, что не было в моей жизни ничего дороже этих предрассветных часов, заполненных тем ожиданием, предчувствием счастья, какое возможно испытывать только в детскую пору, не будучи ещё знакомым с печальной стороной жизни. Те детские фантазии потом часто всплывали в моей памяти, вызывая иногда горькую усмешку над наивностью бесхитростных душ.

Тем вечером Элизабет, утомлённая длительной пешей прогулкой и встревоженная гневной вспышкой матери, уснула почти сразу же после того, как пожелала мне спокойного сна. Безмятежное дыхание кухни и тихое размеренное мурлыканье леди Снежинки успокоили меня, но я так и не сумела полностью избавиться от тревожных мыслей.

Слова тётушки Мод, выкрикнутые ею в пылу ссоры, не шли у меня из головы и подтверждали мои собственные предположения о том, что во всех этих событиях виновато адресованное матери письмо. Кто бы ни отправил матери это послание, мне был ненавистен этот человек, влиявший своим незримым присутствием на события в нашем доме и являвшийся виновником размолвки между моими самыми любимыми людьми.

Так, беспокойно ворочаясь на своей кровати и заслужив этим неодобрение леди Снежинки, которое та не преминула выказать, сонно цапнув меня за ногу, я пришла к выводу, что непременно должна выяснить как содержание письма, так и имя его автора. Принятое решение подарило мне покой и позволило погрузиться в зыбкий сон, но где-то на границе реальности и забытья меня вновь охватила дрожь мрачного предчувствия.

Проснувшись на следующий день раньше, чем кухня Элизабет, я взглянула на её безмятежное лицо и невольно залюбовалась разметававшимися по подушке тёмными кудрями, которые являлись предметом моей тайной зависти. Густые и упругие локоны, отливающие мягким каштановым блеском, превращали кухню

Элизабет в нежного ангела, каких любят изображать на пасхальных открытках.

Сравнивая себя с ней, я остро ощущала заурядную простоту собственного обличья. Мои прямые тонкие волосы имели тот неприметный цвет, который сложно назвать в полной мере русым или пепельным. В сочетании с бледной кожей и блёкло-голубыми глазами этот неброский оттенок делал мой образ расплывчатым и как будто стёртым, лишённым ярких красок.

Ещё в детстве смирившись со своей некрасивой наружностью, я иногда горько сожалела о том, что не унаследовала яркую и немного экзотичную для наших мест красоту матери или смугловатую кожу и большие карие глаза, опушённые прямыми, будто стрелы, ресницами, как у моего отца.

Торопливо одевшись, я тихонько выскользнула из нашей общей с кузиной спальни и привычно пробежала под лестницей, направляясь к комнате матери и ещё не зная, как именно я смогу осуществить свой дерзкий план. Проникнув, по обыкновению, в гардеробную, я долго настороженно прислушивалась к происходящему за стеной, прежде чем осмелилась легонько надавить на дверь и обнаружить, что на этот раз мне повезло – она оказалась не заперта.

Чувствуя в ушах биение собственного сердца, я очень медленно и бесшумно приоткрыла дверцу и приникла к образовавшейся щели, пытаясь удостовериться, что комната пуста.

Несмело войдя в спальню матери, я, конечно, испытала приглушённые муки совести из-за того, что намеревалась сделать. И тётушка Мод, и кузина Элизабет, несомненно, сочли бы моё поведение неприемлемым, но так велико было моё желание удовлетворить терзающее меня жгучее любопытство, что я отбросила в сторону стыд от очевидной преступности моих действий.

Оглядевшись, я чуть не вскрикнула от радости – крышка массивного бюро с отделкой из розового дерева была открыта. Присев на маленький табурет с тонкими паучьими ножками, я принялась торопливо перебирать дрожащими руками содержимое полок и выдвижных ящиков.

Моя мать крайне редко писала кому-либо и, насколько я знала, так же редко получала корреспонденцию, поэтому я надеялась быстро

обнаружить искомое письмо. Однако перебрав всё содержимое ящичков, нужный мне конверт я так и не обнаружила.

В отчаянии сгорбившись на высоком табурете, я быстро оглядела комнату в надежде обнаружить другое местоприкрытие, которое могло скрывать необходимое мне письмо. Не желая так просто отказываться от своего намерения и отбросив уже всякий стыд, я тщательно обыскала прикроватный шкафчик, туалетный столик и пристенный комод, но не обнаружила ничего, кроме стопок пожелтевшего белья, старых газетных вырезок и нескольких изящно украшенных альбомов, между страниц которых были вложены ломкие и блёклые цветы.

Я уже была готова отступить от дальнейших поисков, когда заметила уголок белоснежного конверта, выглядывающий из-под чуть сдвинутого в сторону ковра у кровати матери. Подлетев к нему, будто коршун к цыплёнку, я вытащила письмо и на мгновение застыла в оцепенении.

Вынуждена признать, что промедление это было вызвано вовсе не муками совести или стыдом, а только лишь иррациональным страхом перед открытием истины, которая не была предназначена для моих глаз. В тот момент я ощущала, будто готовлюсь заглянуть в замочную скважину.

Вытащив из конверта стопку бумажных листов, исписанных крупным угловатым почерком, я попыталась торопливо прочесть написанное.

Письмо состояло из множества страниц, очередность которых была нарушена, и, не имея времени отыскивать его начало, мне пришлось читать послание с конца. Первое, что сразу же бросилось мне в глаза – подпись автора послания, гласившая «Капитан второго ранга судна Его Величества, Ричард Фергюсон».

«...не смею и надеяться на то, что смогу когда-либо увидеть Вас снова. В мучительных странствиях, выпавших на мою долю, Ваш образ множество раз спасал меня из пучины отчаяния и губительного уныния. Воспоминания о былых временах и ускользнувшем будущем и по сию пору терзают мою душу невыносимой печалью.

Но эти воспоминания составляют главную ценность моей жизни, и если бы Господь Всемогуший спустился с небес и предложил избавить меня от них, даровав взамен все земные блага, я без тени

сомнения, не колеблясь ни секунды, отринул бы его предложение. Я коленопреклонённо умолял бы его оставить в моей памяти только Ваш нежный образ, бережно хранимый мной все эти годы разлуки.

Обращаясь с дерзкой просьбой к вашей сестре, встреченной мной в порту Саутгемптона 17 марта сего года...»

От захватывающего чтения, в которое я погрузилась с головой, меня отвлекли приближающиеся по коридору лёгкие шаги и приглушённые голоса. Запаниковав, я вскочила на ноги и чуть не расплакалась от досады, так мне хотелось прочесть всё письмо целиком. Сложив листы послания пополам и записнув их трясущимися руками в конверт, я вернула его на место и опрометью бросилась к двери, ведущей в гардеробную, неслышно прикрыв её за собой и предусмотрительно оставив небольшую щель.

Как только я скрылась в своём тайном убежище, дверь в спальне оглушительно хлопнула, после чего послышались шаги и громкие голоса. Тётушка Мод и моя мать с новыми силами продолжали вчерашний яростный спор.

– Вирджиния, ты не вправе требовать от меня того, о чём просишь, – строго произнесла тётушка и я поразились стали, звучавшей в её голосе. – Повторяю, если бы я могла знать о последствиях моего необдуманного поступка, когда я уступила отчаянным просьбам мистера Фергюсона, то никогда бы не посмела привезти в дом твоего мужа это ужасное письмо. Какой бы ни была твоя семейная жизнь, десять лет назад ты приняла решение и дала клятву, связывающую тебя...

– Как ты можешь так говорить, Мод? – перебила тётушку моя мать. – Ты – моя сестра и единственный человек на всей земле, знающий о моём несчастье? Я бы никогда не согласилась на это ужасное предложение, если бы не наша жестокосердная мать. Это было её решение! Это она заставила меня выйти замуж за Генри Вордсворта и навсегда покинуть Лондон. Она позволила ему увезти меня в этот отвратительный дом!

– Мне кажется, ты забываешь о тех обстоятельствах, которые вынудили нашу матушку так скоропалительно принять предложение мистера Вордсворта, – голос тётушки Мод звучал крайне сухо. – И ты заблуждаешься на тот счёт, что я единственный человек, который знает

об этом «несчастье». Тебе следует найти в своём сердце толику благодарности к человеку, который позволил нашей семье избежать десять лет назад чудовищного скандала.

Последовавшее за этими словами молчание, а затем и приглушённые звуки рыданий сообщили мне о том, что моя мать прибегнула к единственному способу разрешения конфликта, известному ей – к слезам, которые неизменно обезоруживающе действовали на отца во время их бурных ссор.

Однако тётушка, судя по всему, знала приёмы и ухищрения моей матери значительно лучше, чем мой отец, потому что следующие её слова вызвали ещё более продолжительные рыдания, и даже меня в моём укрытии пронзила нервная дрожь от нарочитой жестокости её слов.

– Вирджиния, дорогая. Видит бог, я не хотела бы ранить твоё самолюбие и вмешиваться в вашу устоявшуюся жизнь. Но так более продолжаться не может. Ты должна прекратить бесконтрольный приём тех средств, которые тебе выписывает мистер Джефферсон. Они дурно на тебя влияют. Признаться честно, большинство твоих недомоганий я склонна связывать исключительно с теми препаратами, которыми он тебя пользуется.

В ответ слышались вялые возражения, которые тётушка категорично отмела в сторону:

– Прекрати, Вирджиния! Ты не можешь не замечать, что твоя дочь выросла и нуждается в твоём внимании, а муж, каким бы он ни был, отдалился от тебя настолько, насколько это возможно. Слуги распустились так, что позволяют себе дерзость и неповиновение! Такое положение вещей не должно тебя устраивать. Вспомни, как вела хозяйство наша матушка! Какое пристальное внимание она оказывала нуждам подрастающих дочерей, какие приёмы она устраивала, когда мы вступили в брачный возраст! Ты что, хочешь, чтобы твоя дочь вышла замуж за фермера из ближайшей деревни и научилась разводить свиней?

К этому моменту моя мать уже не сдерживала рыданий, до меня доносились судорожные всхлипы и слабые жалобные протесты:

– Иногда ты настолько похожа на неё! Мне кажется, что ты ведёшь себя в точности, как она. Я не хочу больше об этом говорить.

Никогда... Никогда больше! Не заставляй меня считать тебя ею, прошу тебя!

Впервые в моей душе шевельнулось слабое чувство неприязни к моей тётушке. Слушая жалостные всхлипы, мне захотелось выскочить из своего укрытия и прогнать тётушку Мод, а затем осушить поцелуями слёзы моей несчастной матери и пообещать ей, что более никто не посмеет мучить и терзать её.

После паузы до меня донеслись мягкие слова утешения, которыми тётя Мод попыталась сгладить жестокость своих предыдущих речей:

– Вирджиния, милая моя сестра! Прости, если я была груба с тобой. Но ты должна, ты обязана отказаться от бесчестных по отношению к своей семье намерений. Если ты хоть раз увидишься с мистером Фергюсоном, это навлечёт несчастье на всех в этом доме. И вообще, если об этом кто-нибудь узнает, может разразиться колоссальный скандал, который окончательно погубит твою репутацию. То, что он остался жив и не погиб во время кораблекрушения у берегов Австралии в 1894 году – великая удача для него и его бедной матушки. Но к тебе это уже не имеет никакого отношения, – категорично заключила тётушка Мод. – Пойми, даже единственная встреча с этим человеком может разрушить всю твою жизнь. Пообещай мне, что ты не будешь искать этой встречи! Ну же, пообещай мне!

Прерывающимся от слабости и судорожных рыданий голосом моя мать начала что-то говорить, но я смогла разобрать только: «... Единственная встреча... Имеет право знать... что такое оплакивать десять... Теперь нет пути...»

– Ты должна пообещать мне, Вирджиния! – потребовала тётушка Мод и добавила ровным голосом, – и отдать мне его письмо.

– Только не письмо, умоляю! – с жаром возроптала мать. – Ты не можешь быть так жестока. Я пообещаю тебе всё что угодно, только оставь мне его письмо!

– Джинни, милая моя, – тётушка Мод подошла к тонкой стене, разделяющей гардеробную и спальню, настолько близко, что я слышала её длинный вздох, полный горечи, – если ты отдашь мне его письмо, то быстрее забудешь о случившемся. Если бы ты знала, как я жалею, что сообщила тебе о его письме. Было бы лучше, если бы ты продолжала считать его погибшим.

В комнате раздались шаги, несколько всхлипов, а затем ласковый поощряющий голос тётушки, как будто она разговаривала с ребёнком или животным:

– Ну, вот и умница! Ты ведь понимаешь, что так для всех будет лучше, правда? Ну, хватит лить слёзы, Джинни, милая. Приведи себя в порядок и поскорее спускайся в столовую, хорошо? Девочки, должно быть, уже там.

Раздался звук лёгкого поцелуя, а затем тётушка твёрдой поступью убеждённого в своей правоте человека вышла из комнаты.

Оцепенев, я продолжала скрываться в будуаре, прижавшись ухом к стене. Какое-то время в комнате матери стояла мёртвая тишина, будто там никого не было. Я даже предположила, что она вышла из своей спальни вслед за сестрой, но через минуту до меня донеслось звяканье серебряной ложечки, которой мать размешивала своё привычное лекарство в хрустальном стакане.

Прокравшись к выходу из гардеробной, я вышла в коридор и почти сразу же наткнулась на тётушку Мод, которая выходила из гостевой комнаты.

– Маргарет! Я думала, что ты уже в столовой, – удивилась тётушка. – Ты не больна, часом? Только посмотри на себя! Ты вся горишь, на лбу испарина, на щеках лихорадочный румянец... Думаю, что необходимо уложить тебя в постель и послать за доктором.

Конечно же, тётушка даже и на секунду не могла предположить, что племянница способна подслушать её разговор с сестрой. Но лежать в постели и позволять доктору, от которого всегда исходил премерзкий лекарственный запах, мять мой живот и ощупывать толстыми пальцами язык совсем не входило в мои сегодняшние планы.

На мгновение мне сильно захотелось перестать притворяться и выкрикнуть ей в лицо: «Я всё знаю про ваши тайны! Знаю, о чём вы всё это время шептались по углам!»

Судорожно сглотнув, я постаралась принять бодрый вид и неожиданно для самой себя вполне убедительно произнесла:

– Ну, что вы, тётушка, я нисколько не больна. Меня испугала мышь, которую я увидела на лестнице. Она так неожиданно бросилась мне под ноги, что я чуть не завопила во весь голос!

– Мышь?!. На лестнице? – переспросила тётушка, и я испытала мстительное удовольствие, злорадно наблюдая за её смятением. –

Это... Это совершенно возмутительно! Это неприемлемо для приличного дома. Миссис Дин должна немедленно об этом узнать!

В сильном волнении она развернулась и решительными шагами проследовала по коридору, брезгливо подобрав юбки и бормоча себе под нос: «Какое безобразие! Надо использовать отраву. Много отравы!»

Я сдавленно хихикнула себе под нос, забавляясь паникой, которая завладела тётушкой Мод из-за упоминания об одной-единственной безобидной мышке, но тут же горячий стыд объял всё моё существо. День ещё только начался, а я уже успела незаконно проникнуть в гардеробную матери, прочесть письмо, не предназначавшееся для моих глаз, подслушать чужой разговор и соврать любимой тётушке! Няня Бейкер оказалась права – единожды ступив на скользкий путь порока, человек и далее ввергает себя в пучину лжи и безнравственности.

Устыдившись, я направилась в столовую, пригладив волосы и промокнув платком лихорадочно горевшее от волнения лицо. В голове моей воцарился полнейший сумбур. Из прочитанного в письме мне стало доподлинно ясно одно – некий Ричард Фергюсон является давним знакомым моей матери, а из подслушанной беседы можно было недвусмысленно заключить, что она до сих пор хранит в своём сердце нежные чувства к этому человеку. Несомненно, именно поэтому её так взволновало известие о том, что он жив.

«Встреча с ним может погубить всю твою жизнь», – сказала тётушка Мод моей матери, и я представила незнакомого мне мистера Фергюсона безобразным великаном, который подходит к нашему дому и обрушивает на него свой исполинский кулак, сминая каменные стены, как хрупкую бумагу. Эта воображаемая картина ужасных разрушений и жестокая обида на мать (о, в этот момент я совершенно отчётливо понимала, что ни по отношению ко мне, ни к отцу она никогда не испытывала равных по силе чувств), и ещё что-то мутное, поднявшееся с самого дна моей души – всё это заставило меня остановиться и со всей страстью, на какую только способен ребёнок, воскликнуть: «Хоть бы ты умер, Ричард Фергюсон! Хоть бы ты умер навсегда!»

Вялая неприязнь к незнакомцу, дремавшая всё это время в моём сердце, в одночасье распустилась пышным цветком бурной ненависти.

Эта вспышка ярости так испугала меня, что я чуть ли не бегом преодолела сумрачное пространство коридора, буквально ввалившись в столовую и заслужив этим тётин неодобрительный взгляд.

За завтраком тётушка была необычайно словоохотлива. Будучи крайне деятельной особой, она обожала такие масштабные мероприятия, как генеральная уборка или полная смена хозяйственного курса целого поместья. Мелодичным голосом благовоспитанной леди (в котором, однако, явственно слышались стальные нотки) она, как опытный полководец на поле боя, строила планы наступления на пыльные бастионы и мышиную орду. Вообще, мыши, по тётушкиному мнению, заслуживали особенно жестокой кары, ведь они являли собой образец бессистемного хаоса и неповиновения существующим порядкам.

Моя мать же с отрешённым видом сидела на своём привычном месте, зябко кутаясь в тёплую шаль и задумчиво ковыряясь в тарелке. Иногда её взгляд останавливался на пухлых губах тётушки Мод, лоснившихся от сливочного масла, и тогда она чуть хмурилась, словно пыталась вспомнить, о чём идёт речь.

— Я очень рада, сестрица, что мы пришли к единому мнению, — серьёзно проговорила тётушка, намазывая маслом горячую овсяную лепёшку. — Дому давно уже требуется не столько уборка, сколько восстановительные работы. А теперь ещё и эти мыши! Придётся нанять дополнительных помощниц из деревни.

— Мод, ты так много делаешь для нас! — с экзальтированной благодарностью воскликнула мать, и её глаза заблестели от подступающих слёз. — Ты так заботишься обо мне!

— Не говори глупостей, Вирджиния. Помогаю, чем могу. Ты ведь моя единственная сестра! К тому же мы провели в разлуке почти десять лет, — голос тётушки звучал резко, но по её лицу было заметно, что она довольна словами сестры.

Подчиняясь своей деятельной натуре, в этот же день тётушка Мод сформировала и возглавила целое войско, предназначавшееся для осуществления её дерзких планов. Судьба мышей, если они и жили в Хиддэн-мэнор, была predetermined.

Благодаря стратегическому уму, целеустремлённости и настойчивому обаянию тётушка привлекла на свою сторону даже тех, кто изначально противился и её нововведениям, и её беспощадному

напору. Медлительная Абигайль, которая с самого начала без особого энтузиазма исполняла тётушкины приказания, теперь с новым чувством нещадно гоняла молодых девушек, нанятых ей в помощь, надзирая за ними и передавая отчёты о проделанной работе дважды в день. Даже миссис Дин, сначала принявшая в штыки вторжение на свою кухню столичной гостью, сующей нос в каждый горшок, теперь благосклонно выслушивала мягкие советы и указания тётушки Мод, которые должны были повысить качество нашего питания.

Отец, однажды войдя в столовую в предобеденный час и застав там не менее дюжины крепких деревенских девиц с тазами и тряпками, в испуге ретировался и ближайшие три недели трапезничал у себя, в северном крыле поместья. Важная, как павлин, Абигайль, преисполненная собственной значимости, относилась к нему с едой.

Отношения сестёр снова наладились и стали почти такими же нежными, как и прежде. Мать начала проводить всё больше времени вне своей комнаты, постепенно вникая в суть преобразований, затеянных в Хиддэн-мэнор. Отец же, радуясь, что болезнь матери отступает, позволил тётушке Мод производить какие угодно изменения в поместье, с единственным условием — никто не должен приближаться к северному крылу здания.

Мы с Элизабет снова оказались предоставлены сами себе, что несказанно нас обрадовало. На этот раз мы стали намного осторожнее и пристально следили за тем, чтобы не опаздывать к обеду и ужину, а также являться к ним в подобающем приличным барышням виде.

В остальном мы пользовались прежней свободой, ведь даже у вездесущей тётушки Мод не хватало глаз, чтобы следить одновременно и за нами, и за двумя десятками работниц, снующих по дому с тряпками и лестницами.

Несмотря на бурную ажитацию, в которой пребывали все обитатели Хиддэн-мэнор, время, наполненное суетой и летними радостями, тянулось так медленно, как это бывает только в детстве. За прогулками по вересковым пустошам и невинными шалостями я стала забывать о подслушанном мной разговоре.

Но однажды наступил день, когда странное поведение матери снова вызвало у меня смутную тревогу.

В конце июля тётушка подхватила желудочный грипп и слегла на несколько дней. Из-за своего недомогания она могла только слабым голосом отдавать приказания да принимать отчёты раздувшейся от важности Абигаиль, гордившейся своим начальственным положением над нанятыми в деревне помощницами. Кузина Элизабет, к великому моему огорчению, тоже была вынуждена провести несколько дней в постели, читая книги и вяло играя с леди Снежинкой.

Без строгого надзора грандиозная уборка поместья несколько застопорилась. Работницы в основном собирались небольшими группками в тех помещениях поместья, в которых трудились мужчины, менявшие рассохшиеся от времени ставни на окнах и извлекавшие мусор из печных труб. Деревенские помощницы не воспринимали Абигаиль в качестве прислуги старшего ранга, а миссис Дин, хоть и значилась в Хиддэн-мэнор экономкой, была так сильно занята кухонными хлопотами, что не имела возможности тщательно контролировать происходившее в доме.

Всё это заставляло тётушку Мод ужасно нервничать, отчего течение её болезни и самочувствие только ухудшались.

Эти события совпали с прибытием фургонов, которые несколько раз в год появлялись у ворот Хиддэн-мэнор. Их таинственное содержимое находилось в просмоленных деревянных ящиках, таких тяжёлых, что для транспортировки каждого требовались двое взрослых мужчин.

Разгрузкой всегда самолично руководил отец, при этом крепких парней, подрабатывающих переносом тяжестей, он искал исключительно в Тэвистоке или Окгемптоне, и никогда на соседствующих с поместьем фермах.

Ящики переносились к северному крылу со всеми мыслимыми предосторожностями, и в детстве я часто терзалась отчаянным любопытством, пытаясь догадаться, что же скрывается у них внутри. Однажды, укрывшись по обыкновению в кустах, я наблюдала, как из повозки выгрузили две вместительные клетки с толстыми прутьями, целиком заполненные ушастыми кроликами.

Когда разгрузка окончилась и фургоны скрылись из поля зрения, я всё ещё продолжала оставаться в своём тайном убежище – густой поросли кустов у ворот поместья, откуда хорошо просматривались и северное крыло, и аллея, ведущая к парадному крыльцу Хиддэн-

мэнор. Лениво размышляя о том, чем можно заняться в дальнейшем, я вдруг заметила мою мать, которая торопливым шагом двигалась к воротам, часто оборачиваясь и пристально вглядываясь в окна.

Когда она, ускоряя шаг, прошла мимо меня так близко, что я могла дотронуться рукой до её платья, я не нашла ничего лучшего, чем внезапно выскочить из кустов с криком «Мамочка!»

От неожиданности она отшатнулась, поднеся руку ко рту и испуганно округлив глаза:

– Маргарет, ты до смерти меня напугала! – сказала она дрожащим голосом. – Что ты здесь делаешь? Я думала, ты ухаживаешь за кузиной Элизабет.

– Я вышла немного прогуляться и нарвать цветов для кузины, – пристыженно пробормотала я, вспомнив, что не видела Элизабет с самого утра.

– Я... Отправляюсь в деревню. Мне кое-что нужно купить в лавке Донахью, – объяснила мать, хотя я ни о чём её не спрашивала. – И ещё... Не говори никому, что я ушла, хорошо, детка? Я хочу устроить сюрприз для твоей тётушки, ведь она так печётся о нашем благополучии. Договорились, Маргарет?

Мать ласково провела по моим волосам и я с готовностью кивнула, глядя в обожаемое лицо. Несмотря на так любимое ею затворничество, знойное лето оставило свой след на фарфоровой коже – лицо её приобрело легчайший золотистый оттенок, так шедший к медовому оттенку глаз.

Она шутливо прижала указательный палец к губам, лукаво изогнув брови, и я повторила её жест, готовая вечно хранить все её тайны и секреты.

Но как только она вышла за ворота поместья, я бегом припустила по аллее, в сторону дома. Презрев хорошие манеры я, запыхавшись и не обращая внимания на поджатые губы Абигайль, которую встретила в холле, стремительно поднялась на четвёртый этаж и вбежала в захламлённую комнату, которая раньше была гостевыми покоями.

Отсюда было хорошо видно перекрестье дорог, к которому, по моим расчётам, сейчас должна была приблизиться моя мать.

Прикинув к окну, я заметила маленькую фигурку, торопливо удаляющуюся от поместья. Вопреки её словам, она отправилась не в сторону деревни, а дальше – по дороге, ведущей в Окгемптон.

Весь оставшийся день я бродила по дому, не в состоянии подавить терзающее меня чувство нарастающей тревоги. Мать вернулась в поместье только к вечеру и сразу распорядилась приготовить ей горячую ванну. Когда же я напомнила о сюрпризе для тётушки Мод, она растерянно нахмурилась, а потом разразилась принуждённым смехом:

— Маргарет, милая, представляешь, я не сумела найти в лавке Донахью ничего подходящего. Зато я купила кое-что для тебя, — и она вынула из ридикюля открытку, на которой была изображена красивая дама в шляпке со страусиными перьями, державшая в руке корзинку с котятками. — Давай промолчим о моей неудачной прогулке в деревню, чтобы не расстраивать дорогих тётушку Мод и кузину Элизабет. Ведь им я ничего не купила. А сюрприз устроим в следующий раз!

Я до сих пор храню эту открытку среди своих бумаг, используя в качестве хранилища для неё музыкальный ящик, доставшийся мне в наследство от тётушки Мод.

Глава 8

Как только тётушка избавилась от недомогания, она с новыми силами тут же возглавила своё несколько расшатавшееся в нравственном отношении воинство. Благодаря её титаническим усилиям дом совершенно преобразился как внутри, так и снаружи. Одному Богу известно, сколько щёлока, мыльной стружки и уксуса извела тётушкина армия для того, чтобы оконные стёкла во всём поместье вновь стали прозрачными, а мебельная обивка явила миру свой первоначальный рисунок.

Гостевые покои привели в такой вид, словно к нам собиралось пожаловать целое полчище взыскательных гостей, а библиотека, к моему неудовольствию, отчасти потеряла свою неповторимую атмосферу запустения, так привлекавшую меня. Заказанные тётушкой в Тэвистоке рулоны плотной ткани превратились в новые драпировки для столовой, малой гостиной и парадной залы. Каминные решётки сверкали таким ярким блеском, что слепили глаза. В последний день уборки кухонные девушки вместе с Мэри и Абигайль так яростно чистили столовое серебро, что тётушка испугалась, как бы с него не сошли фамильные монограммы.

Кухня миссис Дин тоже пополнилась обновками, которые привели нашу кухарку в бурный восторг. Новые медные сковороды, сверкающие пузатые кастрюли и два гигантских таза для варки варенья; разливательные ложки и ложки для помешивания; затейливое сооружение из металла, предназначенное для перемалывания мяса; агрегат устрашающего вида для приготовления домашнего мороженого — всё это было новеньким, сияющим, и предназначалось для облегчения кухонных забот.

После официального окончания грандиозной уборки, когда мы все собрались в столовой для торжественного чаепития, даже отец признал, что в поместье проведена колоссальная работа. Выйдя из-за стола, он шутливо отвесил тётушке глубокий поклон, присовокупив к нему галантные, но несколько тяжеловесные комплименты, а мы все разразились бурными аплодисментами.

После чаепития, пошептавшись с сестрой, тётушка Мод спустилась в кухню и в благодарность за неутомимую помощь преподнесла Абигайль отрез ткани на новое форменное платье, завёрнутый в яркую подарочную бумагу. После этого Абигайль заважничала ещё сильнее и принялась распускать в деревне слухи о том, что её в скором времени собираются назначить домоправительницей вместо миссис Дин.

К большому огорчению, остаток лета выдался дождливым и пасмурным, что для Девоншира совсем не редкость. Тётушка Мод, наведя порядок в Хиддэн-мэнор, с прежним пылом и усердием взялась за обучение меня хорошим манерам. Проэкзаменовав меня на предмет знания географии, истории и арифметики, тётушка пришла в неподдельный ужас от моей безграмотности в этих вопросах. Сведения же, почерпнутые мной из книг, хранящихся в отцовской библиотеке, она нашла сумбурными и беспорядочными. Всё чаще в беседах с моей матерью тётушка Мод настаивала на том, что мне необходима хорошая гувернантка.

Как ни странно, на этот раз моя мать выказала полную солидарность с сестрой. Тётушка, ободрённая отсутствием возражений, пообещала сама подыскать подходящую кандидатуру, как только они с кузиной вернутся в Лондон. Таким образом, вопрос моего обучения окончательно решился, и я с любопытством принялась ожидать появления в поместье нового лица. Кроме того, тётушка также вызвалась отыскать для моей матери личную горничную, которую леди её положения следовало иметь в обязательном порядке.

Самочувствие моей матери за это время значительно улучшилось. Теперь она ничем не напоминала ту изнурённую длительной болезнью женщину с тусклыми волосами, которая спустилась в столовую в день прибытия тётушки Мод и кузины Элизабет. Отца неподдельно радовал её мелодичный смех и добродушные колкости, которые она отпускала в его сторону, лукаво улыбаясь и презабавно хмуря брови. В ответ он обычно разражался громогласным хохотом и принимался с таким неприкрытым обожанием смотреть на жену, что все присутствующие за столом начинали испытывать неловкость.

Несмотря на внешнее благополучие, воцарившееся в поместье, я продолжала шпионить за матерью, регулярно наведываясь в её комнату, как только для этого представлялся удобный случай. В одну

из её отлучек я, отбросив всякую стыдливость, тщательно обыскала все ящики бюро, но не нашла там ничего интересного, кроме пары пустых конвертов и исписанного клочка бумаги, на котором смогла разобрать лишь «...иши до востребо...»

И всё же это было счастливое лето. Может быть, даже самое счастливое в моей жизни. Впервые я видела свою мать такой радостной и буквально искрившейся весельем. Даже тётушка Мод как-то заметила с удивлением: «Вирджиния, дорогая! Ты выглядишь, будто тебе снова шестнадцать лет. Я рада, что ты прислушалась к моим советам. Ты ведь перестала пользоваться услугами доктора Джефферсона?»

Из-за дождливой погоды мы проводили много времени в доме, и тётушка Мод, которой нелегко давалось вынужденное бездействие, придумывала для всех нас массу интереснейших занятий. Считая, что на детей крайне вредно действует избыток свободного времени, она предлагала нам множество разнообразных игр, которые могли нас увлечь.

Под её руководством мы с Элизабет учились основам композиции рисунка, создавали в альбомах с бархатными переплётками яркие коллажи из журнальных вырезок или играли в Великую игру Нового Завета, которая соединяла в себе картинки на религиозную тему и вызывала у нас с Элизабет жуткий азарт.

Удивительно, но моя мать, обычно такая равнодушная ко всему новому, всерьёз увлеклась коллекционированием и классификацией папоротников, в большом избытке произрастающих на болотистых землях Дартмура. В любую погоду она отправлялась на поиски новых экземпляров для своей коллекции, мягко настаивая на том, чтобы её не сопровождали. Возвращаясь в поместье с промокшими ногами, разругавшаяся от длительной ходьбы, она с удовлетворением садилась возле камина и разбирала охапку разлапистых папоротников, просушивая их над огнём и загадочно улыбаясь.

Помню, как однажды тётушка предложила устроить в Хиддэн-мэнор известное столичное развлечение – живые картины. Избрав для себя персонажей, мы в течение целой недели подготавливали костюмы, которые должны были преобразить нас. Единственными зрителями наших упражнений в театральном искусстве собирались

стать мой отец и нянюшка Бейкер, но такой скудный состав зрительного зала нисколько не охладил нашего пыла.

Держа втайне от отца наши приготовления (что было совсем несложно, так как он по-прежнему проводил почти всё время у себя в северном крыле поместья), мы предвкушали его изумление и восторг.

С помощью отрезов белоснежного муслина и некоторого количества реквизита мы намеревались предстать перед зрителями в образе греческих муз. В руках мы собирались держать подсказки, указывающие на область, которой покровительствовала каждая муза.

Тётушка Мод единогласно была избрана на роль самой старшей музы – Каллиопы, и для неё была приготовлена деревянная дощечка, покрытая неразборчивыми письменами, а также тиара, сплетённая из листьев.

Моя мать являла собой чарующее зрелище, избрав для себя образ Терпсихоры, покровительствующей танцу. Для неё мы изготовили бумажную лиру, натянув вместо струн прочные нити, и венок из плюща, в котором она выглядела почти как настоящая античная богиня.

Элизабет должна была изображать Полигимнию, которая в задумчивости стоит чуть поодаль от остальных муз и прижимает палец к губам, призывая к тишине. Надо сказать, эта роль очень шла моей серьёзной не по годам кузине. Когда она неподвижно стояла, устремив взгляд к потолку и держа в одной руке кипу альбомных листов, символизирующую священные гимны, вся её фигура изображала почти религиозный экстаз и приводила зрителей в восхищение.

Со своей ролью я определилась, как только мы начали обсуждать готовящееся мероприятие. Клио – покровительница истории и дочь Зевса и Мнемозины, богини памяти, имела самый величественный и мудрый вид среди всех греческих муз. В книге античной мифологии, найденной нами в библиотеке, она изображалась сидевшей и с великой серьёзностью взиравшей на длинный свиток, испещрённый летописями былых времён. Для изготовления такого длинного свитка мне пришлось два дня склеивать между собой тонкие бумажные листы, а потом оборачивать их вокруг валика для раскатывания теста, позаимствованного у миссис Дин, чтобы придать бумаге нужную форму.

Всё это время мы скрывали от отца наши приготовления, отчего он добродушно посмеивался над нами.

С тех пор минуло почти восемь лет. Картины прошлого лишь изредка оживают в моём воображении, но я отдала бы многое за то, чтобы хоть на мгновение перенестись в ту счастливую пору, когда мы ещё не знали, какие потери уготованы судьбой каждому из нас.

Как-то раз мы с Элизабет прогуливались после завтрака неподалёку от дома, расслабленно наблюдая за причудливым бегом облаков на прояснившемся небе. Я сильно насмешила её, бегом бросившись к ближайшему дереву и, три раза сплюнув через левое плечо, скороговоркой произнесла: «Добрый день, мистер Сорока! Как здоровье вашей жены?»

Не переставая смеяться, кузина спросила меня:

– Маргарет, отчего ты так странно себя ведёшь? Ведь здесь никого нет!

Нахмурившись, я показала рукой на маленькую чёрно-белую птичку, которая сидела чуть поодаль от нас и хитро на меня поглядывала, наклонив голову. Все в Дартмуре знали, что встреча с одной-единственной сорокой приносит несчастье. Совсем другое дело, если их попадётся две – в этом случае счастливица ожидала невероятная удача.

Тогда-то я и услышала от Маргарет, что в ближайшие дни ей и тётушке Мод предстояло покинуть Хиддэн-мэнор и отправиться сначала в Лондон, а затем в Корнуолл, где Элизабет ожидало длительное обучение в пансионе миссис Брингеми. Хотя я и знала заранее, что наше расставание не за горами, холод предстоящей разлуки сковал моё сердце и заставил горестно вздохнуть. На глазах у Элизабет показались слёзы и она порывисто обняла меня, пообещав писать длинные подробные письма о своей новой жизни в пансионе.

В этот день мы с кузиной дали клятву, что всегда будем оставаться друг для друга самыми драгоценными людьми на свете, какое бы длительное расставание нам ни пришлось вынести. Ребёнку девяти лет год разлуки с любимым существом представляется целой вечностью, тяжкой ношей, давящей на плечи. Могла ли я знать, что наступит время, когда неумолимая судьба разлучит нас на гораздо более длительный срок?..

Оставшиеся дни лета были омрачены предстоящим расставанием. Мы с Элизабет старались не затрагивать в разговорах между собой тему её отъезда, но тень скорого прощания стремительно приближалась к нам, заставляя наши сердца сжиматься от тоски и печали.

Тётушка Мод неустанно рассуждала о будущем прибытии в поместье гувернантки для меня и личной камеристки для моей матери, намереваясь дать объявление в «Таймс», «Дейли телеграф» и «Дейли мейл», как только они с кузиной вернутся к себе в Уотер-хаус.

И вот, в середине сентября, мы с матерью сопровождали тётушку Мод и кузину Элизабет на железнодорожную станцию. Отец, будучи, как всегда, занят, сердечно распрощался с родственницами в гостиной поместья и торопливо покинул нас. К моему удивлению, тётушка крайне почтительно поблагодарила моего отца за гостеприимство, имея при этом виноватый вид, так не вязавшийся с её горделивыми чертами лица. Прощаясь с Элизабет, мы напомнили друг другу о нашей клятве и пообещали писать подробнейшие письма.

С наступлением осени погода окончательно испортилась – серые тучи затянули небо, а затяжные дожди принялись выстукивать свою однообразную заунывную песню. После тёплой весны и чудесного лета, заполненного играми и прогулками, тишина опустевшего дома и непрекращающийся с утра до вечера унылый дождь сделали все дни для меня одинаково тусклыми.

Уступая моим настойчивым просьбам, мать со вздохом присаживалась за ломберный столик возле камина, но играть вдвоём в Великую игру Нового завета было совсем не так весело, как вчетвером. Нам обеим не хватало жизнерадостной напористости и природной лёгкости нрава, которыми обладала тётушка Мод, отчего игра заходила в тупик и мы обе испытывали неловкость и смущение. Сейчас, когда я выросла, мне часто думается, что молчаливое обожание, которое я питала к своей матери, и настойчивое следование за ней по пятам на самом деле изрядно донимало её и иногда даже вызывало досаду.

Миссис Дин и Абигайль с Мэри тоже слегка загрустили, привыкнув за несколько месяцев к неусыпному контролю со стороны тётушки Мод, имевшей вполне определённые взгляды на стандарты, которым должна соответствовать прислуга в поместье уровня Хиддэн-

мэнор. Моя же мать вряд ли обращала внимание на то, с какой тщательностью вычищены каминные решётки и вовремя ли подан завтрак. Пышно обставленные чаепития с тремя разновидностями сдобных лепёшек и лимонными пирожными прекратились, и освободившееся свободное время слуги тратили на то, чтобы всласть посплетничать о Сьюзен, недавно уволенной своей хозяйкой, и о безутешной миссис Гриффит из Лидфорда, у которой бесследно пропала младшая дочь.

Кровать, на которой спала Элизабет, так и не перенесли из моей спальни, и вечерами, свернувшись клубком под одеялом, я с грустью смотрела на неё, сдерживая набегающие слёзы. Тогда же мне опять начал сниться изнуряющий меня кошмар, в котором круглоглазое существо с длинным клювом неумоимо преследовало меня. Этот сон вызывал во мне такой сильный ужас, что иногда я просыпалась от собственных отчаянных криков.

Однажды я решила поделиться рассказом об этом с нянюшкой Бейкер, в надежде найти у неё так необходимое мне сочувствие. Но на няню мой рассказ произвёл крайне неблагоприятное впечатление. Дослушав до конца, она сухо произнесла:

— Знаете что, маленькая мисс, не говорите-ка больше никому о том, чего мне рассказали. Нормальным людям такие вот сны по ночам не снятся. Человек-птица! С клювом! Вас послушать, так это сам дьявол во плоти гоняется за вами ночью. И вообще, — нянюшка понизила голос и приблизила ко мне своё старое морщинистое лицо, — если будете всем про такое рассказывать, кто-нибудь возьмёт да и сообщит доктору. А доктор отвезёт в больницу и запрет там, как мою племянницу. И волосы острижёт!

Ужаснувшись подобной перспективе, я больше никогда и ни с кем не заводиала разговоров о чудовище, преследующем меня, со временем смирившись с кошмаром, порождённым моим разумом и не желающим меня покидать.

В начале октября мать получила долгожданное письмо от тётушки Мод. В нём сообщалось, что её стараниями для меня найдена гувернантка с отличными рекомендациями и безукоризненной репутацией, а для моей матери горничная-француженка, которая много лет служила камеристкой у знатной лондонской леди Хелен Стюарт. И

гувернантка, и горничная были согласны на переезд в графство Девон, и должны были появиться в течение ближайшего месяца.

В последующие недели эта новость была главной темой для сплетен на кухне. Миссис Дин, питавшая необъяснимую неприязнь к каждому, в чьих жилах текла хотя бы малая толика французской крови, называла новую прислугу «мадам Расфуфыр» и предупреждала Абигайль и Мэри, что новая горничная непременно будет задирать перед ними нос. По отношению к моей гувернантке в кухне также наблюдалась некоторая настороженность, но это больше по той причине, что миссис Дин никогда не служила в домах, где жила образованная прислуга.

Абигайль, которой всё ещё не давало покоя её прошлое стремительное, но кратковременное возвышение, однажды категорично заявила:

– Не буду я прислуживать этой учительше, будто она госпожа мне. Она такая же прислуга, как и я. Ежели захочет чаю выпить, то спустится в кухню, как миленькая. Не собираюсь я ей подносы таскать! Не захочет, так пусть сидит голодная.

К моему удивлению, миссис Дин вступилась за неизвестную ей мисс и грозно прикрикнула на Абигайль, отставив в сторону миску с яйцами, которые взбивала для пудинга:

– Помолчи-ка лучше! Разговорчивая какая! Не будет она подносы таскать... А по чужим домам наниматься, если у тебя образованность имеется, думаешь, больно сладко? У тебя-то папка с мамкой под боком. Каждый выходной пятки сверкают в сторону Окгемптона. Пироги домашние уплетаешь, на лучшем стуле сидишь. А ты подумай, каково от родных уехать в такую даль, да к чужим людям? И всё им не так, и всё им не этак. Пока место нормальное найдёшь, чтобы не шпыняли, да хозяин под юбку не лез, – миссис Дин всхлипнула и вытерла нос тыльной стороной ладони, после чего мстительно припечатала, – да ещё вот такие вонючки, как ты, нервы мотают!

Гневная отповедь миссис Дин не прибавила Абигайль любви к моей будущей гувернантке, а вот меня заставила задуматься. До сей поры я ни разу не задавалась вопросом, что ожидает меня в дальнейшем. Мир мой ограничивался поместьем и его окрестностями; в детстве я и помыслить не могла, что когда-то мне придётся покинуть

Хиддэн-мэнор и вести какую-то другую жизнь, в чужих местах и с чужими для меня людьми.

Замужество же воспринималось мной как нечто совершенно абстрактное и далёкое, приближенное к понятию старости, немощи и ещё чего-то такого же несбыточного. Дети ведь не в состоянии понять, что когда-то беспощадное время и их превратит в согбенных седых стариков.

Позже я улучила момент, когда мать находилась в приятном и ровном расположении духа, чтобы задать так сильно волновавшие меня вопросы. Но она только рассмеялась своим переливчатым смехом и возмущённо всплеснула руками:

– Боже, Маргарет, ну что за мысли?! Откуда эти глупости взялись в твоей голове? Сравнить себя с гувернанткой, подумать только! Ты Маргарет Шеннон Вордсворт, а не какая-то Дебора Чемберс из обедневшей семьи, потерявшей своё положение в обществе. Когда ты вырастешь, тебе не придётся прислуживать чужим людям. И вообще, – мать наклонилась ко мне и заговорщически понизила голос, предварительно посмотрев на дверь, – мы скоро покинем этот старый разваливающийся дом! Ты и я! Улетим, как на крыльях! А если точнее, – она заговорила ещё тише, приблизив губы к самому моему уху, – то уплывём на большом корабле!

Испуганно отпрянув, я с недоумением взглядела в её лицо. Мать любила фантазировать, и порой, если на неё нападало шаловливое настроение, было сложно понять, шутит она или говорит серьёзно. Сейчас же её лицо приобрело значительное выражение и она несколько раз кивнула, видя моё замешательство, а затем снова наклонилась ко мне и прошептала:

– Про это нельзя никому-никому рассказывать, понимаешь? Иначе ничего не получится.

В какое бы изумление ни привели меня её слова, вскоре я выкинула их из головы. Выдумки матери почти никогда не имели в своей основе ничего, кроме её фантазий и грёз, и последующие события целиком заслонили от меня и волнения о собственном будущем, и странные слова о таинственном корабле.

Первой в Хиддэн-мэнор прибыла французская горничная. Её родители наградили свою дочь именем Мадлен (совсем как крошечные французские печенья), и нельзя было представить себе более

неподходящее имя для мадемуазель Фавро, чем это. Она оказалась очень высокой и крупной женщиной, а по сравнению с моей миниатюрной матерью и вовсе выглядела как великанша из детской сказки. Крупную голову венчала высокая затейливая причёска с неряшливыми желтоватыми кудрями, платье изобиловало множеством мелких деталей, непривычных для туалета английской леди, а манера держать себя выдавала в ней суетливую и недалёкую особу.

Тем не менее кротостью нрава и почтительностью она сумела заслужить расположение моей матери, и тётушке было отправлено подробное письмо с благодарностью за содействие. И хотя поначалу в нижней части дома горничную приняли с прохладцей, немного позже я наблюдала, как Абигайль покровительственно одалживает мадемуазель Фавро булавку, а миссис Дин, явно старавшаяся побороть свою неприязнь, снисходительно учит её правилам поведения в английском поместье.

С прибытием мадемуазель Фавро моя мать оживилась и повеселела. Сейчас я понимаю, что для молодой женщины жизнь в уединённом поместье не представляла возможности полноценно общаться с другими людьми, а маленькая дочь и нелюдимый муж, предающийся своим странным занятиям, не могли составить интересную компанию. Тогда же я чувствовала зарождающуюся ревность и неприязнь к несчастной Мадлен Фавро, которая всего лишь старалась прижиться на новом месте и понравиться своей хозяйке. Боюсь, что эти чувства заставляли меня вести себя по отношению к ней не самым лучшим образом.

А ещё через неделю старый мистер Бэнкс привёз с железнодорожной станции мисс Дебору Чемберс, которая должна была обучать меня правописанию, арифметике, истории, грамматике и естествознанию. Но это событие, которого я так ждала, испытывая крайне противоречивые чувства, не удостоилось моего внимания, так как случилось ужасное происшествие – пропала леди Снежинка.

Глава 9

Моя белоснежная любимица имела до крайности любопытный нрав и, если не находилась рядом со мной, то храбро исследовала укромные уголки дома, питая особую страсть к кухонному погребу. Множество раз я с помощью миссис Дин спускалась по приставной лестнице в холодную затхлую тьму подвала, чтобы вызволить возмущённо мяукающий комок из невольного заточения. Поэтому когда Снежинка не разбудила меня рано утром привычными играми, я нисколько не беспокоилась.

Только к обеду я вспомнила, что ни разу ещё не видела свою питомицу. Встревожившись, я настояла на том, чтобы проверить погреб и четвёртый, давно заброшенный, этаж дома. Нянюшке Бейкер, как бы ей этого ни хотелось, пришлось сопровождать меня в поисках, оказавшихся тщетными.

В ту ночь я и на минуту не сомкнула глаз. В моей голове стремительно проносились картины чудовищной гибели леди Снежинки. Мне представлялась свора диких собак, которые, раскрыв алые пасти и капая слюной, преследуют её по дороге, озарённой лунным светом. Или я начинала размышлять о том, могла ли Снежинка добраться до Лидфордского ущелья и, упав с моста, быть унесённой бурным течением потока.

К наступившему утру простыня на моей кровати сбилась в комок и была влажной от холодного пота, вызванного страхом и неизвестностью. Как только свет забрезжил в окнах, я торопливо оделась и спустилась в кухню, отчаянно надеясь увидеть привычную утреннюю картину – леди Снежинка возле тёплого бока плиты чинно лакает сливки, а миссис Дин ведёт с ней одностороннюю, но крайне содержательную беседу.

Увы, кухня была пуста. Мэри и Абигайль, готовящиеся накрыть в столовой завтрак, взглянули на меня с нескрываемой жалостью. Все ночные страхи в этот момент разом заговорили во мне, и я почувствовала, будто мою грудь сдавил ледяной обруч.

Мисс Дебора Чемберс, проведя ночь в Окгемптонской гостинице сестёр Кроули, прибыла в Хиддэн-мэнор сразу после завтрака, но меня

она уже не застала. Ослушавшись нянюшку Бейкер я, с трудом дождавшись окончания трапезы, облачилась в непромокаемую накидку и отправилась на поиски пропавшей кошки, отчаянно надеясь, что ещё не слишком поздно.

К полудню я обошла половину поместья, заглядывая в каждую канаву и шаря под корнями старых разросшихся деревьев в яблоневом саду. Наиболее тщательно я отнеслась к осмотру старинного, наполовину засыпанного колодца, из которого когда-то брали воду для хозяйственных нужд поместья. Осматривая его с помощью тусклого фонаря, спущенного вниз на верёвке, я поразилась тому, какой он всё-таки глубокий. После этого я проверила заброшенное больше века назад помещение кузни, сыроварню и собиралась уже отважиться на то, чтобы продолжить поиски в старой конюшне (в которой, по словам нянюшки Бейкер, много лет назад повесился старший конюх), как кто-то меня окликнул громким и решительным голосом:

– Мисс Маргарет! Мисс Маргарет, постойте, пожалуйста!

Оглянувшись, я увидела, что ко мне приближается высокая леди в тёмно-синем пальто. Из-за порывов яростного ветра её небольшая шляпка съехала на левую сторону, скрыв от меня лицо неизвестной, и теперь дама торопливо пыталась затянуть потуже ленты и вернуть своему головному убору правильное положение.

– Мисс Маргарет, я знаю о вашем несчастье, – проговорила она, подойдя ближе и справившись с непослушной шляпкой. – Позвольте мне помочь вам в поисках. Когда-то у меня была домашняя кошка – редкая красавица. Её привёз из Египта друг моего отца, поэтому мы называли её Клеопатрой. Ах да, прошу простить меня за рассеянность. Я Дебора Чемберс, и я буду вашей гувернанткой.

С этими словами она протянула мне руку. Рукопожатие мисс Чемберс оказалось крепким, а рука твёрдой. Сейчас я могла рассмотреть её лицо и, надо сказать, внешний облик моей гувернантки поразил меня.

Все долгие недели, что я ожидала её появления, в воображении передо мной возникали различные образы. То мне виделась немолодая строгая леди с сурово поджатыми губами и длинной линейкой угрожающего вида в руках, то невзрачная худенькая девушка, похожая на героиню одного романа, найденного в библиотеке.

В действительности же мисс Чемберс оказалась совсем другой. Передо мной стояла высокая, статная, но при этом очень изящная молодая леди с живыми тёмными глазами и выражением искреннего сочувствия на раскрасневшемся от быстрой ходьбы лице. Наблюдая моё замешательство, она ободряюще мне улыбнулась, продемонстрировав удивительно ровные белоснежные зубы, после чего наклонилась и проговорила:

– Я рада с тобой познакомиться, Маргарет. А ты?

Смутившись из-за того, что такая приятная леди может посчитать меня дурно воспитанной невеждой, я неловко поклонилась и быстро произнесла:

– Я тоже... Тоже рада познакомиться с вами, мисс Чемберс. Я ищу свою кошку. Её зовут леди Снежинка и она потерялась ещё вчера, а сегодня её не было в кухне, как обычно, и я боюсь, что с ней... Боюсь, что с ней случилось что-то очень нехорошее, и я никогда её больше не увижу!

Мисс Чемберс сочувственно похлопала меня по плечу и решительно заявила:

– Пока нет причин думать о чём-то плохом. У каждой кошки девять жизней, разве ты не знала об этом? Давай-ка лучше возьмём себя в руки и поищем её как следует.

Слова утешения, сказанные с такой уверенностью, ободрили меня и позволили продолжить поиски с прежней настойчивостью. Меня подкупило желание мисс Чемберс помочь мне в моём несчастье, и последующие несколько часов мы планомерно обследовали старые хозяйственные постройки в заброшенной части поместья. Мы даже ещё раз осмотрели заброшенный колодец, спустив фонарь до самого его дна. К сожалению, несмотря на все усилия мы так и не смогли отыскать леди Снежинку.

Чувствуя, как меня всё более охватывает отчаяние и безнадёжное уныние, я перестала сдерживать подступающие слёзы и уже готова была разрыдаться, когда мисс Чемберс спросила, указывая рукой на северное крыло Хиддэн-мэнор:

– Маргарет, а почему бы нам не поискать леди Снежинку вот там? Кошки – ужасно любознательные создания. Что скажешь?

Я поняла, что новоприбывшая гувернантка ещё не была в курсе установленных моим отцом правил и ограничений, которые

распространялись на всех обитателей поместья. Просветив её на этот счёт, я заметила, как в глазах мисс Чемберс промелькнуло любопытство.

Отчаяние, в которое я всё глубже погружалась при мысли о том, что не уберегла свою любимицу от неведомой опасности, толкнуло меня на то, чтобы нарушить отцовский запрет.

За время бесплодных поисков мы с мисс Чемберс успели подружиться, и моя абстрактная неприязнь к ней сменилась искренней симпатией. Не побоявшись испачкать пальто, она вместе со мной тщательно исследовала старую конюшню и все близлежащие постройки, а когда я внезапно провалилась одной ногой сквозь прогнившую половицу, то мисс Чемберс тут же, как добрый ангел, кинулась ко мне и, быстро подхватив на руки, вытащила наружу. Помню, что я тогда поразилась тому, какой сильной женщиной она оказалась, несмотря на свою изящную наружность.

Несомненно, если бы не энтузиазм мисс Чемберс, леди Снежинка вряд ли была бы найдена. Именно зоркий взгляд гувернантки отыскал белоснежный комок на фоне кучи мусора, громоздившейся возле входа в северное крыло, но состояние, в котором пребывала моя питомица, внушило нам самые серьёзные опасения.

Зная, какие холодные ночи выдаются в нашей местности осенней порой, я тут же завернула чуть живую леди Снежинку в собственную накидку и опрометью понеслась к жилой части дома. Влетев в кухню, я приказала миссис Дин подогреть сливки и найти круглую корзину с плоским дном.

За всё это время страдальца не издала ни звука, а когда я попробовала разжать ей зубы и влить в её горло капельку тёплых сливок, то пушистое кошачье тельце начало содрогаться от мучительной рвоты.

Весь вечер я не отходила от своей питомицы, настояв на том, чтобы мисс Чемберс составила мне компанию. Миссис Дин и горничные Мэри и Абилайль вряд ли были довольны нашим длительным присутствием в кухне, но, видя моё душевное состояние, не решались высказывать недовольство.

Зная разборчивость леди Снежинки в выборе своего питания, я и представить себе не могла, что из съеденного ею могло вызвать такое

сильное отравление. А в том, что это было отравление, сомневаться больше не приходилось.

Обессиленная от рвоты кошка лежала на боку, прикрыв мутные глаза, и время от времени издавала слабые стоны, больше походившие на писк цыплёнка. Крохотное тельце то и дело передёргивало от пробегающей по нему судороги, после чего следовала мучительная сухая рвота. И так продолжалось весь вечер, вплоть до того момента, когда мисс Чемберс, подчиняясь приказу моей матери, увела меня наверх и помогла подготовиться ко сну.

Несмотря на утешающие слова гувернантки я отчётливо понимала, что проснувшись утром, уже вряд ли застану в живых свою любимицу, которой опрометчиво обещала заботу и защиту. Но, спустившись на следующий день вниз с опухшим от ночных слёз лицом, я с огромной радостью увидела, что леди Снежинка всё ещё жива.

Она по-прежнему лежала в корзине рядом с плитой и была заботливо накрыта куском тёплой материи. Рядом стояла плоская мисочка с водой и миссис Дин клятвенно заверила меня, что лично видела, как кошка лакала воду.

Так продолжалось почти неделю. Леди Снежинка стоически балансировала на тонкой грани и, в конце концов, пошла на поправку, подтверждая слова мисс Чемберс о том, что кошки имеют в запасе девять жизней.

Несчастье, приключившееся с любопытной кошкой, помогло мне обрести настоящего друга. Всё это время Дебора старалась не оставлять меня одну, помогая ухаживать за больным зверьком и поддерживая мою веру в благополучный исход. Она пыталась, как могла, отвлечь меня от горестных мыслей, рассказывая забавные истории, неиссякаемым источником которых было её детство, проведённое в графстве Кент.

Бесспорно, мисс Дебора Чемберс обладала не только приятной витальной наружностью, но и талантом прирождённого рассказчика. Томительные дежурства возле занедужившей леди Снежинки, к моему великому стыду, то и дело прерывались сдавленным смехом, а когда Дебора заметила, что к нашему разговору прислушиваются горничные и миссис Дин, изредка трясаясь от сдерживаемого хохота, то начала

слегка повышать голос, если принималась рассказывать что-нибудь особо уморительное.

Как я поняла из её юмористического повествования, выросла она в богатой и знатной семье, имевшей обширные земельные угодья в Южной Англии, в графстве Кент. Отец её придерживался довольно свободных взглядов, не совсем разделяемых её матерью, но тем не менее по его настоянию мисс Чемберс получила блестящее образование. За давностью лет мне сейчас не удастся припомнить основные перипетии её жизни, но факты заключаются в том, что к возрасту девятнадцати лет мисс Дебора осталась круглой сиротой, потерявшей наследство из-за махинаций недобросовестного поверенного и вынужденной прожить несколько тягостных лет в Северном Йоркшире, в доме у скупой и капризной тётки.

Не думаю, что жизнь хоть и образованной, но бедной и лишённой поддержки родственников молодой леди была такой уж весёлой, как её представляла для нас мисс Чемберс. Однако, слушая её рассказы про уснувшую на проповеди тётку или кухарку – тайную любительницу сидра, собиравшуюся выйти замуж в возрасте пятидесяти одного года, вы никогда бы не подумали о том, какие взлёты и падения переживал в своей жизни рассказчик.

В её словах не было горечи или жалости к себе, только лишь мягкий юмор. Эта её черта вкупе со способностью внимательно выслушивать собеседника и не чваниться своим высокородным происхождением снискала у всех нижних обитателей Хиддэн-мэнор симпатию и преданность. Вскоре наступил тот день, когда Абигаиль с подносом в руках и выражением полной сосредоточенности на лице отнесла утренний чай наверх, в комнату мисс Чемберс.

В отличие от меня, начинающей испытывать к гувернантке искреннюю привязанность, и кухонной прислуги, покорённой добрым сердцем и острым язычком мисс Деборы, моя мать вовсе не выказывала ей своего расположения, оставаясь с нею всегда холодна и надменна. Наблюдая за нашими занятиями, которые проводились в моей бывшей детской, мать иногда с неудовольствием поправляла мисс Чемберс, но даже я понимала, что подобные выпады в сторону гувернантки являются пустыми придирками.

Ещё большее недовольство своей особой мисс Чемберс вызвала у моей матери за обедом, на который была приглашена по просьбе отца.

Он когда-то учился вместе с Сэмюэлем Чемберсом в Лионском университете, и теперь хотел лично познакомиться с моей гувернанткой для того, чтобы выяснить, не дочь ли она его старого однокашника.

За совместной трапезой мисс Чемберс вела себя скромно и предупредительно, но при этом в каждой фразе, произнесённой ею, присутствовало достоинство и мягкий юмор, так свойственные её натуре.

Даже мой отец, обычно невнимательный к людям, оценил изысканные манеры и способность гувернантки высказывать тонкие замечания, свидетельствующие о её высоком интеллекте. Выяснилось, что Сэмюэль Чемберс, сочетавшись браком с одной из тётушек (ныне покойной) мисс Деборы, приходится ей собственником.

Помню, что после обеда мать с отцом сильно повздорили. Спрятавшись, как обычно, в гардеробной, я могла слышать почти весь их разговор.

– Не воображай, что я буду изо дня в день садиться за один стол с прислугой! – высокомерно заявила моя мать. – Она всего лишь нанятая гувернантка, хотя и хорошего происхождения. Я не собираюсь за обедом выслушивать сентенции от собственной obsługi и смеяться над её шутками.

Отец тогда тихо проговорил что-то, чего я не смогла расслышать, и вышел из спальни матери, громко хлопнув дверью. Последующие за ссорой несколько дней они не разговаривали друг с другом, а встречаясь в столовой, напускали на себя отстранённый вид. Мисс Чемберс больше не получала приглашений к обеду и трапезничала или в кухне с миссис Дин и горничными, или в своей комнате.

Вообще, этой зимой отец с матерью ссорились больше обычного. Поводом для размолвки могла послужить любая мелочь, любое неосторожное замечание. Чаще всего зачинщиком столкновения выступала моя мать, не прощая отцу ни единого промаха, в своей безжалостной манере высмеивая его и провоцируя на споры с нею. Отец же, обычно такой сдержанный и хладнокровный, в последнее время начал терять контроль над собой, и тогда отвратительный скандал между моими родителями разгорался в полную силу. В такие моменты я прижимала ладони к ушам, стараясь не слышать чудовищных обвинений, которые они бросали друг другу.

Мадемуазель Фавро и мисс Чемберс делали вид, что не замечают грозовой атмосферы, установившейся в Хиддэн-мэнор перед Рождеством 1905 года, и продолжали старательно исполнять свои обязанности. Под руководством гувернантки я постигала науку взаимодействия чисел, зубрила наизусть сонеты Шекспира и училась находить на карте самую длинную реку в мире – Амазонку. С помощью мадемуазель Фавро я сумела украсить изящной вышивкой миниатюрный мешочек для сухих ароматных трав. Саше получилось таким роскошным (на мой неискушённый взгляд), что я решилась преподнести его матери на Рождество, заранее предвкушая её восторг.

Холодная зима с обильными снегопадами вынуждала нас с мисс Чемберс проводить почти всё свободное время в комнате для занятий, чему мы обе, признаться честно, были даже рады. Моя гувернантка оказалась неистощима по части знания различных игр, ребусов и шарад, и каждый день после занятий я, заливаясь довольным смехом, получала от неё листок с очередной изящной загадкой, которую мне предстояло разгадать.

Кроме того, за небольшую прибавку к жалованью мадемуазель Фавро согласилась давать мне уроки французского языка. Звучание фраз на незнакомом языке завораживало меня своей таинственностью и мягкостью грассирующих звуков.

Дни, заполненные интереснейшими занятиями с мисс Чемберс, чтением новых книг, привезённых ею с собой, и совместными играми сливались для меня в единое полотно. Той зимой я жила в непрерывном ожидании – наступления весны, писем от кузины Элизабет, перемирия между родителями.

Но вскоре размеренное течение нашей жизни было прервано печальными обстоятельствами. В Хиддэн-мэнор произошёл пожар, от которого серьёзно пострадал мой отец.

Глава 10

В ту ночь мне вновь приснился знакомый кошмар, ставший уже привычным, только на этот раз в нём кроме меня и отвратительной человеко-птицы была ещё и моя мать. Уродливая фигура преследовала нас в полном безмолвии, неумолимо приближаясь всё ближе и не оставляя шансов на спасение.

Проснувшись от собственных отчаянных всхлипов, я села на постели и прижала ладони к мокрому от слёз лицу. Тусклый свет ночной лампы делил комнату на две неравные части, оживляя тёмные тени и наделяя их собственной злонамеренной волей.

Вдруг я услышала серию приглушённых хлопков. Звуки были такие тихие, что можно было принять их за плод моего больного воображения. Какое-то время я сидела на постели, сжавшись в комок и не решаясь опустить ноги на пол, но всё-таки любопытство оказалось сильнее страха.

Подойдя к окну и открыв ставни, я осторожно выглянула наружу. Оказалось, что ночь уже окончилась и наступило раннее утро. В морозном воздухе отчётливо слышался запах гари. Распахнув ставни второго окна, чтобы холодные дуновения вытеснили душную атмосферу мучительных кошмаров и липкого страха, я увидела, как по выпавшему снегу, лежащему неровным белёсым покровом, бежит, оскальзываясь, круглая фигура, в которой можно было легко узнать миссис Дин.

Удивлённая тем, как наша степенная и обстоятельная экономка выказывает прыть, неприличную для её положения, я высунулась из окна ещё дальше и успела заметить, что миссис Дин движется в направлении, ведущем к северному крылу поместья.

Чувствуя, что не в силах находиться вдали от происходящих событий и терзаясь любопытством, я принялась быстро одеваться. В коридоре я столкнулась с мисс Чемберс, которая с тревогой на лице торопливо шла к лестнице, застёгивая на ходу тёплое пальто.

– Маргарет, куда ты направляешься? – удивилась она. – Ещё очень ранний час, ты...

– О, мисс Чемберс, я услышала странные звуки, а потом увидела, как миссис Дин бежит куда-то, и в воздухе странный запах, – сбивчиво объяснила я, и только наивысшим волнением можно было оправдать то, что я перебила свою наставницу и не пожелала ей доброго утра.

– Нет, дорогая, тебе следует оставаться в своей комнате, – категорично покачала головой мисс Чемберс. – Я выйду узнать, не требуется ли моя помощь, и вскоре вернусь. А тебе необходимо тотчас же вернуться к себе и повторить грамматические задания к сегодняшнему уроку.

Вынуждена признать, что я и не подумала повиноваться её словам. Несомненно, в детскую пору я была донельзя своенравным и упрямым ребёнком, склонным к неподчинению взрослым.

Когда стук её изящных ботиночек стих внизу, я прокралась в холл и отыскала в шкафу тёплую пелерину матери с меховой опушкой. Набросив её на плечи и подвязав под горлом, я толкнула тяжёлую входную дверь и выбежала наружу.

В непривычной длинной одежде я не могла двигаться так быстро, как бы мне того хотелось, поэтому основные события я пропустила и услышала о них несколько позже, от нянюшки Бейкер и миссис Дин, многолетнюю вражду которых прервало вынужденное перемирие.

Столб дыма и усиливающийся запах гари указывали на то, что причину происходящего следует искать в северном крыле Хиддэн-мэнор. (Хотя эта часть поместья и называлась северным крылом, на самом деле двухэтажное каменное строение с круглой башней являлось отдельным зданием, стоявшим в некотором отдалении от дома. Построил его дальний предок моего отца, имевший французские корни. Под зданием находились обширные винные погреба, а ещё был подземный ручей, впадающий в реку Дарт).

Когда я подошла ближе, то запах гари стал значительно сильнее. К нему дополнительно примешивался смрад от прелого мёрзлого сена и разломанных на части деревянных ящиков, которые служили вместилищем для таинственных посылок отца. Дым от зловонной тлеющей кучи стелился по земле прозрачным туманом, а мне навстречу, прихрамывая, шёл отец, поддерживаемый с двух сторон няней Бейкер и мисс Чемберс.

С ужасом я увидела, что отец баюкает левой рукой нечто жуткое, окровавленное, больше походившее на обрубок, из которого торчала

белоснежная кость. Только потом, когда прошло первое потрясение, я поняла, что его правая рука никуда не исчезла, а всего лишь рассечена во многих местах и наспех перевязана белым платком, на котором мгновенно расцветали кровавые розы. Тем не менее кровотечение было настолько обильным, что платок моментально пропитался тёмной кровью и на снег закапали тяжёлые капли.

Заметив меня, стоявшую в растерянности чуть поодаль, отец дёрнулся и побледнел ещё больше.

– Уходи отсюда! Сейчас же! – прокричал он страшным хриплым голосом и зашёлся в приступе кашля. – Все уходите отсюда, немедленно!

Миссис Дин, стремительно закидывавшая снегом источник пожара, вздрогнула и, повинуясь его отчаянному крику, заспешила за нами, пристально следя за тем, чтобы не наступить на пятна крови, темнеющие на снегу.

От боли и слабости отца пошатывало. Я слышала его затруднённое дыхание и видела, как напряглись желваки на его лице, когда он крепко стиснул зубы, не давая возможности прорваться сквозь них болезненному стону. Будучи крупным мужчиной, он тогда всем своим весом навалился на две хрупкие фигурки по сторонам от себя. Мисс Чемберс, ничем внешне не проявляя нечеловеческих усилий, которые требовались от неё, чтобы удержать большое и страдающее от страшной боли тело отца, продолжала идти вперёд, практически взвалив на себя неподъёмную ношу. В этот момент я испытывала к ней такую признательность, что меня начали душить рыдания.

Первой, кого я встретила, вбежав в дом, была мадемуазель Фавро, которая в страшном волнении металась по холлу, бешено жестикулируя и бессвязно мешая английские слова с французской речью. Её странный внешний вид на секунду привлёк моё внимание, пока я не поняла, что в облике горничной кажется мне таким непривычным. Густые, слегка косматые брови на её лице (на кухне уже не раз злословили на эту тему) испарились, как будто их и вовсе никогда не было. Безбровое лицо с припухшими после сна глазами выглядело неприятно и жалко.

– О, скажите мне, мисс Маргарет, мы в плену? Мы захвачены, да?

Много позже я узнала, что суетливая мадемуазель Фавро в возрасте пяти лет находилась вместе с родителями в Париже, когда в

процессе франко-прусской войны столица была подвергнута осаде германскими войсками. Голод, непрекращающиеся бомбардировки и смерть отца, погибшего на баррикадах во время «Кровавой недели» – все эти события отвратили её от собственной родины и заставили искать счастливой судьбы в чужой стране.

Она умоляюще коснулась моей руки, продолжая жалобно задавать вопросы на французском, но тут в холл вошёл мой отец, поддерживаемый мисс Чемберс, которая чётким ровным голосом отдала выбежавшей навстречу Абигайль приказание отправиться в деревню за доктором. Моя гувернантка была в тот момент единственным человеком, сохранившим хладнокровие и присутствие духа, поэтому Абигайль даже не подумала послушаться и, захлопнув рот, мгновенно отправилась исполнять поручение.

С большим трудом отца подняли по лестнице и уложили в его комнате, которой он пользовался крайне редко, чаще всего предпочитая оставаться на ночь в северном крыле поместья.

В холле остались только мы с бледной до синевы мадемуазель Фавро, и миссис Дин, поспешно отмывавшая парадную лестницу от кровавых потёков.

– А где моя мама? Я хочу к маме, – услышала я вдруг собственный голос, звучавший невыносимо жалобно, и посмотрела на мадемуазель Фавро, в надежде, что она отведёт меня к ней.

Тут только я сообразила – трясущаяся от страха француженка не понимает, что происходит вокруг неё. Лицо горничной выражало смертельный ужас. Прижав сжатые ладони к губам, она тихонько бормотала молитву, подняв глаза к потолку. Мы обе были похожи на растерянных детей, а увидев, как плещется розовая вода в ведре миссис Дин, закончившей мыть лестницу, я и вовсе испугалась, что сейчас высокая, как башня, мадемуазель Фавро обрушится прямо на меня.

– Ну, что же вы здесь стоите? Для девочки здесь слишком прохладно, мадемуазель Фавро, – будто речь ангела с небес раздался голос мисс Чемберс. – Отправляйтесь к миссис Вордсворт и разбудите её, если она ещё спит. Возьмите с собой Маргарет, а я попрошу разжечь камин в столовой.

Заметив странный ступор, в котором пребывала француженка, мисс Чемберс прибавила на французском, улыбнувшись нам обеим:

– Нет повода для такого ужаса, мадемуазель Фавро. Возьмите себя в руки. Маргарет, мистер Вордсворт всего лишь немного ранен. Пожар был совсем небольшой и уже потушен. Мы дождёмся доктора и будем завтракать, а потом начнём наши обычные занятия.

Её тёмные блестящие волосы выбились из наспех закрученного узла и обвивали белоснежную высокую шею, и на рукаве платья из серой материи темнели пятна. Больше ничего в её облике не говорило о том, что в Хиддэн-мэнор разразилась беда. В последующие годы я вспоминала необыкновенное самообладание и выдержку, которыми была наделена мисс Чемберс, и, признаюсь, её манера себя держать во время трагических событий стала для меня недостижимым образцом.

Уверенный голос мисс Чемберс, ободряющая улыбка и чёткие распоряжения для всех, кто нуждался в руководстве, вытеснили воцаряющийся хаос и в поместье, и в сознании его обитателей.

Когда доктор Джефферсон прибыл в Хиддэн-мэнор со своим пузатым саквояжем, то не обнаружил и следа того беспорядка, который грозил обратить всех нас в рабство.

Камины в комнатах и в столовой пылали ярким гостеприимным огнём, завтрак, несмотря на взбудораженных горничных и всё ещё трепещущую от ужаса миссис Дин, был накрыт на подносах, а рана отца промыта и обложена марлевыми тампонами. Даже моя мать к этому времени была разбужена, умыта и одета соответствующе визиту в поместье постороннего человека.

Как стало известно позже, ситуация с ранением моего отца и в самом деле была угрожающей. За то время, что потребовалось довести его до парадного крыльца, он потерял много крови, и, кроме того, успел сильно замёрзнуть. В ране, которую он получил, нашлись осколки стекла, что несколько удивило доктора Джефферсона, а огромная шишка на лбу заставляла подозревать о сотрясении мозга. Дело осложнялось ещё и тем, что от переохлаждения у него началась сильнейшая простуда, из-за которой больного терзали мучительные приступы кашля.

После осмотра доктор Джефферсон, распространяя сильный запах карболовой кислоты, вышел из комнаты отца и уединился с моей матерью в гостиной, а затем отбыл, отказавшись от завтрака и сославшись на необходимость визитов к другим пациентам.

Завтрак, на котором присутствовали только я и моя мать, прошёл в унылом молчании. Я была слишком взбудоражена случившимся, а моя мать вяло копалась ложкой в тарелке, глубоко погрузившись в собственные мысли и не замечая никого вокруг себя. Время от времени она вскидывала на меня глаза, будто собиралась произнести нечто важное, но тут же отводила взгляд, досадливо морщась.

В тот день во время занятий я сумела продемонстрировать такое невероятное скудоумие и рассеянность, что мисс Чемберс отчаялась добиться от меня какого-либо удовлетворительного результата и предложила сыграть в какую-нибудь тихую игру наподобие «Шествия Наполеона». Ранняя прогулка в морозный день и последующие хлопоты заставили её лицо разругаться – и вот такая, с пылающими щеками и блеском в глазах, моя гувернантка выглядела необыкновенной красавицей.

На следующий день состояние отца значительно ухудшилось. К приступам яростного кашля, терзающего его измученное тело, прибавились тошнота и головокружение. Миски с бульоном, которые приносила к нему в комнату Абигаиль, отправлялись на кухню нетронутыми, а тяжёлое надсадное дыхание заставляло доктора Джефферсона подозревать скоротечное развитие чахотки. Рана на его руке воспалилась и доставляла больному невыносимые муки, которые утихали лишь после принятия щедрой порции лауданума.

К огромному неудовольствию моей матери, миссис Дин, не хворавшая на моей памяти ни единого раза, заразилась и слегла в постель, терзаясь такими же мучительными приступами кашля. Оставшись без кухарки, мы были вынуждены невообразимо дурно питаться.

В довершение ко всем бедам, мисс Чемберс вскоре тоже почувствовала недомогание, проявлявшееся слабостью, головокружением и постоянной тошнотой. До последнего момента, пока болезнь окончательно не заставила её лечь в постель, она пыталась ухаживать за моим отцом и миссис Дин, отдавая приказания на кухне и пытаясь превратить подгорелую или полусырую отраву, которая выходила из-под рук Абигаиль, в подобие удобоваримой пищи.

Доктор Джефферсон, будучи неуверенным в окончательном диагнозе, неосторожно намекнул моей матери, что причиной недомогания обитателей Хиддэн-мэнор может оказаться брюшной

тиф, небольшая эпидемия которого недавно была замечена в округе. После этого моя мать, панически боявшаяся подхватить заразную болезнь, практически перестала выходить из своей комнаты, лишь изредка отправляясь на прогулки, предписанные доктором Джефферсоном в качестве профилактики и укрепления здоровья.

Горничные Абигайль и Мэри сбивались с ног, ухаживая за тремя больными и взяв на себя кухонные хлопоты. От нянюшки Бейкер толку не было никакого – она лишь дежурила возле постели отца, погружаясь в воспоминания о том, как нянчила его совсем маленьким мальчиком, да иногда брала в руки наскоро сооружённое опахало, которым обвевала отца, чтобы облегчить его сиплое затруднённое дыхание.

Зима в том году выдалась холодной и затяжной. Унылая атмосфера, воцарившаяся в доме, скудное и дурное питание, запахи болезни, лекарств и страх потерять отца и мисс Чемберс, ставшую мне дорогим другом – всё это способствовало ухудшению и моего здоровья тоже.

Ещё в день пожара, ближе к вечеру, я почувствовала першение в горле и лёгкое головокружение, но на фоне происходившего в поместье я не хотела своим недомоганием привлекать к себе внимание. (Я побоялась рассказать об этом ещё и по той причине, что терпеть не могла, когда доктор Джефферсон, натужно сопя, холодными пронырливыми пальцами обследовал меня – надавливая, сжимая и поглаживая, он приводил меня в крайне беспокойное состояние, которое объяснял потом симптомами завладевшей мной нервной лихорадки).

Через несколько дней у меня появился слабый кашель, который я отчаянно скрывала от всех, стремительно убегая в свою комнату или на третий этаж перед тем, как чувствовала его приближение. Эти мелкие недомогания быстро покинули меня и им на смену пришло тяжёлое отчаяние. Отец и мисс Чемберс по-прежнему лежали в своих постелях, бледные, немочные и слабые. Доктор Джефферсон, судя по всему, не желал показывать собственную неосведомлённость и продолжал строить предположения о завладевшей ими недуге, предполагая всё более пугающие варианты и предписывая больным регулярные кровопускания.

Абигайль, услышав от доктора о заразности неизвестной болезни, принялась демонстративно кашлять и сморкаться в надежде, что её от греха подальше отправят в постель или даже вовсе домой, в Окгемптон, но доктор тут же её сурово отчитал, обозвав симулянткой.

Так прошли три или четыре недели. Видя, как сбиваются с ног Абигайль и Мэри, мадемуазель Фавро присоединилась к ним в уходе за больными, моя же мать продолжала почти безвылазно сидеть в своей комнате, изредка навещая отца, но не рискуя приближаться к нему ближе, чем на расстояние нескольких шагов. После таких посещений на её лице появлялось странное выражение печальной и удовлетворённой отрешённости, почему-то пугающее меня больше, чем слёзы или отчаяние. Иногда, когда моя мать думала, что никто этого не видит, её лицо приобретало особое мечтательное выражение.

Благодаря (а может статься, и вопреки) стараниям доктора Джефферсона, к середине марта больные всё-таки пошли на поправку. Первой кризис миновала мисс Чемберс, за время болезни потерявшая больше двух стоунов веса. Из-за того, что доктор подозревал виновной в её болезненном состоянии пневмонию, а не брюшной тиф, великолепные волосы моей гувернантки не были острижены, как у отца, и оставались по-прежнему длинными, разве что потерявшими свой блеск и густоту.

Миссис Дин, тоже изрядно похудевшая, поправилась на неделю позже. За время её болезни мы привыкли питаться невнятным варевом из жёсткого мяса и разварившихся до кашеобразного состояния овощей, которое косорукая Абигайль готовила изо дня в день. Не знаю, как слуги, а мы с матерью больше не могли есть подобную гадость, поэтому часто совершали набеги на кладовую, уничтожая маринованные овощи и фрукты.

Когда наша кухарка приступила наконец к своим обязанностям, то пришла в совершеннейший ужас от того, в каком состоянии находилось её рабочее место. Кладовая с припасами была напрочь разорена (нам с матерью больше всего по вкусу пришлись маринованные вишни и апельсиновый джем), закопчённые медные кастрюли и сковороды вперемешку висели на стенных крюках, а ведро с отбросами источало миазмы перегнивших овощных очисток. Схватившись за сердце, миссис Дин остолбенело взирала на чудовищные разрушения в её некогда светлой и безукоризненно

чистой кухне, а потом в сердцах отстегала Абигаиль свёрнутым полотенцем, кляня нерадивую горничную на чём свет стоит.

Когда мисс Чемберс окончательно поправилась и мы смогли возобновить наши занятия, в Хиддэн-мэнор пришло письмо от тётушки Мод. Она сообщала, что кузина Элизабет заканчивает обучение в пансионе миссис Брингеми в середине апреля, после чего они обе приедут в поместье погостить и, возможно, привезут с собой преподобного мистера Пристли.

Ни я, ни моя мать не были знакомы с отцом Элизабет и мужем тётушки Мод, а поскольку в моей семье совершенно не соблюдались церковные каноны и отсутствовало надлежащее религиозное воспитание, то в ожидании визита vicar'а англиканской церкви мы несколько растерялись.

И отец, и моя гувернантка, и миссис Дин — все, казалось, окончательно оправились от сурового недомогания. Даже сильно похудевший и остриженный наголо отец снова отправился к себе, в северное крыло, как только смог обрести прежние силы.

Затяжная зима, принёсшая нашей семье столько хлопот и несчастий, почти закончилась. Из-за того, что вся земля в течение долгого времени была покрыта плотным слоем снега, который сейчас стремительно превращался в воду, половина территории поместья приняла вид стоячего болота. Перед сном, приоткрыв окно своей спальни, я могла слышать утробные лягушачьи трели и вдыхать возбуждающие запахи оттаявшей земли.

Река Дарт той весной вышла из своих берегов и разлилась по ферме мистера Беррингтона, находившейся ближе всех к поместью моего отца, а её небольшое ответвление, протекавшее под зданием северного крыла, наполовину затопило подвалы строения. Внезапное затопление, угрожающее загадочным занятиям отца, сильно встревожило его и сподвигло применить новое хитроумное устройство для откачивания воды, которое он недавно выписал из Лондона.

Несмотря на то что отец чудом выкарабкался из цепких когтей смертельной болезни, его отношения с моей матерью оставались по-прежнему напряжёнными. Подолгу находясь в его комнате совместно с нянюшкой Бейкер, я не раз слышала, как хриплым и чуть различимым от слабости голосом он тщетно призывал мою мать к своему одру.

В тот же день, когда доктор Джефферсон с плохо скрываемым облегчением сообщил о том, что угроза миновала и отец окончательно окреп, лицо моей матери приобрело странное выражение, которое человек более пристрастный, чем я, мог бы трактовать как разочарование.

Опасная болезнь отца, угрожающая заражением остальным членам семьи, и запахи карболовой кислоты, пропитавшие весь дом насквозь, оказали на характер моей матери самое тлетворное влияние. Её привычные добродушные колкости превратились в язвительные и желчные замечания, которые она кидала в лицо отцу или Деборе, нисколько не заботясь о том, как сильно могут ранить чужое самолюбие её неосторожные слова.

Наблюдая, как мы с мисс Чемберс играем в буриме, покатываясь со смеху, когда в результате стихосложения у нас получалась восхитительная чепуха, моя мать хмурилась и часто резким замечанием прерывала наши занятия, отсылая гувернантку из детской под надуманным предлогом.

Вообще, никто из живущих в поместье не избежал той весной её ядовитых упрёков и порицаний. Оставалось надеяться лишь на то, что приезд в Хиддэн-мэнор тётушки Мод должен был оказать, как всегда, целительное воздействие на переменчивый и непростой нрав моей матери.

Глава 11

Семейство Пристли в полном составе прибыло в Хиддэн-мэнор в конце апреля. Первое, что бросилось мне в глаза, когда тётушка Мод и кузина Элизабет вошли в просторный холл – непритязательная простота их дорожных туалетов. Хотя и безукоризненно сшитое, платье из коричневого сукна тусклого и невыразительного оттенка придавало тётушке сходство со степенной гувернанткой хорошего происхождения или немолодой экономкой в богатом доме, а моя кузина в тёмно-синем бомбазиновом платье без отделки выглядела как кроткий ангел, принёсший дары благотворительности в рабочий дом.

Отчётливо помню, как мы с матерью с недоумением переглянулись, прежде чем поприветствовать наших гостей и выразить им свою радость, так как мы обе были прекрасно осведомлены о любви тётушки Мод к дорогим тонким тканям и изящным предметам туалета вроде шёлковых парасолей или атласных сумочек, щедро украшенных кружевом ручной работы.

Преподобный Джошуа Пристли оказался невысоким сутулым мужчиной приятной наружности. Бледное лицо его с густыми тёмными бакенбардами имело благожелательное и приветливое выражение, а манера себя держать говорила о внутренней скованности при знакомстве с новыми людьми.

Некоторая холодность его черт и тихий, невыразительный голос были способны ввести в заблуждение невнимательного человека, но такое положение дел никогда не длилось долго. Как только разговор поворачивал в русло религии, перед изумлённым такой метаморфозой собеседником оказывался совершенно другой викарий Пристли, в котором истовая вера граничила с религиозной одержимостью.

В такие моменты светлые глаза преподобного начинали гореть яростным фанатическим огнём, обычно бесцветный голос приобретал звучность и полноту, а вся его фигура в чёрной сутане преисполнялась значительности, отчего он будто бы становился выше ростом и шире в плечах. Чаще всего пространные философствования викария сводились к рассуждениям о природной греховности человеческой

натуры, отчего у тётушки Мод на лице появлялось тщательно скрываемое выражение раздражения и скуки.

В остальном же преподобный Пристли был энциклопедически образованным, крайне вежливым и жизнелюбивым человеком. Непостижимо, как в нём уживались две такие противоречивые личности.

Спустя некоторое время я уже знала список прегрешений, неминуемо вызывавших у отца Элизабет страстное желание высказаться, перемежая свой монолог обличительными высказываниями из Евангелия. К непростительным грехам относились всевозможные увеселения, намёки на невоздержанность в чём бы то ни было, лень, праздное времяпрепровождение и пристрастие к различным излишества.

Тем удивительнее стало для всех намерение преподобного участвовать в праздновании Майского дня, которое должно было состояться в Мортонхемпстеде в ближайшее воскресенье. Сам преподобный объяснял своё желание искренним интересом к языческим обычаям в их историческом аспекте.

В том году решено было возродить традицию выбора и коронации Майской Девы, и идея участвовать в народных гуляниях наравне с деревенскими арендаторами и мелкими помещиками пришлась по душе, как это ни странно, всем живущим в Хиддэн-мэнор. Для этого в Тэвистоке, стараниями отца, обожавшего технические новинки, был нанят вместительный самодвижущийся экипаж, представлявший собой настоящее чудо инженерной мысли. Впрочем, для тётушки Мод и кузины Элизабет автомобиль вовсе не представлял собой что-то удивительное, так как в больших городах такие экипажи были распространены уже несколько лет.

Накануне поездки мы с Элизабет долгое время не могли сомкнуть глаз от волнения, вызванного предстоящим событием. От взбудораженных горничных мы узнали, что на праздновании Майского дня происходит столько всего удивительного и интересного, что воспоминаний хватает потом на целый год. Само собой, мы с кузиной не смогли бы участвовать в танцах вокруг Майского Древа или примкнуть к праздничному шествию лошадиной головы, как дети простых арендаторов. Тем не менее мы надеялись, что и на нашу долю достанет веселья и удовольствий.

На следующий день я проснулась так рано, что застала в кухне только недавно вставших с постели горничных. Мэри, наливая по моей просьбе молоко для леди Снежинки, беззлобно подтрунивала над хмурой и огрызающейся Абигаиль, бегавшей умыться свежей росой в надежде на то, что старинный обряд преобразит её лошадиное лицо и поможет найти хорошего жениха на одной из близлежащих ферм.

Ожесточённо переругиваясь, горничные решали, кто из них останется в поместье, когда в кухню, пошатываясь от слабости, спустилась бледная и измождённая мисс Чемберс. Несчастную со вчерашнего вечера терзала страшная мигрень, вынудившая её отказаться от завтрака и попросить у миссис Дин небольшое количество болеутоляющей настойки. Конец перебранке горничных положило решение, что на праздник отправятся все обитатели поместья, кроме мисс Деборы, вынужденной вместо беззаботного веселья лежать в затемнённой комнате с холодным компрессом на лбу.

О, как описать этот день, наполненный столькими впечатлениями и эффектными зрелищами! Уже одно то, что на праздник мы ехали на самодвижущейся моторной повозке, сверкающей железными деталями и с мягкими креслами внутри, было необыкновенным событием. Нас с Элизабет переполняла обжигающая радость, отчего мы непрестанно вертелись на своих местах и тихо повизгивали от восторга.

И моя мать, и тётушка Мод тоже находились в приподнятом настроении. Они, как и подобает благовоспитанным леди, внешне ничем не выказывали обуревающих их чувств и вели с мужчинами чинную беседу на какую-то скучную взрослую тему. Моя мать сидела рядом с отцом, положив руку в белоснежной перчатке на его локоть, и внимательно прислушивалась к словам викария Пристли, рассуждавшего о древних кельтах и их языческих обрядах.

На церемонию коронации Майской Девы мы всё-таки опоздали. Когда наш удивительный экипаж подъехал в Мортонхемпстеду, первое, что мы услышали, были пронзительные звуки майских рожков и приветственные крики, адресованные праздничной процессии. Майская Королева, избранная впервые за много лет, восседала в паланкине, украшенном пологом из цветов, и пунцово алела от оказываемых ей почестей. Впереди паланкина, который несли четверо крепких деревенских парней, широко шагал человек с лошадиной

головой на плечах, а рядом с ним бежал мальчишка в костюме Зелёного Джека, собирающий мзду со зрителей праздничного шествия.

Крики, шум, резкие звуки майских рожков, вопли деревенской детворы и дразнящие запахи, которые ветер приносил с ярмарки – всё это донельзя взбудоражило нас всех и вызвало страшный аппетит. Отец, предложивший оставить экипаж под присмотром шофёра в тени большого дуба, с добродушной улыбкой предложил нам всем прогуляться на ярмарку, откуда так зазывно доносились звуки музыки и веселья. Немного поколебавшись, моя мать, тётушка Мод и преподобный Пристли уступили уговорам отца.

Ни я, ни Элизабет никогда не видели такого столпотворения. Отовсюду слышались настойчивые выкрики торговцев уличной провизией и пива вразнос; сновали дети с майскими жезлами в руках, обвитыми цветами и зеленью; зазывалы приглашали поучаствовать в соревнованиях по стрельбе из лука или в ловле поросёнка, политого скользким маслом.

Викарий взирал на всё происходящее с видом человека, случайно оказавшегося в сумасшедшем доме и старающегося изо всех сил сохранить достоинство и присутствие духа. Но, в конце концов, манящий запах горячих мясных пирогов и варёных овечьих ножек сломил и его стальную волю.

Преодолев вялое сопротивление тётушки Мод, отец, поправив на голове шляпу, отправился за ярмарочными лакомствами, и вскоре мы были вознаграждены за наше терпение ворохом шуршащих кульков, источавших соблазнительные ароматы.

Кроме мясных пирогов, сочившихся соком и бараньим жиром, в кульках оказались превкусные гороховые стручки, политые растопленным маслом и уксусом, печёные яблоки и сладкие поджаристые пирожки с начинкой из ревеня.

Помню, как мы с Элизабет хихикали над тётушкой Мод, которая картинно пришла в ужас от предложения поесть жирную ярмарочную снедь прямо в экипаже, без столовых приборов и салфеток. Однако попробовав несколько гороховых стручков и войдя во вкус, вскоре любившая вкусно поесть тётушка без ложного стеснения уничтожала наравне с остальными содержимое бумажных свёртков.

Насыщенный это был день. Насыщенный и запоминающийся. Стоит мне прикрыть глаза, как я вижу – моя мать, презрев излишнюю

сдержанность, тихонько выстукивает ручкой зонтика ритм незатейливой ярмарочной песенки и вполголоса подпевает, а отец неотрывно смотрит на неё блестящими глазами.

Даже тётушка Мод, перестав опасаться, что испачкает подол своего светлого платья, разругавшись от ярмарочной суеты и стала выглядеть моложе и беззаботнее.

К вечеру воздух стал прохладнее, и вскоре вокруг начали зажигать костры. Девушки, одетые в белоснежные платья, бросали в огонь сухие ароматные травы и записочки со своими тайными пожеланиями.

Когда огонь разгорелся как следует, вокруг богато украшенного Майского шеста началось главное действо праздника. Сложно описать, какое мощное впечатление производил танец, который объединял множество людей, на человека, наблюдающего подобное зрелище первый раз в своей жизни.

Звуки старинной песни, славящей приход весны, гармоничные, выверенные движения танцоров, держащих в руках разноцветные ленты... Покинув летом одна тысяча девятьсот пятого года Хиддэн-мэнор и оставшись в семье тётушки Мод, живущей в пригороде Лондона, я больше никогда не видела подобного зрелища. Помню, что сильнее всего меня поразило чувство сопричастности к происходящему, словно все эти люди,двигающиеся в танце, были мне дальними родственниками или старыми добрыми знакомыми. Глядя на серьёзные, немного грубоватые лица этих людей, на их сильные руки и широкие спины, я преисполнилась не только любовью к ним и к своему родному краю, но и гордостью за их выносливость и жизнелюбие.

Мы возвращались в поместье уже в кромешной темноте, рассекаемой только узким лучом фонаря, подвешенным к переднему самоходного экипажа «Уолсли». Безуспешно борясь с усталостью, я пыталась вслушиваться в общий разговор, но вскоре он начал сливаться для меня в убаюкивающий однообразный рокот, а когда по поднятому над нашими головами тенту из прорезиненной ткани застучали мелкие капли дождя, я провалилась в сон, будто Алиса в кроличью нору.

Должна признаться, что на следующий день я только к вечернему чаю вспомнила о занемогшей мисс Чемберс, терзаемой мигренью. Вчерашний день, насыщенный эмоциями и длительной ходьбой, да

наполовину бессонная ночь, заставили нас с Элизабет проваляться в постели до полудня, а когда мы окончательно проснулись и спустились в столовую, где был накрыт холодный стол, то обнаружили там горничных, шепчущихся о незнакомце, которого миссис Дин видела вблизи поместья.

— Говорю тебе как на духу, видела его у самой ограды. На местного он совсем не похож, — с придыханием сообщила Мэри, склонившись к уху Абигайль.

Её страстный заговорщический шёпот и округлившиеся глаза заставили нас с кузиной целиком обратиться в слух. Бродяга, да и ещё и не местный! Звучало это ужасно таинственно и многообещающе. Мы с кузиной, не сговариваясь, молча принялись поедать холодное мясо и салат, стараясь медленнее пережёвывать еду и не звякать столовым серебром.

Отвернувшись от нас, горничные шептались между собой, и даже со спины было видно, как неуклюжая Абигайль залилась пунцовым румянцем и чуть не уронила фарфоровый соусник, когда Мэри намекнула её на то, что незнакомец является вчерашним поклонником, заприметившим её в праздничной толпе.

Мы с Элизабет еле сдержались, чтобы не прыснуть от смеха. Все в округе знали, что Абигайль со своими торчащими зубами и плоской фигурой мало того, что откровенно некрасива, так ещё и глупа как пробка. Мы решили, что Мэри решила отплатить товарке за вечное ябедничество и придумала шутку с незнакомцем, чтобы подразнить глупую самонадеянную девицу. Но спустя несколько часов я сама убедилась в правдивости её слов.

Из окон детской, выходящих на дорогу, ведущую к Лидфордскому ущелью, великолепно просматривалась часть широкой тропы, ведущей к Окгемптону. Именно там я и заметила медленно шагающую фигуру,двигающуюся по направлению к Хиддэн-мэнор.

Может, я бы и не обратила внимания на этого человека (мало ли кто из деревенских и по какой надобности идёт мимо поместья), но мужчина явно шёл крадучись, и к тому же часто скрывался в зарослях кустарника, росшего по сторонам дороги. Обладая острым зрением и наблюдательностью, я не пожалела времени на то, чтобы как следует за ним проследить, и вскоре была вознаграждена.

В зелёных зарослях уже не в первый раз сверкнул какой-то смутно знакомый предмет, и, поломав немного голову, я догадалась, что это был бинокль. Незнакомец, приложив его к глазам, наблюдал за домом и подолгу оставался неподвижным.

Такое загадочное событие не могло оставить нас с кузиной равнодушными, и мы принялись усердно следить за дорогой из окна детской, время от времени пробираясь кустами к кованым воротам поместья и вглядываясь вдаль. Так прошло несколько дней, но таинственный незнакомец со своим биноклем будто испарился. Горничные больше не обсуждали при нас загадочного бродягу, и при отсутствии новых фактов мы были вынуждены прекратить своё увлекательное расследование, обратившись к другим играм.

На время визита тётушки Мод мы с мисс Чемберс несколько сократили привычный объём занятий, но продолжали практиковать игры в буриме и разгадывание ребусов и шарад. Такой досуг пришёлся по вкусу не только кузине Элизабет, но и тётушке Мод. Нехотя, будто делая одолжение, к нашим играм присоединилась и моя мать.

В дождливые дни, которыми изобиловало лето тысяча девятьсот пятого года, мы порой не выходили из детской часами, прерываясь только на принятие пищи и упражняясь в распутывании загадок и сочинении шуточных стихов. Тётушка Мод, познакомившись с моей гувернанткой поближе, пришла в восторг от её педагогических талантов и неустанно воспевала моей матери достоинства мисс Чемберс. Мать частенько в такие моменты морщилась, будто съела кислую ягоду, и переводила разговор на другую тему.

Вообще, надо сказать, что атмосфера, царящая в поместье, ничем не напоминала идиллию прошлого лета. Кроме антипатии, которую моя мать не скрывала в отношении мисс Чемберс, я стала частенько замечать, что они с викарием сторонятся друг друга, стараясь не оставаться наедине, и не вступают в разговоры между собой.

Помню, как однажды за завтраком произошла некрасивая ссора между моей матерью и преподобным Джошуа Пристли, которая явно показала, что между ними не только нет родственных чувств, но и успела установиться стойкая взаимная неприязнь.

Мать редко давала себе труд принимать во внимание чувства и эмоции других людей, а тем летом она и вовсе потеряла осторожность. Несомненно, викарий, несмотря на добросердечную и

человеколюбивую натуру, являлся первостатейным ханжой, что совершенно неудивительно, принимая во внимание его духовный сан.

Уже одно то, что он посетил с визитом дом безбожников, где не соблюдали пост и не посещали церковь, делает честь широте его взглядов и верности родственным связям. Найдя в нашей библиотеке несколько образчиков, достойных изучения, он решил задержаться в Хиддэн-мэнор на непродолжительное время, проводя дни за книгами и выходя только к совместным трапезам.

Нельзя сказать, чтобы я или моя мать были чрезмерно этим огорчены. Если говорить начистоту, меня пугало его молниеносное преобразование из мягкого и вежливого человека в неукротимого борца с греховными людскими устремлениями. В таких случаях викария Пристли было почти невозможно остановить. Постепенно повышая голос, наполнявшийся звучностью и грозными вибрациями, он обличал людские пороки и слабости, будто читал проповедь с амвона или призывал Господа тотчас же поразить грешников своей карающей дланью.

По прошествии стольких лет я уже не смогу припомнить причину той безобразной ссоры, но вполне охотно допускаю, что бóльшая часть вины в этом столкновении причиталась на долю матери, так как за ужином отсутствовал мой отец, являющийся её привычной мишенью для упражнений в ироническом остроумии. Помню только, как сильно я была поражена и напугана выражением неприкрытой злобы и ярости, промелькнувшими на лице викария Пристли, когда он, скомкав салфетку и бросив её на середину стола, вышел из столовой.

Мать тогда обвела внимательным взглядом всех нас, притихших от неловкости, а затем разразилась хриплым принуждённым смехом, произнеся с раздражением:

– О, боже мой! Уберите с лиц эти похоронные выражения! И вообще, Мод, говоря по правде, с твоего мужа давно было пора немного сбить спесь.

Тётушка Мод же, обычно относившаяся покладисто к выходкам младшей сестры, осуждающе поджала губы и тихо ответила ей:

– На этот раз вы оба зашли слишком далеко. Соблюдения приличий никто ещё не отменял.

К сожалению, тем летом эта ссора была не единичным случаем. Наш дом продолжали сотрясать скандалы, причём следующий не

заставил себя долго ждать. Я же испытывала почти физическую боль, наблюдая, как вспышки ярости и проявления взаимной неприязни уродуют родные лица горячо любимых мной людей.

Глава 12

Спустя несколько дней после досадного инцидента в столовой мать подкараулила меня в коридоре и, таинственно сверкая глазами, увлекла в свою комнату. Заперев дверь, и усадив меня рядом с собой, она с непроницаемым видом какое-то время смотрела мне в глаза, а потом проговорила, торжествующе улыбаясь:

– Маргарет, детка, время пришло. Представляешь, совсем скоро мы будем жить с тобой на берегу океана! Перед сном мы будем слышать его чарующий шум, а не этот отвратительный заунывный дождь. У нас с тобой появятся друзья, мы будем ездить в гости... И никогда больше не будем грустить!

Она мечтательно прикрыла глаза, будто прислушивалась к шуму далёкого океана. Замерев, я смотрела на самое любимое в мире лицо, ощущая в своей душе жалость к матери и одновременно глухое раздражение.

Эти фантазии о переезде в далёкую страну, где нас непременно ожидает счастье, начали мне порядком надоедать. Не знаю, то ли я становилась старше, то ли заведомая лживость и несбыточность извечных рассказов матери об этом обетованном крае изнурили моё воображение. Но я не хотела больше слышать эти обманчивые выдумки, и к тому же я постоянно ощущала во время этих разговоров незримое присутствие Ричарда Фергюсона. Почему-то я представляла его безобразным великаном с неправдоподобно длинными руками, повисшими по сторонам его тела, как лапы уродливого орангутана из учебника мисс Деборы.

Дождаясь от меня ответа, мать нахмурилась. Наконец она не выдержала и резко спросила, нетерпеливо хлопнув меня по руке:

– Ну, что ты притихла? Ты вообще слышала, о чём я с тобой говорю?

Я торопливо кивнула, опасаясь, что благостное настроение матери может смениться желчным раздражением, и спросила:

– А леди Снежинка? Мы ведь возьмём её с собой? И Элизабет... Она ведь сможет приезжать к нам в гости?

Мать озабоченно нахмурилась и порывисто встала, что-то неразборчиво проговорив. Отвернувшись, она принялась теребить длинную цепочку с медальоном.

На миг мне стало по-настоящему страшно, будто наш тайный побег и в самом деле мог стать реальностью. Уехать от всех, кого я знала... Это означало никогда больше не увидеть отца, нянюшку Бейкер, мисс Дебору, которую я успела искренне полюбить. И тогда я тихо спросила:

– А если... Если мы никуда не поедem? Если мы останемcя? Мы ведь можем остаться, раз никто не знает о нашем побеге?

Она тогда посмотрела на меня каким-то странным, затравленным взглядом, который я не смогла разгадать. Черты её резко утратили свойственную им живость, и на секунду я увидела мать старой и усталой женщиной, измученной навязчивыми фантазиями о побеге в иную действительность.

Помолчав, она взмахом руки отпустила меня и устало опустилась на кровать. Чуть помедлив, я вышла из её комнаты, тихонько притворив за собой дверь. К этому моменту я уже ясно понимала, какую сильную власть над собой дала моя мать своей навязчивой идее. Несомненно, фантазия эта имела крайне негативное влияние на состояние её здоровья.

Я, как обычно, постаралась выкинуть из головы этот разговор, ведь подобные беседы велись нами уже давно и никогда не приводили к каким-либо конкретным действиям. Но к моему большому удивлению, вскоре я поняла, что на этот раз всё зашло слишком далеко.

К середине июля дождливая погода сменилась ясными солнечными днями. Викарий к этому времени закончил свои изыскания в библиотеке поместья и тётушка Мод начала заговаривать про отъезд. С моей матерью преподобный Пристли встречался только во время трапез в столовой, причём оба подчёркнуто не замечали друг друга, ограничиваясь скупой данью вежливости и стараясь никогда не оставаться наедине.

Отец тем летом редко показывался нам на глаза, проводя почти всё время в северном крыле поместья, куда каждую неделю прибывали крытые повозки с просмоленными ящиками, укутанными в солому. Наши дни с кузиной были заполнены привычными летними забавами

и совместными играми и занятиями с мисс Чемберс, которая искренне привязалась к благовоспитанной Элизабет и находила её чрезвычайно развитой юной барышней.

После прохладных пасмурных дней наступил летний зной и тётушка, не желавшая в хорошую погоду сидеть в душном доме, ввела обычай пить чай в тени старого дуба. Для этого из столовой были принесены несколько лёгких столов, которыми раньше никто не пользовался, и плетёные кресла, которые тётушка Мод отыскала в одной из гостевых комнат.

Мисс Чемберс редко приглашали к чаепитию, о чём мы с Элизабет очень сожалели, но никогда не упоминали об этом вслух, опасаясь рассердить мою мать. Гувернантка присоединялась к нам только после того, как горничные уносили посуду и остатки трапезы в кухню, а моя мать отправлялась отдохнуть в свою комнату. Иногда тётушка Мод уходила вместе с ней, и тогда они, расшнуровав корсеты с помощью мадемуазель Фавро и прикрыв ставни, предавались послеполуденному отдыху.

Как-то раз после полудня я, разгорячённая игрой в крокет, поднялась на второй этаж и поспешила в комнату матери, чтобы получить у неё разрешение отправиться на прогулку в деревню под присмотром мисс Чемберс. Мне очень нравилась Лидфордская деревня, уютные домики с крытыми соломой крышами и говорливая миссис Донахью в лавке, всегда угощавшая меня лакричным леденцом. Воодушевлённая предстоящей прогулкой, я подбежала к материнской спальне и тут же ошеломлённо застыла рядом с приоткрытой дверью.

В спальне матери бушевала гроза. Я ещё ни разу не была свидетелем такого ожесточённого скандала между сёстрами. Глядя на благовоспитанную и всегда сдержанную тётушку Мод, сложно было даже вообразить, что она может с такой яростью выплёвывать чудовищные обвинения в адрес любимой сестры. Через приоткрытую дверь я видела, как они в одних панталонах и тонких шёлковых халатах стоят друг напротив друга, сжав кулаки и выкрикивая безумные упрёки.

— Ты ведёшь себя как подзаборная дрянь, одержимая лишь собственным эгоизмом! Я жалею о том, что вынуждена называть тебя

своей сестрой! – выкрикнула тётушка Мод и добавила ещё одно слово, от которого с лица моей матери схлынула вся кровь.

В тот момент я испугалась, что мать кинется на сестру, такое страшное выражение появилось на её лице. Тихонько вскрикнув от испуга, я выдала себя, и они обе в тотчас же повернулись ко мне.

– Что ты здесь делаешь?! – распахнув дверь, спросила тётушка Мод, прищулив глаза, и я помню, как вздрогнула от неприкрытой злобы, звучавшей в её голосе. – А я всё гадаю, кто это постоянно шпионит за нами и подслушивает. Вот уж не думала, что ты такая испорченная девчонка, Маргарет! Было бы полезно высечь тебя розгами, чтобы избавить от дурных наклонностей.

Я чуть не задохнулась от беспочвенных обвинений, ведь тем летом я оставила свою слежку за матерью, опасаясь быть застигнутой на месте преступления и навлечь на себя её гнев. Красивое лицо тётушки Мод исказилось от ярости; сдвинув брови, она пребольно ухватила меня за локоть и потащила по коридору, прочь от спальни матери. Втолкнув меня в мою комнату, она срывающимся голосом приказала мне сесть на кровать и подумать о своём неподобающем поведении.

Уже одно то, что тётушка решила выйти в коридор, будучи в прозрачном халате, без корсета и с неубранными волосами, говорило о том, что она явно находилась не в себе. А злобная гримаса на её лице и гадкие, оскорбительные слова, брошенные моей матери? Сидя на кровати и глотая слёзы, я лихорадочно размышляла о том, что же послужило причиной такой бурной ссоры между сёстрами.

Тогда-то я и догадалась, что фантазии моей матери о побеге имеют под собой реальное основание. Слёзы из-за незаслуженно нанесённой обиды продолжали медленно струиться из моих глаз, но уже через минуту я решила на то, чтобы нарушить запрет тётушки и прибегнуть к привычному для меня способу получения информации. Мысль о том, что в спальне матери сейчас решается моя дальнейшая судьба, не давала мне покоя.

Сняв туфли, я выскользнула из своей комнаты и отправилась обратно. Дверь в комнату матери была закрыта, и я привычно пробралась в гардеробную, молясь о том, чтобы не обнаружить своё присутствие неосторожным шорохом. Сердце моё колотилось, как сумасшедшее, а по спине проползла, заставив меня вздрогнуть, липкая

струйка холодного пота. Хуже всего было то, что в любой момент мисс Чемберс или Элизабет могли отправиться на мои поиски, ведь я обещала получить разрешение на прогулку и тотчас же вернуться к ним.

Медленно, по шажочку, я пробралась к закрытой двери, соединяющей спальню матери с гардеробной, и, втянув живот, как только смогла, пролезла между старым креслом с выцветшей кретоновой обивкой и узким ломберным столом. Скорчившись, чтобы занять как можно меньше места, я втиснулась в пыльный угол, затянутый паутиной, и замерла, прикинув левым ухом к тонкой стене.

Совсем рядом со мной раздались звуки шагов и скрип отодвигаемого стула, такие громкие, что я вздрогнула от неожиданности. Опустив глаза, я обнаружила, что в самом углу зияет небольшое отверстие, из которого пробивается слабый свет. Благодаря этой трещине я имела возможность довольно отчётливо слышать происходящее в комнате, и успела пожалеть о том, что не обнаружила эту лазейку раньше.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме беспорядочных шорохов и всхлипов. Я уже подумала, что тётушка Мод покинула спальню матери и ушла к себе, но тут прямо над моей головой раздался её голос, слабый и осипший, будто она в одночасье заболела простудой:

– Ты хоть подумала, что будет с нами? Со мной, с моей дочерью? Скандал разразится неопиcуемый. А Джошуа? У него могут отобрать приход. Наша матушка оказалась права на твой счёт. Ты эгоистка до мозга костей, только о себе и думаешь.

До меня донёсся голос матери, которая что-то неразборчиво произнесла, и дребезжащие звуки, будто в стеклянном стакане что-то размешивали.

– Ну конечно, у тебя на всё один ответ... Накачаться лауданумом и верить в то, что всё разрешится как-нибудь само собой. Я не хочу терять тебя снова, Вирджиния! Мы с тобой остались вдвоём! Больше нет ни отца, ни нашей строгой матушки, ни бедняги Эдвина... Как ты можешь так поступать со мной?!. – тётушка повысила голос, и я уловила в нём глубокую печаль, как будто она прощалась с сестрой.

В тот момент я отчётливо поняла, как сильно мне будет не хватать и кухни Элизабет, и тётушки Мод в том месте, куда мы уедем по воле

моей матери. От этой мысли я чуть не зарыдала в голос, комкая подол платья и беззвучно вытирая сбегающие по лицу слёзы.

– Ну, ты ведь как-то жила без меня эти десять лет, – услышала я бесстрастный голос матери и звуки её приближающихся шагов. – У тебя есть муж, положение в обществе, смышлёная дочка, большой красивый дом в окрестностях Лондона... У тебя много чего есть, Мод, помимо сестры, которой ты боялась написать целых десять лет.

– Ты знаешь почему... Ты ведь знаешь все обстоятельства, – в голосе тётушки послышались замешательство и лёгкая укоризна. – Я ведь сразу, сразу, как её не стало, кинулась к тебе! Сразу после похорон! Иначе она лишила бы меня всего так же, как и тебя!..

Судя по звукам, мать мерила комнату нервными шагами. Иногда я могла уловить отдельное слово, но понять, о чём же она говорила, у меня не получалось. Вдруг она прервала свою тираду и тут же послышался слабый звук, будто что-то упало на пол.

– Прошу тебя, Мод, заклинаю, пощади меня! Промолчи о моей тайне, дай мне уплыть! Всё уже готово: верный человек, присланный Ричардом, ждёт в Плимутском порту. Пойми, это мой единственный шанс... Он же стережёт меня, как лесной зверь добычу! Я здесь узница, а не хозяйка. Все эти годы!.. Тебе сложно даже вообразить такое. Ты не представляешь, сколько раз я хотела уснуть и не проснуться. Клянусь тебе, если ты не позволишь мне уплыть, то не оставишь для меня другого выхода.

Я не сразу поняла, что мать имела в виду, а когда догадалась, то по моей коже пробежал озноб. На тётушку Мод эта угроза тоже произвела жуткое впечатление.

– Господи, Вирджиния, как ты можешь говорить про такое, – произнесла она возмущённо.

– Тогда дай мне возможность уплыть отсюда, – с жаром заговорила моя мать, и никогда ещё я не слышала в её голосе такой настойчивости. – Дай мне шанс прожить ту жизнь, которую у меня забрали! Десять лет я как будто существую в чужой оболочке. Десять лет в этом склепе, ты вдумайся только! В кого я превратилась, Мод? В кого я превращусь, если ты меня не пощадишь?!

Голос моей матери, пока она говорила, взлетал всё выше и выше, превращаясь в крик птицы, запутавшейся в силках. Однажды я видела такое, и помню, как билась птица, пытаясь вырваться из крепких тенёт,

затягивающихся на её трепещущем тельце всё сильнее и сильнее от каждого движения.

– Боже мой, Джинни, боже мой... – в голосе тётушки Мод теперь слышались отчаяние и страх. – Джинни, но это ведь дикий край. Говорят, что там до сих пор встречаются аборигены и весь материк заселён кучей адских созданий, сосланных на него богом. Жара, гнусные насекомые, антисанитария...

– Ох, как ты не права, дорогая, – голос матери окреп, и в нём появились мечтательные нотки. – Ричард пишет мне, что именно там сейчас и бурлит настоящая жизнь. Фермеры разводят овец, сельское хозяйство развито ничуть не хуже, чем в Англии. Там сейчас строят железные дороги, вырастают огромные города... Мы будем жить в большом красивом доме, будем в самой гуще событий! Я буду писать тебе до востребования обо всём, что будет со мной происходить. Может быть, когда-нибудь мы даже сможем увидеться?..

В моём воображении на миг возникла картина: я стою на берегу океана, мать держит меня за руку, и обе мы смотрим на большой корабль с золотыми парусами, подплывающий к берегу. На мачте корабля трепещет флаг, на котором затейливой вязью выведено «Ричард Фергюсон». Вот корабль подплывает всё ближе к берегу, заслоняя собой солнечный свет, и его огромная тень ползёт по песку к моим ногам, обдавая холодом. Я начинаю пятиться, хочу убежать, но моя мать крепко держит меня за руку и не даёт мне сделать и шага. А потом нестерпимо медленно поворачивает ко мне голову и я вижу, как любимое лицо на моих глазах превращается в отвратительную голову человеко-птицы, преследующей меня в моих кошмарах. Глаза увеличиваются и лишаются ресниц, нос превращается в длинный омерзительный клюв, губы стремительно истончаются и пропадают...

Крепко зажмурившись и закрыв уши руками, я замотала головой, раскачиваясь, в отчаянии шепча про себя: «Уходи, мерзкое чудовище, уходи! Я не отдам её тебе, не отдам, не отдам, не отдам!»

Липкий страх заставил мою кожу покрыться холодным потом, отчего платье моментально прилипло к спине и взмокло подмышками. Из-за чудовищной метаморфозы, произошедшей в моём воображении с моей матерью, тяжёлое и неприятное предчувствие словно укоренилось в моей душе. Тревожное ощущение чего-то

надвигающегося, тёмного и смрадного, будто тень от корабля, ползущая по песку, заполнила моё сердце.

Вдруг по моей голой ноге проскользнуло что-то. От неожиданности я чуть не закричала, а движение тут же повторилось уже выше, над коленом. Насекомых я терпеть не могла, испытывая к ним физическое отвращение, и сейчас, в темноте своего тайного укрытия, скрюченная и беспомощная, я вынуждена была терпеть столь близкое и отвратительное мне соседство с этими омерзительными созданиями.

Мне не оставалось ничего другого, как раздавить гнусное существо рукой, чувствуя на обнажённой коже липкое пятно. Беззвучно рыдая, я пыталась оттереть ногу подолом платья, но гадкое ощущение всё никак не проходило. Теперь я понимала, что моя жизнь в скором времени значительно изменится. Я со всей ясностью увидела, что перемены неминуемы, что всё уже решено и мне остаётся только смиренно попрощаться и с моим родным домом, и со всеми, кого я любила.

Пока я, будто в забытьи, обхватив колени руками, раскачивалась под столом в полумраке гардеробной, моя мать и тётушка Мод оделись и покинули спальню. Не знаю, сколько прошло времени с окончания их разговора, но я сидела под столом так долго, что у меня безбожно затекли ноги. Покинула я своё укрытие только тогда, когда решение полностью сформировалось в моей голове, а сомнения покинули меня.

От слёз я почти ничего не видела, когда пробиралась по коридору в свою комнату, чтобы умыться и сменить мягкое платье, всё в паутине и серых комьях пыли. Ещё труднее было скрыть от всех своё отчаяние, тяжёлое, будто мельничный жёрнов, придавивший меня к земле.

В тот ужасный день, после которого моя жизнь навсегда изменила своё течение, мне довелось стать свидетелем ещё одного бурного скандала, на этот раз между матерью и отцом.

Никогда ещё я не видела своего отца в таком гневе, а мать такой испуганной и жалкой. В последнее время ей нравилось доводить отца до иступления, сохраняя при этом полное присутствие духа и безмятежный вид, сейчас же на её лице застыло выражение ужаса.

И снова я оказалась в самом эпицентре бури совершенно случайно. Мисс Чемберс позабыла в малой гостиной корзинку с рукоделием, и я предложила принести её, радостная, что могу оказать

ей мелкую услугу. Мадмуазель Фавро предложила научить нас с кузиной делать из разноцветных нитей миниатюрные бутоны для украшения носовых платков и отделки платьев. Высокий ворот её скромного туалета украшала россыпь премилых крошечных бутончиков нежно-розового цвета, и, хотя такой девичий наряд совсем не шёл к её грузной фигуре, мы с Элизабет загорелись идеей украсить наши лёгкие муслиновые платья вереницей цветочных вышивок.

Вбежав в малую гостиную и торопливо обшарив комнату взглядом, я обнаружила плетёную корзинку с рукоделием на подоконнике, за прозрачной портьерой, и уже было начала пробираться к окну, как услышала шёпот и резкий вскрик. Узнав голос матери, я замерла в неудобной позе и принялась растерянно оглядывать комнату.

В углу, между декоративными колоннами, стояла фанерная ширма, оставшаяся там ещё от представления живых картин, устроенных в прошлом году. Из-за ширмы раздавались звуки борьбы и яростно спорящие голоса.

— Вы должны немедленно это прекратить, слышите?! Это попирает все божьи законы! То, что вы делаете, богомерзко, и этому нет оправданий! Столько лет... Если бы я знала раньше!.. — в голосе матери слышалась тоскливая мука.

— Всё не так, как вы думаете, уверяю вас! От этого никто не пострадает! Но вы должны молчать об этом, прошу! — отец то ли приказывал моей матери, то ли умолял её.

Возня за ширмой стала громче, слышались звуки глухих ударов. Вдруг ширма опрокинулась и я, вздрогнув, увидела, как моя хрупкая мать с лицом, обезображенным от злобы и ярости, наносит отцу беспорядочные удары по плечам и груди. Раздался звук пощёчины, голова отца дёрнулась в сторону, а потом он схватил мою мать за кисть правой руки и, одновременно уворачиваясь от её ударов, попробовал проделать то же самое с её левой рукой.

В тишине гостиной, нарушаемой только звуками их хриплого дыхания, они будто танцевали какой-то безумный танец, приблизив вплотную друг к другу свои искажённые лица. Слеплённые яростью, они не замечали меня, стоявшую в нескольких ярдах от них.

— Как же я вас ненавижу! — простонала моя мать, устав бороться и бессильно обвиснув в руках отца. — Все эти годы я и помыслить не

могла, чем вы занимаетесь на самом деле. Вы умело маскировали свою дьявольскую сущность, скрываясь ото всех. Если вы сейчас же не прекратите свои бесчеловечные...

– Хорошо, Вирджиния, хорошо, – отец уговаривал её, как строптивного ребёнка, – только молчите об увиденном, прошу вас! Никто не должен узнать о том, что вы видели, иначе это приведёт к непредсказуемым последствиям. Обещайте мне, что будете молчать!

На мгновение мать замерла, пристально вглядываясь в глаза отца, а потом уверенно произнесла:

– Я буду молчать только при одном условии. Если вы отпустите меня. Я больше не могу жить в этом доме с вами, с вашими ужасными тайнами. Я хочу обрести счастье, которого лишилась много лет назад. Дайте мне уехать, не чините мне препятствий, и я промолчу о том, что видела в подвале.

На секунду-другую они оба замерли, а затем отец спросил глухим голосом, в котором явственно слышалось потрясение:

– Вы хотите уехать с ним? А как же я?!

– Я никогда вас не любила, вы же знаете, – слова эти прозвучали не злобным или мстительным выпадом в сторону отца, а только сухой заметкой, бесстрастной констатацией факта, будто бы известного всем участникам драмы. – Все эти годы – каждый день, каждую минуту, я любила только его. Вас я лишь терпела, выполняя условия сделки, навязанной мне много лет назад. Вы мне отвратительны, слышите?! Да меня трясёт от омерзения всякий раз, когда вы ко мне прикасаетесь!

Временное хладнокровие изменило моей матери, сейчас в её голосе слышалась визгливая истерика, как всегда перед началом нервного приступа. Сбросив с себя руки отца, она оттолкнула его, вложив в это движение столько злобной энергии, что и сама с трудом удержалась на ногах.

Какое-то время он стоял перед ней молча. Я видела, что его большие руки бессильно повисли вдоль тела, плечи опустились, а седая голова мелко затряслась. Повернувшись, он медленно пошёл прочь, шаркая ногами, как старик.

Только сейчас они заметили, что в комнате находится маленький зритель.

Отец, проходя мимо, равнодушно скользнул по мне взглядом, не выразив ни малейшего удивления моему присутствию. А вот мать

распахнула глаза в непритворном изумлении и в ту же секунду стремительно подлетела ко мне. Пребольно хлестнув меня по левой щеке, так, что в голове зашумело, она закричала мне в лицо:

– Ах ты, дрянная девчонка! Что ты ходишь за мной по пятам? Ты прекратишь когда-нибудь шпионить за взрослыми?! А? Прекратишь, или нет?! Я с тобой говорю! Отвечай немедленно!

Мать трясла меня, схватив за плечи, что-то выкрикивая мне в лицо плачущим голосом и ярясь из-за того, что я молчу и не отвечаю ей. В какой-то момент у меня в груди будто лопнул какой-то пузырь, и тут же слёзы начали безостановочно литься из моих глаз. Я хотела, но никак не могла произнести ни слова, бессвязные звуки, вылетающие из моего рта, казалось, не имели ко мне никакого отношения.

В какой-то момент рядом появились мисс Чемберс и тётушка Мод. Они оттащили в сторону мою словно обезумевшую мать, а меня сразу же уложили в постель и напоили горьким лекарством, которое имело очень знакомый запах.

На этом моменте почти все мои связные детские воспоминания о жизни в Хиддэн-мэнор обрываются. Последующие дни моя обессиленная память превратила в фантасмагорию невероятных картин, возникающих в моём воображении. Меня посещали невыразимо отвратительные видения, перемежающиеся с ещё более страшной действительностью.

В своём забытье я слышала обрывки бесед окружающих меня людей, и в них звучало и звучало только одно слово – сбежала!

Я лежала на постели, приподнятая на подушках, не обращая никакого внимания на тех, кто заходил в мою комнату. Чудовищная правда стеной стояла передо мной – моя мать покинула меня, и я больше никогда её не увижу.

И каждый раз, когда я закрывала глаза, перед моим внутренним взором возникала одна и та же картина – огромная человеко-птица с длинным изогнутым клювом сжимает в своих хищных лапах бездыханное тело моей матери, а затем легко отталкивается от земли и уносится прочь, превращаясь в зыбкую тень на горизонте.

Часть 2

Глава 1

2014 год. Джо Уайт

– У вас всё в порядке, миссис Уайт? Может быть, принести вам воды с лимоном? Или бокал охлаждённого вина? Обеденное время для пассажиров первого класса наступит через сорок минут, – юное лицо стюардессы с профессионально выполненным макияжем выражает безликую предупредительность. Глаза подведены настолько аккуратно, что кажутся кукольными, безжизненными.

– Принесите мне хорошую порцию приличного виски. Только безо льда. И ничем не разбавлять, – говорю я без улыбки.

– Да, конечно, – стюардесса кивает и удаляется по проходу пружинящей походкой. Если она и удивлена подобной просьбой в половине двенадцатого дня, то никак этого не показывает. Путешествия первым классом имеют множество плюсов. За четырнадцать лет работы у мистера Крюгера я, как никто другой, заслужила подобное поощрение.

Я знаю, что за моей спиной коллеги дали мне прозвище «Питбуль». Это мне даже льстит. Никто лучше меня не умеет возвращать столетним развалинам бывшее величие. И никто лучше меня не умеет выкачивать из амбициозных толстосумов такие гигантские суммы, что их не всегда прилично озвучивать вслух. И хотя это и характеризует меня не лучшим образом, но я никогда не даю новичкам шанс вгрызться в сочный кусок этого пирога. Самые перспективные проекты я всегда забираю себе, такова наша договорённость с мистером Крюгером, и она устраивает нас обоих.

– Виски, миссис Уайт, – стюардесса бесшумно возникает рядом и ставит на маленький столик бокал, заполненный на треть. – Не волнуйтесь, наш борт сопровождает мистер Торнтон, на его счету семь тысяч благополучных взлётов и посадок. Вы можете быть абсолютно спокойны, – доверительно сообщает она мне, понизив голос.

Дурочка с подкрученными ресницами решила, что я боюсь летать и пытаюсь успокоить нервы с помощью алкоголя. Интересно было бы взглянуть ей в лицо, если бы я вдруг заявила, что хочу, страстно желаю того, чтобы этот дурацкий самолёт попал в турбулентность, свалился

на землю и превратился в мелкое крошево кусков плоти и искорёженного железа. А ещё лучше, если бы он рухнул прямо на головы моему мужу и его невесте. Клак, и проблема решена. Участники драмы мертвы и никто больше не страдает.

Виски пью практически залпом. Тяжело находиться в бездействии в тот момент, когда внутри всё плавится от боли и обиды. Дамочка с клатчем из свежей коллекции, сидящая через проход, окинула меня цепким любопытным взглядом. Такие всегда знают, на какую сумму ты одета и в каком салоне стрижёшься. Демонстративно отворачиваюсь к иллюминатору, надвинув на глаза плотную текстильную маску. В моём состоянии будет совершенно невыносимо вести непринуждённую беседу и быть вежливой.

Ровный гул турбин, горячий комок алкоголя в желудке и спасительная темнота. Только сейчас, когда мышцы моего тела немного расслабились, я понимаю, в каком напряжении находилась с момента объявления на посадку. Но вскоре обманчивое спокойствие прекращается, и воспоминания с удвоенной силой в стотысячный раз начинают истязать меня, вызывая реальную боль в мышцах, в голове, во всём теле.

Мистер Джозеф и миссис Джозефина Уайт. Так всегда представляли нашу пару в гостях и на званых вечерах, где по рабочей необходимости должен был присутствовать мой муж. Мне никогда не надоедали незатейливые шуточки других гостей про двух неуловимых Джо, поймавших друг друга. Я всегда заливалась вежливым смехом, будто слышала эту шутку в первый раз и находила её безумно остроумной.

Сразу же после окончания бракоразводного процесса появится ещё одна миссис Уайт, а один из двух неуловимых Джо превратится в эпизод жизни, в прошлое, которое можно аккуратно упаковать в картонную коробку и поместить в пыльный чулан, как ненужную рухлядь. От этих мыслей мои кулаки сжимаются сами собой, а сердце будто обливается горячей кровью.

Иногда один день может изменить всю жизнь. Перечеркнуть всё, что с таким тщанием скрупулёзно выстраивалось день за днём, год за годом. Превратить в осколки прочное здание брака, оставив взамен дымящиеся развалины.

Для меня таким днём стал первый четверг июня, шестнадцатая годовщина семьи Уайт. Празднично накрытый стол, баранье жаркое, булькающее на плите, два антикварных бокала из муранского стекла, приобретённые мной в Венеции после особо удачной сделки по продаже старинного палаццо. Лучи заходящего солнца, заливающие кухню, превращали вино в золотистое колдовское зелье. Тогда-то Джозеф и сообщил мне эту ошеломляющую новость. Не самый подходящий момент, если честно.

О будущей миссис Уайт Джозеф не рассказал мне практически ничего. Всё, что я знаю о ней – она живёт в другом штате, ей двадцать четыре года и она ждёт ребёнка от моего мужа. Но тайна её имени и местопребывания недолго останется таковой, потому что я предприняла определённые действия.

Агентство «Дилейн» славится в узких кругах тем, что профессионально и весьма недёшево оказывает услуги по сбору информации, а также обеспечивает своим клиентам полную конфиденциальность. Хочешь, чтобы работа была сделана хорошо – никакой самостоятельности, обращай к профессионалам. Это правило я усвоила ещё в начале своей карьеры у мистера Крюгера.

Рядом со мной слышатся осторожные шаги. Стюардесса легко касается моей руки и тихо спрашивает:

– Миссис Уайт, я могу предложить вам тёплый плед? Мы набрали максимальную высоту, из-за чего температура в салоне упала на шесть градусов.

Сдёргиваю повязку, поворачиваюсь, ожидая увидеть знакомую куклу с нарисованными глазами – но нет, эту стюардессу я ещё не видела. Она явно старше первой, в уголках глаз прячутся еле заметные морщинки, помада нейтрального оттенка на нижней губе чуть размазалась.

– Да, благодарю, принесите, пожалуйста, плед, – в салоне и правда стало зябко, мои руки холодны. – И ещё, скажите, на борту есть какие-нибудь книги или журналы? Подойдёт всё что угодно.

– Конечно, что-нибудь непременно найдётся, я сейчас принесу, – кивает стюардесса понимающе и удаляется за ширму.

– Меня тоже хорошо отвлекает чтение, – сообщает соседка, встряхивая глянцевым журналом и будто отвечая на заданный ей вопрос. – Ну, от мыслей о воздушных катастрофах и всяком таком.

От необходимости вступать с ней в беседу меня спасает бортпроводница, вернувшаяся с толстой пачкой периодических изданий и несколькими книгами. Среди них «На западном фронте без перемен» Ремарка и «Ловец снов» Стивена Кинга.

Отказавшись от обеда и закутавшись в мягкий кокон пледа, я погружаюсь в чтение, стараясь вытолкнуть себя на время из существующей реальности, занять голову другими размышлениями и перестать, наконец, снова и снова, до одурения, мысленно прокручивать воспоминания о том вечере. Исходя именно из этих соображений я и согласилась курировать проект по восстановлению английского поместья в Девоншире.

Остаться одной в доме, где мы с Джозефом прожили более десяти лет, выше моих сил. Я всё ещё помню наш первый ужин за новым столом, сделанным на заказ, и первое утро, когда я, проснувшись на рассвете, босиком обходила дом, ласково глядя стены и деревянные перила широкой лестницы, радостно предвкушая впереди годы, наполненные безмятежным счастьем.

Несмотря на ужасы Первой мировой, описанные в книге, чтение захватывает меня и немного успокаивает, позволяя отвлечься от собственных горьких мыслей. Но вскоре бессонная ночь даёт о себе знать, книга выпадает из моих рук и я проваливаюсь в тяжёлое забытьё.

Всё оставшееся время до прибытия в аэропорт Хитроу я проспала. Юной стюардессе с безупречным макияжем потребовалось приложить немало усилий, чтобы разбудить меня.

Очнувшись, я не сразу прихожу в себя. Назойливые и бессвязные сновидения, в которых я то наблюдала за мужчиной и женщиной, отдалённо напоминающими нас с Джозефом; то, отчаянно задыхаясь, бежала по глубокой траншее, стараясь не наступать на мертвецов с почерневшими лицами, в чьи раззявленные в немом крике рты сыпалась сверху комковатая земля — удушливый кошмар и десятичасовой перелёт вымотали меня и физически, и эмоционально.

Из-за выступившей на коже липкой испарины я чувствую себя грязной, даже дыхание отдаёт чем-то несвежим. Пройдя паспортный контроль, я страстно желаю умыться холодной водой и выпить чашку кофе, но этой возможности мне не представляется.

Оказывается, я неверно рассчитала время, и перерыв между пересадками составляет всего полчаса. Я успеваю только получить свой багаж, отыскать нужный терминал и зарегистрироваться на рейс до Эксетера. Весь полёт меня преследуют всплывающие перед глазами картины из сновидения, и в Эксетер я прибываю вконец разбитая.

По завершении короткого, но крайне утомительного перелёта выясняется, что мой багаж по ошибке сотрудника аэропорта отправился в Лондон. То есть я совершила путешествие из Соединённых Штатов в Англию, пересекла Атлантический океан и сейчас нахожусь в чужой стране, за семь тысяч миль от своего дома с ноутбуком, пакетиком влажных салфеток и пудреницей. Вот сейчас меня бы никто не назвал Питбулем, единственное, чего мне хочется, это найти туалет, забаррикадироваться в кабинке и рыдать навзрыд, пока ко мне не вернутся багаж, муж и вся моя такая успешная и любимая прошлая жизнь.

Окончательно у меня сдают нервы, когда я обнаруживаю, что в аэропорту Эксетера внутренний и международный терминалы находятся в разных зданиях, а водитель с заранее заказанной машиной ожидает меня за автобусной остановкой, которую ещё нужно постараться найти.

Отыскав машину и коротко представившись, я, не стесняясь в выражениях, высказываю водителю всё, что думаю по поводу работы отдельных сотрудников английских аэропортов и некоторых водителей местных фирм-перевозчиков, после чего молодой человек за рулём «Тойоты» мрачнеет и весь путь до Лидфорда мы проделываем в угрюмом молчании.

Шоссе, по которому мы едем, проложено между живописных холмов, покрытых зарослями вереска, а высоко в небе, присмотревшись, я замечаю нескольких парящих птиц – не то орлов, не то канюков. Водитель уверенно ведёт машину на высокой скорости, скорее всего местный. Ну, или просто хочет побыстрее избавиться от вздорной пассажирки.

Когда я искала место, где поселиться на время управления проектом, то мой выбор практически сразу упал на маленькую деревню Лидфорд. Территориально она находится ближе прочих населённых пунктов к поместью Хиддэн-мэнор, над которым мне предстоит как следует потрудиться.

Небольшая деревня по большей части состоит из опрятных гранитных домиков с кровлями, покрытыми камышом. Тишина, чистота, безлюдье. Выглядит это всё, на мой взгляд, слишком постановочно, слишком по-английски. Но это и не удивительно, в Девоншире туризм является главной статьёй доходов для большинства населения.

Поездка из Эксетера до Лидфорда была заранее оплачена моей конторой, но чаевые, чувствуя вину за свою гневную тираду в начале пути, я всё же оставила. Водитель, при ближайшем рассмотрении оказавшийся вовсе не молодым человеком, а скорее мужчиной средних лет, учтиво прощается со мной и тут же уезжает.

Дверь в гостиницу настежь открыта, и я, чуть помедлив, вхожу в безлюдный сумрачный холл. Здесь чувствуется соблазнительный аромат какой-то сладкой выпечки, к которому примешивается слабый запах табака. Ощущая слабость в ногах после долгого пути, я без приглашения плюхаюсь в довольно потрёпанное кресло, стоящее у входа, но тут же поднимаюсь, когда до моих ушей доносится громкий мелодичный голос:

– Ох, да добрый же вечер! Это вы, да? Леди из Америки, которая забронировала угловой номер на целый месяц?

По коридору ко мне приближается невысокая полноватая женщина с рыжими, ужасно неестественного оттенка, волосами.

– Чуть попозже мы вас ожидали, признаться честно, – говорит она так, что я против воли чувствую себя виноватой. – Не управились мы ещё после предыдущего постояльца. Может, чаю пока выпьете чашечку? Или вы там, у себя, к сплошному кофе привыкли?

– Я с удовольствием выпью чашку чая, спасибо. Я из Америки, из Вермонта, да, но моя бабушка была англичанкой, – почему-то нахожу нужным пояснить я.

– Так вы, можно сказать, на забытую родину вернулись, – несколько рассеянно заключает хозяйка гостиницы и, отдав распоряжение кому-то невидимому приготовить для меня чашку чая, торопливо поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж.

Проводив глазами её плотные икры в блестящих от лайкры колготках, выглядывающие из-под широкой юбки, я снова опускаюсь в кресло, ссутулившись и бессильно свесив руки между колен. Я уже начинаю жалеть, что согласилась руководить этим проектом, больше

всего мне сейчас хочется оказаться у себя дома, в спальне, у окна с видом на озеро Шамплейн. Забравшись на диван, я бы открыла бутылку красного вина и до самых сумерек смотрела, как зеркальные воды озера переливаются в лучах заходящего солнца.

Буквально через несколько минут передо мной появляется дымящаяся чашка, которую приносит румяная девушка с прозрачными голубыми глазами.

– Вы, пожалуйста, извините нас за задержку с номером, – произносит она немного заискивающе, поставив чашку на маленький столик, прячущийся в углу. – Просто миссис Грир всегда старается всё сделать по высшему разряду. Она подозревает, что предыдущий постоялец иногда курил в номере, вот и хочет ещё раз все проверить, чтобы вам у нас понравилось.

Я сейчас чувствую такую сильную усталость, что мне понравится и в собачьей будке, будь там тихо и тепло, но разговорчивую девушку я решаю расспросить подробнее.

– Меня зовут Джо Уайт, – представляюсь я доброжелательно, – скажите, а далеко ли отсюда до поместья Хиддэн-мэнор? Смогу я добраться туда пешком?

– Можете, конечно, это не очень далеко, – кивает девушка и присаживается в кресло напротив. – Но это не главная достопримечательность наших мест. Даже совсем не достопримечательность. Там и смотреть-то нечего, за ворота туда не пробраться, а снаружи... Так, ничего особенного.

У меня в сумке лежат ключи от ворот и от входной двери, но информировать об этом словоохотливую девушку я не стала. Чашка крепкого сладкого чая подкрепила мои силы и я почувствовала знакомый холодок под ложечкой – азартное чувство, заставившее меня отвлечься от собственных печалей и приготовиться к работе.

Уже завтра поместье заполнят приглашённые специалисты, после чего туда пригонят технику, начнут производить замеры, составлять сметы и проверять устойчивость фундамента и сохранность внутренней отделки.

После слаженных действий огромной бригады, работу которой буду направлять я и, заочно, мистер Крюгер, поместье Хиддэн-мэнор преобразится кардинальным образом. Поэтому перед началом работ я всегда стараюсь посетить территорию проекта, пытаюсь разглядеть

сквозь пелену времён прежний величественный облик дома, чтобы дать возможность зданию воспринять вновь во всём великолепии.

Я должна буквально выхватить из воздуха те еле уловимые нюансы, которые и составят индивидуальность старинного особняка, определяют его будущее. Именно потому, что я обладаю этим даром, мистер Крюгер и платит мне такие нескромные гонорары. В его конторе моя должность называется «Реконструктор масштабных архитектурных сооружений с последующим проведением реставрационных работ».

– Скажите... – я делаю паузу, чтобы узнать имя девушки, и она заливается лёгким румянцем.

– Алексия, миссис Уайт. Меня зовут Алексия Джонсон.

– Скажите, Алексия, а на территории поместья безопасно? Я могу прогуляться возле него, или даже зайти внутрь, если вдруг представится такая возможность?

– Я не знаю, о чём вы говорите, – девушка чуть отодвигается от меня, её ресницы вздрагивают, будто я произнесла непристойность.

– Ну, я имею в виду, там не живут наркоманы, или дикие собаки, или что-нибудь в этом роде?

– Там никто не живёт, если вы этого опасаетесь, – Алексия встаёт, давая понять, что разговор окончен, и отходит за деревянную конторку, начиная пролистывать толстую книгу. – Ваш номер оплачен до восемнадцатого июля включительно. В оплату также входят горячие завтраки и вечерний чай. Ужинать постояльцы обычно ходят в паб, дальше по улице, к мистеру Фелпсу, но вы можете за небольшую дополнительную плату ужинать здесь, в гостинице.

– Алексия, – я встаю и подхожу к конторке совсем близко, чтобы видеть её глаза, – скажите мне, что не так с этим домом? Почему вы не хотите говорить о нём?

– Мне нечего вам сказать, просто у нас это место не любят, вот и всё. Там давно никто не живёт, даже миссис Грив не знает никого, кто бы там жил раньше. Он много лет стоит закрытый. Думаю, он уже почти разрушился внутри.

Взгляд Алексии чист и безмятежен, но всё равно появляется чёткое ощущение, что меня дурачат. Глупо настаивать так явно, да ещё в первый день приезда, поэтому я решаю отложить выяснение этого вопроса и перевожу беседу на другую тему. Поблагодарив за чай, я

шокирую Алексею тем, что прошу указать мне дорогу к заброшенному поместью.

– Вы что, пойдёте туда сейчас? – девушка смотрит на меня так, будто я призналась в своём желании прогуляться ночью по местному кладбищу. – Но через несколько часов начнёт темнеть, и вообще... Поговорите лучше с миссис Грир.

– Нет, Алексия, я поговорю с миссис Грир, когда вернусь после прогулки. За это время, я надеюсь, она успеет подготовить мой номер? И я с удовольствием поужинаю сегодня здесь, в гостинице. Вы только объясните мне, как пройти к Хиддэн-мэнор, и я больше не буду вас беспокоить. Можно, я оставлю у вас за конторкой свой ноутбук? – говорю я решительно, смягчая свои слова мягкой улыбкой.

Внимательно выслушав объяснения Алексии и не обращая больше внимания на её странную реакцию после моей просьбы, я шагаю к главной достопримечательности этих мест – к Лидфордскому ущелью. Вскоре передо мной откроется вид на поместье, я с нетерпением жду этого.

Больше всего я люблю в своей работе вот это чувство предвкушения, ожидания сюрприза, как перед Рождеством у бабули в гостях, когда разворачиваешь хрусткую обёртку, ещё не зная, что обнаружишь под ней. Часто старинные и запущенные дома напоминают мне бродячих собак, потерявших хозяина. Мрачно ссутулившись, они замирают в терпеливом ожидании того, кто вернёт их к жизни. Джо всегда шутил, что кучка старинных камней, обсыпанных штукатуркой, интересуют меня больше, чем живые люди. Сейчас его слова не кажутся мне смешными, скорее, вызывают чувство вины и горечи.

Но что же всё-таки не так с этим домом? Деревенские рассказы для щекотания нервов новоприбывших туристов? Странная реакция Алексии вызывает у меня лёгкую тревогу.

В деле продажи такой дорогой недвижимости важна каждая деталь. В моей практике бывали случаи, когда покупатель в последний момент отказывался от многомиллионной сделки только лишь из-за выяснения того факта, что в доме кто-то видел ускользающую белую фигуру, мерцающее свечение и тому подобную галиматью. Хотя некоторые, наоборот, обожают подобные истории и страстно желают стать обладателями настоящего «замка с привидениями».

Примерно через сорок минут я, наконец, добираюсь до Хиддэн-мэнор. Передо мной оказываются высокие проржавевшие ворота с тяжёлым навесным замком, явно современным. За ними виднеется заросшая кустарником подъездная аллея, а ещё дальше, скрываясь в кронах разросшихся гигантских дубов, высится серый мрачный дом. Подойдя к воротам вплотную, я некоторое время неподвижно стою, внимательно вглядываясь в своего «клиента», которому мне предстоит подарить новую жизнь.

Глава 2

Дневники Элизабет Пристли. Тетрадь, датированная первым полугодием 1912 года

Надпись на форзаце: «Добродетельные поступки облагораживают нас, и мы есть плод наших собственных деяний. Господин Мигель де Сервантес».

Приехав в Хиддэн-мэнор второго апреля 1912 года, мы некоторое время неподвижно стояли у ворот, безмолвно оглядывая серый фасад дома и неухоженную аллею, ведущую к парадному входу.

Семь лет назад моя матушка, скрывая под вуалью заплаканное лицо, увезла нас с кузиной в Уотер-хаус, и до сегодняшнего дня мы не приезжали в поместье, где прошло детство Маргарет. Для меня остаются загадочными причины, побудившие мою любимую кузину так решительно настаивать на этой поездке. Я по-прежнему полагаю, что возвращение сюда способно вызвать к жизни неподобающие воспоминания и навредить Маргарет, нарушив её хрупкое душевное равновесие.

Семь лет назад мы уехали отсюда вместе, крепко держась за руки, и все эти годы мы были неразлучны, как могут быть неразлучны сёстры, нежно любящие друг друга и связанные навечно не только родственными узами, но и искренними детскими клятвами, разговорами до рассвета и горькими потерями, пережитыми вместе.

У меня уже появились сомнения, ожидают ли нас, ведь ворота оказались заперты, но тут Маргарет воскликнула:

– Смотри, Бетти, там кто-то идёт! Неужели это отец?

По аллее быстрой походкой к нам приближался высокий человек, но я сразу засомневалась, что он может оказаться отцом Маргарет. Последний раз я видела мистера Вордсворта, когда была ещё ребёнком, но и тогда он производил на меня впечатление человека преклонных лет, много старше моих родителей.

– Дорогая, если тебе вдруг станет дурно, ты должна мне об этом немедленно сообщить, обещаешь? – сказала я негромко, чтобы меня услышала только Маргарет.

Привыкнув за эти годы оберегать кухню от всего, что могло бы её взволновать, я искренне тревожилась о том, какое впечатление может оказать на неё встреча с отцом после долгой разлуки.

На мгновение она с благодарностью сжала мою руку и тут же вновь приникла к воротам, пытаясь рассмотреть идущего навстречу человека.

Вскоре сомнений уже не осталось – встречающий нас мужчина не был отцом Маргарет, им оказался совершенно незнакомый молодой человек, одетый, на мой взгляд, неподобающе развязно для слуги, живущего в таком большом поместье.

– Приветствую вас, мисс Вордсворт, и вас, мисс Пристли, – произнёс он звучным баритоном, отпирая ворота и оглядывая нас с ног до головы.

Возмущённая таким дерзким поведением, я хотела уже поинтересоваться, кто же он такой и какова его должность в поместье, но тут он обезоруживающе улыбнулся и воскликнул:

– О, приношу извинения за свои дурные манеры! Меня зовут Виктор Крингель, я друг мистера Вордсворта, любезно пригласившего меня погостить в его поместье. Нас связывает давнее знакомство и обоюдный букинистический интерес к некоторым изданиям, которые находятся в его обширной коллекции. Кроме того, я помогаю ему систематизировать содержимое библиотеки, внося каждый ценный экземпляр в специальный каталог.

– А где же он сам? – поинтересовалась Маргарет взволнованно.

– Не тревожьтесь, он в добром здравии и с большим нетерпением вас ожидает, – ответил мистер Крингель, внимательно оглядывая наш багаж. – Из-за непогоды у него разболелось колено, поэтому я настоял на том, чтобы встретить вас самому и проводить в дом. Вы как раз успели к вечернему чаю.

Отдав необходимые распоряжения по поводу багажа человеку, доставившему нас с железнодорожной станции, гость мистера Вордсворта отправился вместе с нами к дому, который моя кухня покинула семь лет назад и куда так внезапно и необъяснимо захотела вернуться.

По дороге он учтиво расспрашивал Маргарет о путешествии, больше не позволяя себе разглядывать нас, как ярмарочных кукол. Несмотря на его разъяснения, для меня всё равно оставалось

непонятным, что такого молодого и бесцеремонного человека связывает с мистером Вордсвортом.

Чем ближе мы подходили к дому, тем большее запустение я наблюдала. Вымощенные гранитным камнем дорожки растрескались, будто корочка на сахарном пироге, и сквозь трещины буйно разрослись дикие травы. Из-за неряшливо растущего кустарника первый этаж здания был почти полностью скрыт. Дом произвёл на меня такое впечатление, словно за время нашего с Маргарет отсутствия здесь прошло не семь лет, а семнадцать. Как будто время здесь текло быстрее, чем в остальном мире. Безусловно, два или три садовника, приходящих несколько раз в неделю, пошли бы помещью на пользу.

Но когда двери в холл отворились и мы с Маргарет вошли в дом, мысли о царящем в Хиддэн-мэнор беспорядке вылетели у меня из головы. Навстречу нам шагнула миссис Дин, глаза которой блестели от слёз неподдельной радости. Её пухлые щёки тряслись от волнения, а натруженные руки теребили краешек безукоризненно отглаженного фартука. Лицо экономки покрылось морщинами, а в высокой причёске виднелись седые пряди, но это по-прежнему была та самая миссис Дин, которая оставляла на кухонном столе под салфеткой аппетитные куски свежего пирога и никогда не спрашивала потом, куда они исчезли.

Абигайль тоже была здесь, стояла с прямой спиной чуть позади миссис Дин и молча улыбалась, обнажив выступающие вперёд зубы. На мгновение я ощутила стыд, вспомнив, как мы с Маргарет, будучи неразумными детьми, подшучивали над заносчивой и глупой девицей. Не хватало только нянюшки Бейкер, но в пору нашего с кузиной детства она была так стара, что, скорее всего, уже покинула этот мир.

Всё это время я ощущала тревогу за Маргарет, ведь воспоминания детства могли вернуть к жизни картины из прошлого, которое она всеми силами пыталась забыть. Миссис Дин, всё-таки не удержавшись от сентиментальных слёз и смахивая их с лица клетчатым платком, подошла ко мне ближе и шепнула на ухо, обдав запахами ванили и апельсиновой кожуры:

— Мисс Пристли, как хорошо-то, что вы вместе с мисс Маргарет приехали. Столько лет прошло, дай бог, позабылся ей тот случай. Спальни вам мы на другом этаже подготовили, подальше... от комнаты миссис Вордсворт.

Экономка с видимым усилием выговорила имя моей тётки, и мне стало интересно, что она думает по поводу случившегося много лет назад события. Согласно устоявшемуся порядку слуги держат своё мнение при себе, всегда оставаясь якобы бесстрастными, но что-то же они должны думать о происходящем в жизни хозяев? Матушка говорила мне, что умная хозяйка всегда громко кашляет, если по какой-то надобности спускается в нижнюю часть дома.

Виктор, проводив нас до холла, незаметно исчез, и я была рада этому, потому что его внимательный и, как мне показалось, насмешливый взгляд, заставлял меня нервничать. Что ни говори, но Хиддэн-мэнор и его обитатели были частью и моего детства, частью его счастливых дней, когда моя матушка была жива, а мы с Маргарет веселы и беспечны.

Приняв наши тёплые накидки, Абигаиль отворила двери в гостиную и Маргарет замерла на пороге, а потом решительно двинулась вперёд. Я не стала спешить, предоставив ей возможность встретиться с отцом после долгой разлуки наедине. (Признаюсь, все эти годы мне было не совсем понятно, почему мистер Вордсворт не приезжает к нам, чтобы навестить дочь, и не пишет ей, будто вычеркнув её из своей жизни).

Помедлив, я вошла в гостиную и поразилась тому, как изменилась эта комната за прошедшие годы. Пышные драпировки висели на стенах жалкими линялыми тряпками, лепнина на потолке стала серой от пыли, а обивка кресел выцвела и кое-где треснула по шву. Внешний вид мистера Вордсворта был не лучше.

Я запомнила его немолодым крупным мужчиной с пронзительным взглядом и седеющими висками, а теперь передо мной сидел грузный длинноволосый старик с головой, будто засыпанной снегом. Бросив взгляд на Маргарет, я поняла, что её тоже поразила перемена, произошедшая с отцом.

Он с трудом, опираясь на массивную трость, встал, и они с кузиной неловко обнялись, скомканно пробормотав друг другу слова приветствия. Тяжело опустившись в кресло, мистер Вордсворт посмотрел на меня и приветливо закивал:

— О, это же маленькая кузина Элизабет! Очень рад, да, очень рад такому событию! Надеюсь... кха-кха... путешествие прошло...

Внезапный приступ кашля помешал ему продолжить свою мысль. Тут Абигайль внесла в комнату тяжёлый чайный поднос, а вслед за ней в гостиную вошёл мистер Крингель. Он был одет в нарядный сюртук, который вряд ли был уместен для вечернего чаепития в узком семейном кругу.

Однако появление гостя отца Маргарет было весьма кстати. Я видела, что после долгой разлуки и кузина, и мистер Вордсворт испытывали растерянность и смущение, мешающие им проявить свои истинные чувства. Пока к нам не присоединился сторонний человек, беседа явно не клеилась, а неловкие паузы всё больше затягивались, грозя превратиться в стеснённое молчание.

Мистер Крингель же сразу, как только вошёл, перехватил инициативу, принявшись оживлённо расспрашивать нас с кузиной о лондонских событиях и предпринятом нами путешествии, тактично обходя в разговоре неуместные вопросы. Я заметила, что отец Маргарет иногда бросал на своего гостя удивлённые взгляды.

Атмосфера в гостиной стала заметно теплее, и вскоре кузина оказалась втянута мистером Крингелем в непринуждённый разговор о прелестях жизни в сельской местности. Ровное тепло от горящего в камине огня и крепкий чай взбодрили мой дух, и поездка, до сей поры внушавшая смутную тревогу и опасения, перестала казаться мне роковой ошибкой.

После чаепития Абигайль проводила нас до дверей комнат, где уже была приготовлена вода в кувшинах, чтобы мы смогли умыться с дороги. В Уотер-хаус мы с Маргарет делили одну спальню на двоих, болтая перед сном о всякой всячине и расчёсывая друг другу волосы, поэтому устройство в отдельных спальнях немного огорчило меня. Я уговорила утомлённую дорогой кузину дать себе отдых, расшнуровала её платье и проследила за тем, чтобы она прилегла на постель и немного вздремнула.

Окна моей комнаты выходили на Уистменский лес, и этот мрачный вид, от которого будто исходила неясная угроза, привёл меня в уныние. Я совсем отвыкла от туманных пустошей Дартмура и от тишины, заполняющей большой дом в вечернее время. Но в камине весело потрескивал огонь, разгоняя мрак сгустившихся сумерек, и я решила не поддаваться хандре и провести время, оставшееся до ужина, с пользой.

Обыкновение вести дневник укоренилось во мне с детства, ещё с той поры, когда я в первый раз посетила пансион миссис Брингеми. Уже многие годы я продолжаю следовать этой привычке.

После жизни в Уотер-хаус, большом и светлом доме в предместье Лондона, где я росла с самого рождения, пансион показался мне холодным и унылым заведением, а наставницы несправедливо строгими и придирчивыми. Помню, что первые ночи я проводила в слезах и жарких молитвах, спрятавшись под тонким одеялом и отчаянно стараясь согреться. Самолюбие не позволяло мне жаловаться на строгие порядки и бесчисленные наказания, полагавшиеся в пансионе миссис Брингеми за малейшую провинность. Тогда-то, от одиночества и страха, я и начала вести дневник, пытаюсь усмирить свою тоску по дому и родным.

С тех пор я считаю, что такая метода необычайно благотворно воздействует на образ мыслей каждого человека, призывая к самодисциплине и духовному совершенствованию. К сожалению, Маргарет всегда со смехом отвергает мои попытки приобщить её к систематизации собственных мыслей и наблюдений. Пухлая тетрадь в кожаном футляре, подаренная мной на прошлое Рождество, до сих пор обретается в одном из ящиков её комода, оставаясь по-прежнему совершенно чистой.

Переодевшись к ужину, мы с кузиной спустились в столовую и застали там одного лишь мистера Крингеля. Он учтиво поприветствовал нас и поинтересовался у Маргарет, удалось ли ей отдохнуть с дороги. Меня же он ни о чём подобном спросить и не подумал.

Пока мы ожидали мистера Вордсворта, его гость развлекал нас милой беседой о всяких пустяках, при этом он почти не сводил глаз с Маргарет, будучи с нею необычайно учтивым и предупредительным. Должна признать, мне это чрезвычайно не понравилось. Внимательный, оценивающий взгляд его тёмных глаз, широкие кустистые брови и тонкие губы, которые он часто кривил в усмешке — всё это придавало его облику нечто хищное, неприятное. Но Маргарет, казалось, этого совсем не замечала.

Посвежевшая после кратковременного сна, чуть разругавшаяся от каминного огня, к которому она села слишком близко, кузина сейчас выглядела на редкость мило и незащищённо. Её золотистые волосы,

уложенные в высокую причёску, открывали нежную шею, на которую (я отчётливо это видела!) мистер Крингель бросал едва ли пристойные взгляды.

Маргарет же, ничего не замечая, продолжала с жаром рассказывать о недавно проведённой суфражистками акции возле здания парламента, чему мы обе были свидетельницами. Тема эта показалась мне не самой уместной для разговора с джентльменом, тем более перед ужином, а неестественное воодушевление, выдаваемое кузиной в беседе с малознакомым человеком, и вовсе не допустимым. Я мысленно отметила, что Маргарет нуждается в дружеском предостережении, и пообещала себе, что непременно поговорю с ней перед сном.

— А вы, мисс Пристли, — неожиданно обратился ко мне мистер Крингель, — что вы думаете о требованиях этих женщин?

Помедлив несколько секунд, я решительно ответила на его вопрос:

— Я считаю, что эти несчастные либо дурно воспитаны, либо попросту глупы, раз хотят разрушить устоявшийся веками порядок. К тому же для убеждения в своей правоте они выбирают довольно странные способы, не правда ли? Погромы, беспорядки, протестные демонстрации... Хлопот от них больше, чем от ирландцев. Разве новый мир, за который они так отчаянно ратуют, следует строить таким вот образом? Прибегая к насилию и разрушениям?

— Но ведь для того, чтобы построить что-то новое, сначала нужно разрушить старое, не так ли? — воспротивился моим доводам мистер Крингель, поднимаясь и глядя на меня сверху вниз. — Иногда приходится отстаивать свою точку зрения жёсткими методами, но в итоге это всего лишь один из способов движения к цели. Вы не согласны со мной?

Нашу беседу, грозившую превратиться в некрасивую стычку, прервало появление отца Маргарет, который выглядел ещё более измождённым, чем во время чаепития. Хрипло дыша, он тяжело опустился на стул, после чего Абигайль внесла в столовую первое блюдо.

За ужином мы говорили на отвлечённые темы, не возвращаясь более к прошлому разговору. Несомненно, взгляды Виктора Крингеля не делали ему чести, и я твёрдо решила предостеречь кузину в

отношении этого человека. Но перед сном, когда я присела на кровать Маргарет, чтобы расчесать её волосы и заплести их в косу, она выказала такую сильную сонливость, что мне пришлось пожелать ей спокойного сна и отложить этот разговор на будущее.

На следующий день мы с кузиной, спустившись в столовую, обнаружили комнату пустой. Не знаю, показалось мне это или Маргарет и правда разочарованно вздохнула. Абигайль, напустив на себя важный вид, объяснила, что джентльмены завтракают очень рано, а затем отправляются работать в библиотеку, где запираются до самого вечера и не велят никому их беспокоить.

От этого известия настроение моё улучшилось, и я с аппетитом отдала за завтраком должное и горячей яичнице, и бекону, и свежему хлебу с жёлтым деревенским маслом. Я уже начинала всерьёз опасаться, что неприятному гостю мистера Вордсворта вздумается увязываться за нами всякий раз, когда мы отправимся на прогулку.

А утро сегодня выдалось совершенно чудесным и по-весеннему свежим. Гнетущее впечатление, произведённое состоянием дома, рассеялось и, сидя за столом напротив Маргарет, я легко могла представить себе картину из прошлого – как мы с ней сидим друг напротив друга и стараемся не хихикать, когда встречаемся взглядами, а моя матушка с притворной строгостью грозит нам пальцем, держа в другой руке тонкую, костяного фарфора, чашку со своим утренним кофе.

– Дорогая, мы сегодня должны непременно отправиться на прогулку, – сказала я, намазывая маслом ещё одну булочку. – Куда бы ты хотела пойти?

– Я хочу навестить Гвендолин, – ответила кузина и пытливо взглянула на меня. – Ты помнишь её? Когда-то давно мы говорили с тобой о том, что будем навещать её часто-часто, чтобы не оставлять надолго в одиночестве.

Я удивилась, что Маргарет так хорошо запомнила нашу давнюю беседу. Как все дети, мы имели сильную склонность к фантазёрству и придумыванию всевозможных игр, наделяя окружающие нас предметы душой и собственным характером. Мне подумалось, что счастливые воспоминания детства, несомненно, пойдут кузине на пользу, и я ласково ответила ей:

– Конечно, помню, дорогая. Мы совершим чудесную прогулку. Миссис Дин, как в старые времена, может дать нам с собой холодный пирог и немного запечённого мяса, и тогда мы устроим превосходный обед на свежем воздухе.

Известное выражение гласит, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Не оспаривая справедливость этого утверждения, могу всё же заметить, что сегодня у нас это получилось. Прогулка почти вернула нас в благословенные дни нашего детства, вмиг стерев печальные события, произошедшие за последние годы.

Здесь, в Девоне, всё осталось ровно таким же, каким было и семь лет назад. Заросли вереска и ломоноса всё так же укрывали гранитные холмы своей нежной порослью, а густорунные овцы бродили по ним, представляясь издалека маленькими облачками, спустившимися с неба. Весенние запахи пробуждающейся земли опьянили нас с кузиной и мы, переглянувшись, принялись громко распевать детскую песенку о незадачливом Джеке, потерявшем свой ночной колпак.

Гвендолин и её молчаливые подруги всё так же стояли, обвеваемые ветром, продолжая свой принуждённый танец под низким небом с быстро несущимися облаками. Маргарет долго стояла, прикрыв глаза и приникнув к шершавому каменному боку, поросшему лишайником. Стараясь разделить переживания, терзающие мою любимую кузину, я подошла ближе и мягко тронула её за плечо, участливо спросив:

– Маргарет, дорогая моя, если тебя что-то тревожит, мы можем уехать отсюда через несколько дней. Вернёмся в Уотер-хаус, к моему отцу. Все эти годы мы были счастливы там, ведь так? Никто не обязывает нас оставаться в Хиддэн-мэнор надолго, если тебе этого не хочется.

Кузина порывисто обернулась ко мне и, поколебавшись мгновение, помотала головой, закусив нижнюю губу.

– Я хочу остаться здесь, Бетти, – твёрдо ответила она. – Я вовсе не хочу уезжать отсюда обратно, в Уотер-хаус. Во всяком случае, не сейчас.

Маргарет, обычно такая уклончивая и мягкая, на сей раз удивила меня твёрдостью в голосе и прямым взглядом небесно-голубых глаз.

Не возвращаясь больше к этой теме, мы самым приятным образом пообедили, не побоявшись испачкать юбки и расстелив тонкую

скатерть прямо на траве. Погрузившись в воспоминания и стараясь не затрагивать тему побега матери Маргарет, мы принялись со смехом вспоминать наши старые игры, которым предавались во времена беззаботного детства. Больше всего мы тогда любили страшилки, которыми нас так любила пугать старая нянюшка кузины, приглядывавшая ещё за её отцом.

Жуткие истории о погребённых заживо мертвецах и кровавых следах жертвоприношений в Уистменском лесу; о дьяволе, живущем на дне реки Дарт; о Белой Леди, прячущейся возле водопада в Лидфордском ущелье – о, все эти рассказы не столько пугали нас, сколько вызвали бешеный интерес и заставляли предпринимать рискованные путешествия. Вот и сейчас, воспользовавшись оставшимся временем и собрав остатки обеда в корзину, мы решили отправиться на прогулку к ущелью.

Задумчивое настроение Маргарет, так тревожившее меня, сменилось искренним весельем, и я была бесконечно рада видеть безмятежную улыбку на её лице и слышать, как она звонким голосом напевает что-то себе под нос.

Мы немного не рассчитали собственные силы и к тому моменту, когда подошли к ущелью, еле держались на ногах от усталости. Корзина с остатками обеда и пустой посудой, которую мы несли по очереди, с каждым ярдом становилась всё тяжелее, поэтому мы оставили её у входа.

Здесь по-прежнему чувствовался особенный запах, будто где-то совсем рядом начиналась гроза. Шагая по мосту, мы непроизвольно взяли за руки, как в детстве, и это заставило нас с улыбкой переглянуться. Тут, в ущелье, я всегда ощущала какую-то странную пустоту, словно окружающий мир отодвигался так далеко, что готов был исчезнуть вовсе.

Спускаясь к водопаду Белой Леди, я обратила внимание на то, что низкие перильца подвесного моста в одном месте были заменены толстым фанерным листом. На этом участке высота была вполне приличной и, опасливо заглянув вниз, я почувствовала, как к горлу подступила дурнота.

Маргарет, заметив сломанные перильца, равнодушно пожала плечами и разъяснила просто:

– Овцы, наверное. Время от времени они забредали сюда, некоторые срывались вниз.

Постояв у водопада, мы с кузиной быстро замёрзли в своих тонких платьях. Погода весной обманчива, а мне вовсе не хотелось, чтобы Маргарет слегла с простудой. Это бы означало, что нам придётся провести в Хиддэн-мэнор больше дней, чем я планировала. В глубине души я была уверена, что скоро Маргарет наскучит гостить в мрачном поместье отца и мы благополучно отправимся домой.

В дом мы вернулись много позже, чем рассчитывали, но оказалось, что мистер Вордсворт и его гость всё ещё предаются своим занятиям в библиотеке. Отослав Маргарет наверх, переодеться и немного отдохнуть, я отправилась в кухню, чтобы попросить у миссис Дин для неё грелку, наполненную горячей водой. Камин в наших комнатах всё ещё не были растоплены, и это, несомненно, являлось большим упущением со стороны Абигайль, о чём я тоже не собиралась молчать.

Миссис Дин, как водится, разохалась и пообещала как следует отругать ленивую работницу, а сама тем временем достала с верхней полки огромную резиновую грелку в вязаном шерстяном чехле.

Наполняя её горячей водой, она, приветливо улыбаясь, расспрашивала меня о нашей сегодняшней прогулке. Услышав, что мы побывали в Лидфордском ущелье, кухарка заметно нахмурилась и бросила на меня странный взгляд, который я не смогла разгадать.

– Мисс Пристли, вы бы не ходили туда больше, – наконец хмуро сказала она и принялась ожесточённо месить тесто для мясного пирога к ужину. – И мисс Маргарет туда тоже ходить не следует.

– Почему же, миссис Дин? – с благожелательной улыбкой спросила я, ожидая услышать от неё очередной рассказ о местных суевериях. – Вы хотите мне поведать о том, что деревенские видели там призрак?

– Значит, кто-то из горничных уже рассказал вам? – хмуро констатировала миссис Дин. – У Абигайль язык длиннее, чем дорога до Плимута.

– Нет, Абигайль мне ничего не рассказывала, – покачала я головой с лёгким раздражением. Всё-таки слуги неисправимы – если у них есть хоть малая толика свободного времени, то вместо работы они будут чесать языками и выдумывать небылицы. – И я не ожидала, если

честно, что вы, миссис Дин, будете потворствовать распространению нелепых слухов.

– То есть вы ничего не знаете про мадемуазель Фавро? – удивлённо воззрилась на меня кухарка, оставив комок теста в покое и отряхивая руки от муки.

– А что не так с мадемуазель Фавро? – спросила я, не сразу вспомнив, что так звали личную горничную миссис Вордсворт, высокую суетливую женщину с тонкими бесцветными губами.

– Семь лет назад, сразу после вашего отъезда, Мадлен Фавро повстречала призрак Белой Леди в Лидфордском ущелье и сорвалась вниз. Она пролежала на дне ущелья три дня, прежде чем её нашли, и всё это время там слышали жалобный плач вперемешку с хохотом, – сказала миссис Дин и перекрестилась.

Глава 3

2014 год. Джо Уайт

Дом пребывает в очень запущенном состоянии. Такова судьба многих архитектурных сооружений Англии, которые за две войны прошлого века лишились своих хозяев и по какой-то причине не попали под опеку Национального траста.

Согласно документации, которую получил при покупке участка вместе с домом мистер Крюгер, поместье Хиддэн-мэнор занимает более ста пятидесяти акров земли. На его территории помимо большого четырёхэтажного дома располагается также обширный сад, полуразвалившиеся хозяйственные постройки и отдельное строение с протекающей под ним подземной рекой. Страшно представить, сколько финансовых вложений понадобится для возвращения к жизни этого исполина.

Нашарив во внутреннем кармане сумки тяжёлую связку ключей я, помедлив пару секунд, вставляю самый крупный из них в сердцевину заржавленного замка. Несмотря на то что ключ, вопреки ожиданиям, довольно легко поворачивается в гнезде, ворота сопротивляются мне. После продолжительных усилий я всё же распахиваю неподатливые створки и проникаю на территорию поместья. Жалобный скрип, который издают ворота, заставляет меня вздрогнуть.

Подъездная аллея, ведущая к парадному входу, заросла дикими травами и бурьяном. Судя по всему, здесь давным-давно никого не было – дорожка, мощённая растрескавшимся камнем, почти не видна под плотным растительным ковром. Кое-где ветви разросшихся деревьев склонились так низко, что мне приходится пролезать между ними, рискуя испортить новый кашемировый джемпер.

Преодолев последние препятствия, вскоре я оказываюсь перед высокой дверью парадного входа и теперь могу ближе рассмотреть особняк.

Думаю, что здание было возведено в соответствии с ранним георгианским стилем в его классическом понимании, задолго до расцвета эпохи регентства. Симметрично расположенные большие окна дома кое-где даже сохранили остатки стекла, что довольно

удивительно для строения, простоявшего заброшенным, по самым скромным подсчётам, более пятидесяти лет.

Фасад дома покрыт плотным ковром плюща и кустарникового ломоноса, но я вижу, что из гранитных плит возведён только первый этаж здания, для строительства остальных использовался кирпич. Четвёртый этаж с круглыми слуховыми окнами почти разрушен; крыша, судя по всему, провалилась совсем недавно. Дверь, перед которой я стою, обита листами тонкого железа, один из них отогнут и под ним виднеется изъеденное жучком дерево.

На первом этаже дома лишь несколько окон заколочены, остальные же доступны для проникновения, и на миг меня охватывает тревога – так ли пуст и необитаем дом, который я намереваюсь посетить в одиночку? Обычно я осматриваю территорию проекта совместно с ассистентом, честолюбивым и дьявольски работоспособным Абрахамом Чейзом, но в этот раз я не захотела никого брать с собой, и он должен прибыть сюда лишь завтра, вместе с остальной группой.

Особо размышлять уже некогда – вечер близится к своему завершению, скоро здесь станет совсем темно, а мне ещё предстоит возвращаться в гостиницу по безлюдной дороге. Вдруг за моей спиной раздаётся хриплый вскрик и я, резко обернувшись назад, охаю от острой боли, пронзившей шею.

На заросшей густой травой лужайке, некогда бывшей газоном, сидит крупная сорока. Она, наклонив голову чуть вбок, некоторое время с нахальством меня разглядывает, а затем, приоткрыв клюв, снова издаёт хриплый звук, так напугавший меня.

Сплюнув от досады, я поворачиваюсь к двери и, больше не колеблясь, всовываю самый маленький из связки ключ в замочную скважину. Не сразу, но дверь мне открыть удалось. Внутри замка раздался отчётливый щелчок, а затем дверь чуть подалась вперёд. За столько лет, петли, конечно, проржавели насквозь, и я с огромным трудом сумела открыть дверь настолько, чтобы протиснуться внутрь. Сорока, наблюдающая всё это время за моими попытками проникнуть в дом, снова раздражается хриплым стрекотанием и я, повернувшись к дверному проёму, громко говорю: «Убирайся к чёрту!», сама не ожидая услышать в своём голосе неуместную ярость.

Включив фонарик, я осматриваю обширный холл. Вижу лестницу, ведущую на галерею, а по сторонам тёмные провалы дверных проёмов. Когда-то пол здесь был выложен мраморными плитами, образующими замысловатый рисунок, теперь же они покрыты толстым слоем грязи. Рядом с входом громоздится куча обугленного полусгнившего тряпья и, задев её носком ботинка, я наблюдаю, как оттуда разбегается полчище крупных мохнатых пауков.

Странно, но для заброшенного здания, не подвергавшегося реставрации больше сотни лет (а, возможно, и дольше), дом имеет вполне приличный вид. Необходимо, разумеется, проверить состояние второго и третьего этажей, но всё-таки снаружи особняк производит гораздо удручающее впечатление.

В большой комнате, вероятнее всего, использовавшейся как парадная столовая, на потолке сохранилась перегруженная деталями лепнина и, всего лишь в одном месте, фрагмент деревянной стеной панели, выполненной, предположительно, из дуба. Думаю, можно с уверенностью утверждать, что здание построено в самом начале восемнадцатого века. Потолки над холлом и галереей имеют веерный свод, что являет собой деталь, свойственную отголоскам архитектурных приёмов эпохи Тюдоров.

Конечно, первым делом техники проверят устойчивость фундамента и стен, выдав официальное заключение о безопасности проведения дальнейших работ, но я уже сейчас вижу, что финансовую смету можно сократить примерно на десять процентов. Этот факт непременно порадует мистера Крюгера, но вряд ли снизит стоимость сделки для покупателя, который сейчас ожидает экспертного заключения о сроках проведения реконструкции.

Старинная лестница из красного дерева с резными балясинами и широкими ступенями достойна того, чтобы её сохранили при реставрации внутренней отделки дома. Было бы преступлением отправить её на помойку, и я сразу мысленно вспоминаю контакты мистера Гаррета, который в определённых кругах слышит настоящим волшебником – со своими помощниками он возвращает к жизни предметы старинного быта, в каком бы запущенном состоянии они ни пребывали.

Второй этаж я осматриваю поверхностно, не желая провалиться сквозь прогнившие перекрытия и удостоиться вследствие этого

события лицемерной слезинки свежееиспечённой миссис Уайт. К тому же у меня нет других наследников. Если я сейчас провалюсь вниз и сломаю шею, Джозеф мгновенно будет стоять на несколько миллионов больше, что не сможет не обрадовать его юную избранницу.

В сумерках, сгущающихся по углам, старый дом выглядит как брошенный пёс, терпеливо ожидающий хозяина. Звуки моих шагов теряются в плотном ковре перегнувшего паркета и всякого мусора, я медленно, как безмолвный призрак, иду по широкому коридору.

Справа от меня располагаются высокие деревянные двери: толкнув одну из них, я обнаруживаю комнату, хозяйкой в которой явно была женщина. Проходить внутрь не рискую, пол может не выдержать такой нагрузки, но с порога замечаю большую кровать в углу, на которой громоздится какой-то подозрительный куль с тряпьем.

В полумраке он выглядит как скорчившийся человек, лежащий на боку и подтянувший колени к груди, и я мгновенно делаю шаг назад, готовая обратиться в бегство, если он шевельнётся. Оказывается, это всего лишь упавший и истлевший вместе с вертикальными опорами балдахин, бывший когда-то декором пышно обставленной спальней комнаты. Остальной мебели здесь почти нет – несомненно, разграблена или пущена на дрова.

Лестница, предназначенная для подъёма на третий этаж, представляет собой плачевное зрелище. От неё остался только остов – ступени отсутствуют напрочь, и подняться наверх не представляется возможным. Из широкого и низкого окна в конце коридора открывается вид на запущенный сад, больше похожий на непролазную мрачную чащобу.

Утомившись от осмотра дома, я решаю расположиться на ступеньках лестницы и перекусить сэндвичем и бутылкой пива, которые мне почти насильно вручила Алексия Джонсон в сельской гостинице. Сейчас я благодарна ей – нестерпимый голод начал терзать меня сразу же как только я вспомнила, что не ела с прошлой ночи, с тех пор, как ожидала посадки на рейс в аэропорту Берлингтона.

Тёплое пиво имеет довольно приятный вкус, а небольшой сэндвич с куриным мясом и пряным соусом заканчивается быстрее, чем у меня получается его распробовать. Пивная бутылка чуть не выпадает из моих рук, когда тишину заброшенного дома резко вспарывает звонок телефона.

На экране высвечивается надпись: «М-р Дженкинс, Дилейн». Сердце будто пропускает один удар, а затем принимается частить, суесться, но когда я принимаю вызов, голос мой звучит небрежно и суховато.

– Да, это я, слушаю вас, мистер Дженкинс.

Какое-то время я молча впитываю информацию, которую приготовил для меня один из лучших сотрудников детективного агентства «Дилейн», а потом говорю всё тем же небрежным тоном, в котором нет ни намёка на душащие меня эмоции:

– Благодарю вас, мистер Дженкинс, за проделанную работу. Я переведу вторую часть оплаты сегодня же. О дальнейших действиях извещу вас в ближайшие дни.

Только нажав кнопку отбоя, я даю волю эмоциям. «Дерьмо!», – кричу я громко, – «Вот дерьмо!» Безобразные ругательства выплёскиваются из меня, забирая вместе с собой скверну, поселившуюся в моей душе с того вечера, когда не стало больше двух неуловимых Джо, когда шестнадцать лет моей жизни мгновенно превратились в никому не нужный хлам.

Эта скверна душит меня, отравляет миазмами ненависти и заставляет иногда вздрагивать от мыслей: «Что было бы, если бы невеста моего мужа никогда не родилась? Остались бы мы по-прежнему вместе? Были бы счастливы, родили бы через год ребёнка?» Весёлые дни рождения, следы на белоснежной скатерти от выпачканных шоколадом пальчиков, детская с большим плюшевым медведем, сидящим в углу. (В моём роду дети у всех появляются по достижении сорока пяти лет, такой вот странный факт.)

Я должна родить ребёнка от этого мужчины, я должна жить с ним и любить его, я должна быть единственной миссис Уайт. Эта юная захватчица собирается прожить мою жизнь, забрать её у меня, с превосходством юности посмеиваясь над брошенной стареющей женщиной. Когда я думаю об этом, мои кулаки сжимаются, а сердце несётся в сумасшедшей скачке так, что в ушах начинается гул, похожий на шум моря. Это моё внутреннее море волнуется, готовясь затопить все прибрежные города и погresti под толщей тёмных вод милосердие и голос разума.

Информация, которую сообщил мне мистер Дженкинс, подняла с самого дна моей души вихрь мутных и ужасных в своей конкретности

мыслей.

Тем вечером, когда Джозеф поведал мне о крушении нашего брака, на мои вопросы о его невесте он отвечал крайне скупой и неохотно. Он не назвал мне ни её имени, ни точной даты начала их отношений.

Из его слов я поняла лишь, что она много моложе меня, ожидает от него ребёнка и живёт в другом штате, куда ему приходилось часто ездить по рабочей необходимости.

Я поверила. Не было причины не поверить. За все годы брака я никогда не замечала за Джозефом склонности ко лжи.

Но вот только что мистер Дженкинс безучастным и чуть простуженным голосом сообщил мне: невесту Джозефа зовут Виктория Лебхорн, и она всю свою жизнь проживает в Берлингтоне, штат Вермонт, в полчасе неспешной езды от нашего дома. Кроме того, имеется точная информация, что за последние два года она ни разу не пересекала границ штата.

Получается, что всё это время Джозеф обманывал меня самым вульгарным, самым гнусным образом. Не было никакой встречи на семинаре по адвокатской практике в Иллинойсе, не было совместной работы над длительным процессом Бирвича. Были только похоть стареющего мужчины, вовремя подвернувшаяся девица, мгновенно забеременевшая от него, и тонны, тонны мерзкой лжи. Так тривиально и пошло, что хочется блевать.

Интересно, бывала ли Виктория Лебхорн в моём доме? Поднималась ли в спальню по антикварной, стоившей два моих гонорара, лестнице из красного дерева, отполированной мной вручную? Каждый завиток старинной резьбы, каждая ступенька. В своё время по этой лестнице должны были затопать пухлые ножки нашего с Джозефом ребёнка, который теперь никогда не родится.

На свет появится совершенно другой малыш, он понесёт в будущее группу генов Джозефа и Виктории, сделав их бессмертными. Хотя, прямо скажем, при такой наследственности у него не так уж много шансов вырасти приличным человеком.

Внезапно земля словно уходит из-под моих ног, я чуть не падаю навзничь и это падение похоже на сон, который снится в детстве и юности, заставляющий просыпаться среди ночи и растерянно таращить глаза в темноту. Вцепившись в перила лестницы, я смотрю

под ноги и вижу – ступенька, на которой я стою, провалилась одной стороной, не выдержав моего веса. Вместе с ненавистью и горечью, терзающими меня в эту минуту, я, должно быть, вешу целую тонну. Даже двигаюсь с трудом, будто нахожусь на глубине и толща воды давит на меня, распластывая по дну, как камбалу.

Ноющая боль в руке слегка отрезвляет меня. Разжав ладонь и поднеся её к глазам, я вижу, как на мякоти отпечатались резной завиток перил, в который я вцепилась с таким невероятным усилием. «Вот дерьмо!», – снова выкрикиваю я, но в моём голосе уже нет прежнего запала, теперь он звучит жалко.

Я медленно, очень медленно спускаюсь в холл. Не хватало ещё сломать ногу сейчас, когда мне необходима вся моя выдержка, вся моя воля. Сейчас я не могу позволить себе раскиснуть.

Стоя в холле, заполненном сумерками, лицом к полураскрытой двери и спиной к лестнице, ведущей на второй этаж, я набираю номер мистера Дженкинса.

– Да, миссис Уайт, слушаю вас, – откликается он после первого же гудка, будто детектив ожидал моего звонка.

– Я хочу, чтобы вы с этого момента осуществляли слежку за мисс Лебхорн. Мне нужна информация обо всех её передвижениях и постоянном местопребывании. Все адреса, все контакты. Отчёт мне нужен ежедневно, – голос мой звучит хрипло, будто я заболела. Выкрикивая ругательства, я, похоже, перенапрягла связки.

– Понял вас, миссис Уайт, – тон детектива профессионально нейтрален. – Если мистер Уайт попадёт в поле моего зрения, отслеживать ли его передвижения тоже?

– Отслеживайте, но главный объект для вас – мисс Лебхорн. Адрес электронной почты для отчётности я пришлю вам чуть позже.

Убираю телефон в карман брюк. Сумерки, усталость и нервное потрясение играют со мной злую шутку – мне начинает казаться, что в холле вокруг меня столпились безмолвные зыбкие тени, трепещущие от слабых порывов сквозняка. Они будто протягивают ко мне руки, пытаются нашептать свои тайны, задержать меня здесь.

– Убирайтесь к чёрту! Все к чёрту, слышите?! – шепчу я устало. Вспышка гнева отняла у меня последние остатки сил, и по дороге в гостиницу я еле переставляю ноги, иду через силу, словно старуха.

Почему Джозеф соврал? Кого он хотел этим уберечь? Для чего эта ложь – то, что Виктория живёт в другом штате, далеко от меня? Это доказывает, что он совсем не знает меня, или, наоборот, что знает слишком хорошо?

Глава 4

Дневники Элизабет Пристли. Запись, датированная пятым апреля 1912 года

Мрачное и торжественное выражение лица миссис Дин вкупе с жуткой историей о мадемуазель Фавро вызвали у меня нервную дрожь. Разозлившись и на себя, поощряющую прислугу выдумывать и болтать небылицы, и на кухарку, всё ещё стоявшую с одухотворённым видом (какой всегда бывает у слуг, когда они сообщают дурные вести), я резко повернулась и, ничего не говоря миссис Дин, покинула кухню. Надеюсь, что заметив мою холодность, она сделала верный вывод о том, стоит ли заниматься распространением нелепых слухов о причинах смерти неосторожной француженки.

По дороге наверх я приняла решение не рассказывать Маргарет о страшной гибели мадемуазель Фавро. Отцовское поместье и без того являет собой источник горестных воспоминаний для моей кузины и сведения о чьей-то смерти, на мой взгляд, могут излишне взволновать её.

Вопреки моим ожиданиям, поздний ужин за одним столом с мистером Крингелем и отцом Маргарет прошёл необычайно оживлённо. С самого начала трапезы в столовой утвердилось тёплая и дружелюбная атмосфера, которую несколько портили только не совсем уместные и желчные высказывания мистера Крингеля. Эти заявления в основном касались ситуации в стране и, к моему величайшему удивлению, вызвали у Маргарет, ранее никогда не обращавшей внимания на политику, неподдельный интерес.

Надо признать, гость мистера Вордсворта и в самом деле обладает какой-то неприятной притягательностью, иначе как объяснить, что Маргарет с блеском в глазах рассуждает о лейбористах и рабочем движении? Едва ли это приличная тема для разговора за столом.

Миссис Дин, видимо для того, чтобы реабилитироваться в моих глазах, приготовила на десерт лимонные пирожные, которые мы с Маргарет так любили в детстве. По настоянию отца дома, в Уотерхаус, наша пища всегда была простой и скромной, и я с наслаждением

смаковала забытый вкус любимого лакомства, напоминающий мне о детстве.

В последующие дни, пока позволяла погода, мы с кузиной совершили множество пеших прогулок по тем местам, которые так любили в прошлом. К сожалению, беспечная радость, заставившая нас распевать детские песенки по дороге к Гвендолин, улетучилась. Я часто замечала, что во время этих прогулок Маргарет становится задумчивой, словно её гложут тягостные и печальные мысли, но на все мои вопросы она неизменно отвечала: «Всё в порядке, Бетти, не волнуйся. Я дурно спала ночью, прогулка освежит и взбодрит меня».

К Лидфордскому ущелью мы больше не ходили, а миссис Дин я строго-настрого приказала не тревожить Маргарет сообщением о смерти горничной.

Пару раз мы посетили нижнюю деревню, облик которой совсем не изменился за прошедшие годы. В лавке при почтовом отделении всё так же заправляет миссис Донахью, угощавшая нас в детстве лакричными конфетками и называвшая «маленькие леди из Большого дома».

Увидев нас в первый раз, она сначала не смогла скрыть своего удивления, а потом вышла из-за перегородки, заставленной припылёнными банками с леденцами и засахаренными орехами и, ежесекундно всплёскивая руками, принялась охать и разглядывать Маргарет и меня: «Это надо жеж, мисс Вордсворт, и вы, мисс Пристли, какие вы обе взрослые стали! Как время-то быстро идёт, а?.. До чего вы обе ладные выросли! Прямо-таки взрослые леди, будто бы и не бегали недавно в коротких платьицах!»

Я видела, что кузина искренне рада видеть словоохотливую миссис Донахью, но меня встревожили цепкие и до странности настойчивые взгляды почтальонши, которые та кидала на Маргарет – и боязливые, с опаской, – на меня.

Заметив это, я поскорее увела Маргарет из лавки. Всё-таки что ни говори, а поступок моей тётки, Вирджинии Вордсворт, оставил пятно на репутации семьи. В сельской местности, где развлечений для простого люда немного, жители обожают всласть посудачить о представителях высшего класса и, несомненно, позорная история побега матери Маргарет не скоро ещё забудется в этих краях.

С мистером Вордсвортом и его гостем мы виделись только за ужином, но беседы, в которые мистер Крингель неизменно втягивал неопытную Маргарет, нравились мне всё меньше и меньше. Когда же я попробовала предостеречь кузину и открыть ей глаза на бесцеремонное поведение молодого человека, то не смогла добиться успеха. Маргарет лишь загадочно улыбнулась в своей всегдашней отстранённой манере, отчего моё беспокойство только усилилось.

Несколько раз, под предлогом того, что опасаясь надолго оставлять отца, чьё состояние здоровья последнее время стало внушать мне опасения, я заводила с ней разговор о скором отъезде. К сожалению, мои слова не возымели совсем никакого эффекта – кузина, искренне озаботившись моей тревогой, предложила мне уехать в Уотер-хаус одной, а её оставить здесь, в поместье.

Дневники Элизабет Пристли. Запись, относящаяся к девятому апреля 1912 года

Вот уже неделю мы живём в поместье отца Маргарет. Зачастили дожди, и мы вынуждены проводить всё свободное время в доме. Я, признаться, обрадовалась небольшой передышке, так как неутомимая кухня в своих прогулках всё более входит во вкус, предлагая такие продолжительные маршруты, что я потом долго не могу уснуть из-за ноющей боли в ногах.

Мне всё время кажется, что внутри неё происходит какая-то тайная работа, отдаляющая нас друг от друга. Будто в то время, когда она торопливыми шагами пересекает скалистые холмы, в её душе происходит неясная мне борьба.

В общем, я чрезвычайно обрадовалась возможности провести день в тишине и покое парадной гостиной, сидя у окна и вышивая золотой нитью полог для убранства часовни в отцовском приходе.

Маргарет же, уютно устроившись в большом кресле с лопнувшей на подлокотнике обивкой (что, конечно, безобразие для такого солидного дома), сидела напротив меня и читала сочинения некоего Джона Стюарта Милля под названием «О подчинении женщин».

Внезапно, захлопнув книгу и шумно вздохнув, Маргарет села прямо и спустила ноги вниз, торопливо надев домашние туфли. Мельком взглянув на неё, я отметила, что она озабоченно хмурится, а между её светлых бровей пролегла крохотная морщинка.

Кухина подошла к окну, задумчиво пробарабанила пальцами по стеклу незатейливый мотив и, резко повернувшись ко мне, произнесла:

– Бетти, поговори со мной! Я точно знаю, ты не одобришь... Но я чувствую, что должна, обязана следовать собственным убеждениям. Иначе я буду ощущать себя насквозь фальшивой трусихой.

– О чём ты, дорогая?! – я с удивлением посмотрела на неё.

Маргарет стояла у окна, тусклый дневной свет подчёркивал бледность её кожи и напряжённость черт лица. Вдруг, также неожиданно, она успокоилась и мягко улыбнулась мне:

– А впрочем, Бетти, не сейчас. Я ещё не готова. В самом деле, мне нужно сначала всё хорошенько обдумать.

– Но что ты имеешь в виду? – я отложила вышивку в сторону и принялась внимательно вглядываться в её лицо, пытаюсь понять, о чём же она хотела поведать мне и почему передумала.

За годы тесной дружбы я успела привыкнуть к тому, что иногда кузина демонстрировала некоторую замкнутость, и в подобном состоянии было бесполезно расспрашивать её и настаивать на откровенности. Поэтому я смирилась с недосказанностью и снова взяла в руки вышивку.

Некоторое время Маргарет бесцельно расхаживала по комнате, а потом, заскучав, присела рядом со мной и принялась лёгкими движениями пальцев поправлять мою причёску.

– Знаешь, у меня сегодня какое-то странное настроение, – наконец призналась она. – Ничего не хочется делать. Ни принимать решения, ни читать. Даже обедать не хочется. И грустить я тоже больше не хочу. Понимаешь?

Глядя ей в глаза, я кивнула. Всё-таки дом вызвал к жизни тяжёлые воспоминания о матери, как я и опасалась.

– Дорогая, тебе давно надо было сказать мне об этом. Мы можем уехать хоть завтра. Я уверена, что мистер Вордсворт поймёт, почему...

– Нет, Бетти, ты не поняла. Уезжать я вовсе не хочу, – Маргарет взяла меня за руку и решительно помотала головой. – Я знаю, что тебе здесь не нравится, но потерпи ещё немного. Я так рада на время вернуться домой! Я не хочу больше грустить, понимаешь? Не хочу вечно вымаливать прощение за проступок своей матери. Думаешь, я не знаю, что твой отец считает её грешницей, запятнавшей фамильное имя, и молится за мою душу, чтобы я избежала мирских соблазнов? Пойми, иногда эта ноша давит мне на плечи, прижимает меня к земле. А здесь... Здесь всё по-прежнему – та же миссис Дин, та же надутая Абигайль, та же нянюшка Бейкер, хоть и потерявшая здравый рассудок от старости. Гвендолин с подругами всё так же охраняют жертвенный камень. В Хиддэн-мэнор всё по-прежнему, вот только отец сильно постарел.

– Я не думала, что ты так пристрастно воспринимаешь искреннее участие моего отца в твоей судьбе, – сухомерно произнесла я, немного обидевшись, но кузина тут же порывисто обняла меня и поцеловала горячими губами в висок.

– Не будь злокой, Бетти, не цепляйся к моим словам! Я лишь хочу, чтобы ты поняла меня и согласилась участвовать в моём замысле.

Глаза Маргарет блестели от воодушевления. Всё ещё немного обижаясь, я вопросительно посмотрела на неё, и тогда она со смехом вскочила и громко выкрикнула:

– Мы! Устроим! Живые! Картины! Как в детстве! Зрителями будут мой отец, мистер Крингель, нянюшка Бейкер и миссис Дин! Нянюшку мы устроим в кресле, на самом почётном месте, а помогать нам будет Абигайль. И костюмов подготовим несколько, и сделаем настоящий занавес из балдахина с моей кровати, и нарисуем настоящую афишу! Подумай только, как будет здорово!

Кузина стащила меня с дивана и, не обращая внимания на упавшую с моих колен вышивку, закружила по комнате, выкрикивая: «Соглашайся! Соглашайся!»

В круговороте множась каминов, кресел, окон и драпировок, крепко держась за горячие ладони Маргарет, я чётко видела только её смеющиеся глаза и золотую прядь волос, струившуюся по виску – и недавнее детство, теперь такое невозможно далёкое, вспомнилось мне во всех подробностях.

Когда... Когда тяжёлая простуда перешла в воспаление лёгких, лондонский доктор, с горечью покачивая головой, вышел из её комнаты и, мельком взглянув на меня, направился в кабинет отца. Я тогда сразу же всё поняла.

После ухода доктора, долго возившегося в холле, но так и не решившегося встретить мой прямой взгляд, я вошла к отцу и впервые в жизни увидела его рыдающим. Не знаю, что тогда потрясло меня больше – внезапная болезнь матери, всегда такой нестигаемой и деятельной, или те жуткие, задыхающиеся, всхлипывающие звуки, прорывающиеся из-под его сомкнутых ладоней, скрывающих лицо.

Матушка всегда была несокрушимой опорой для всех, кто её окружал. Запасы её милосердия и здравомыслия были неисчерпаемы. Ни одно событие не проходило мимо неё, не удостоившись пристального внимания, а затем точного суждения и оценки.

Не помню случая, чтобы какая-либо ситуация привела её в недоумение и растерянность. Она всегда знала, как приличествует себя вести благовоспитанной леди, ею всегда руководили самые высокие понятия о достоинстве и призвании женщины в окружающем мире.

Надеюсь, что я когда-нибудь сумею стать хотя бы чуточку похожей на неё.

Перед уходом она успела попрощаться со всеми. С меня она взяла обещание приглядывать за отцом и кузиной Маргарет, которым не на кого было больше рассчитывать, кроме как на меня.

Однако в те страшные дни, когда Уотер-хаус погрузился в безмолвный траур, а отец замкнулся в себе и только лишь повторял и повторял: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки», именно чуткая Маргарет стала для меня утешением, заставляя выпить чашку бульона за обедом или утирая непрестанно льющиеся из моих глаз слёзы. С течением милосердного времени утихла боль моей потери, но не моя благодарность кухне, разделившей со мной те горестные дни.

Все эти мысли вихрем пронеслись у меня в голове и в приливе чувств я, так же громко, как и Маргарет, принялась выкрикивать:

– Соглашаюсь! Соглашаюсь! Живые! Картины! Живые! Картины!

Наш бесноватый танец прервало появление Абигаиль, которая, вытаращив глаза и оттопырив нижнюю губу, замерла на пороге с чайным подносом. Не знаю отчего, но выражение лица горничной необычайно нас позабавило – как только она вышла из комнаты, мы с кузиной принялись передразнивать её, отчаянно хохоча и изобретательно представляя угловатую манеру Абигаиль. Само собой, нам должно быть невероятно стыдно за такую детскую выходку.

Честно сказать, даже наедине с собой мне затруднительно подобрать слова, чтобы описать последовавшее за этим событие, так сильно взволновавшее мою кузину.

Чудовищные мысли терзают меня сейчас, когда я пишу эти строки, сидя в кресле рядом с кроватью, на которой распростёрлась в беспмятстве бледная Маргарет. Её прерывистое дыхание и подрагивающие веки говорят мне о том, что сейчас она находится в плену видений, терзающих её разум.

Но начну по порядку. Выпив по чашке чая, мы с кузиной решили заняться приготовлением костюмов для представления живых картин. Изначально мы намеревались соорудить их из бумаги, залежи которой отыскились в большом комод, стоявшем в гостиной. Но Абигаиль, вернувшись за подносом и чайными принадлежностями, доложила, что на чердаке дома имеется несколько сундуков с рулонами тканей,

которые остались после грандиозной уборки, устроенной много лет назад ещё моей матушкой.

Горя энтузиазмом и предвкушая чудесные находки, которые можно будет использовать для исполнения нашего замысла, мы с Маргарет, переодевшись по совету Абигайль в прогулочные немаркие платья, немедленно отправились на охоту за сокровищами.

Укромная дверца, ведущая на чердак, была не заперта. Зная отчаянную нелюбовь кухни к паукам, я первой шагнула в тёмное пространство, пахнущее затхлостью и пылью. Окна были прикрыты изнутри рассохшимися ставнями и нам потребовались серьёзные усилия для того, чтобы впустить в помещение дневной свет.

Судя по количеству пыли и паутины, тут лет десять не бывало никого с тряпками и щёткой. Кругом громоздилась старая мебель, укрытая чехлами, потемневшими от времени, какие-то тюки, перевязанные толстой бечёвкой и мохнатые от пыли, а вдоль стены, как и говорила Абигайль, в ряд стояли большие сундуки.

Каждый наш шаг оставлял на пыльном полу устойчивый след, будто мы шагали по свежевыпавшему липкому снегу. В носу у меня сразу же защекотало, а веки начали чесаться.

С трудом откидывая тяжёлые крышки сундуков, мы с кухней принялись искать рулоны обивочной и драпировочной ткани, но пока нам попадались только старые подушки, истёртые покрывала да изъеденные молью до дыр старые накидки и пальто.

В тот момент, когда я возилась с неподатливой крышкой одного из сундуков, Маргарет шумно вздохнула и взволнованно произнесла:

– Бетти, иди сюда скорей! Ты только посмотри!

Решив, что кухня обнаружила насекомое (которое, разумеется, представляло собой невероятную угрозу её жизни и здоровью), я поспешила подойти к ней, чтобы предотвратить дерзкое нападение чудовищного монстра. Маргарет стояла возле самого большого сундука и взволнованно указывала мне на его содержимое. Наклонившись, я увидела, что он доверху заполнен коробками, на которых под слоем пыли виднелись надписи.

На верхней коробке аккуратным почерком было начертано: «Гардероб Вирджинии Вордсворт, урождённой Грейблум. Утренние туалеты». Под нею обнаружилась ещё одна, надпись на которой всё

тем же ровным, лишённым сомнений почерком, гласила: «Тёплое бельё, корсеты».

Почерк очень напоминал матушкин, именно такие же надписи присутствовали на моих коробках с одеждой, предназначенных для отправки в пансион миссис Брингеми. Присмотревшись, я заметила под каждой надписью крошечные цифры, сделанные тонким грифельным карандашом. На верхней коробке была указана дата «1895».

– Скорее всего, это приданое твоей матушки, – предположила я, пытаюсь захлопнуть сундук, но Маргарет вдруг удержала мои руки и, подойдя ближе и глядя мне в глаза, очень тихо произнесла:

– Бетти, милая, подожди. Мне хочется посмотреть на эти вещи.

Отступив, я наблюдала, как кузина, чуть прикусив нижнюю губу, задумчиво перебирает свёртки со старой одеждой. Открыв одну из коробок, она достала оттуда платье из переливающейся лёгкой материи и, чуть поколебавшись, приложила его к груди, повернувшись ко мне.

– Как ты полагаешь, я могу его надеть? – спросила Маргарет, и я удивилась воодушевлению в её голосе.

– Не уверена, – сухо ответила я ей, – что мистер Вордсворт будет от этого в восторге. Я бы на твоём месте пощадила его. Ни к чему ворошить старые воспоминания.

– Да, ты права, я как-то не подумала, – вспыхнув, согласилась со мной Маргарет и тут же вернула платье в коробку.

Пока я открывала другие сундуки, кузина, не обращая внимания на мои призывы о помощи, продолжала перебирать приданое своей матери, пылившееся все эти годы на чердаке.

Рулонов нужной нам ткани нигде не было. Мне в голову уже начинала закрадываться мысль, что к исчезновению материи приложила руку прислуга, пользующаяся в Хиддэн-мэнор неограниченной свободой, но тут послышался испуганный вскрик, полный отчаяния, и затем глухой стук падения.

Бросившись к Маргарет, я увидела, что она лежит на пыльном полу в нелепой позе, подогнув под себя правую руку и уткнувшись лицом в грудку одежды.

Пока я металась по чердаку, одновременно пытаюсь привести кузину в чувство и докричаться до кого-нибудь из прислуги, у меня не было возможности как следует рассмотреть странный предмет,

вызвавший такой глубокий обморок у Маргарет. Я просто свернула его в невнятный ком и запихнула обратно в сундук, чтобы кузина, когда придёт в себя, не увидела вновь то, что привело её в такой ужас.

Позже, когда Маргарет очнулась и, по-прежнему бледная, с лихорадочно блестящими глазами, смогла сесть в кровати и принять успокоительное лекарство, я осторожно спросила её о причине случившегося обморока. В ту же секунду она закрыла лицо руками и разрыдалась так безутешно, что мне пришлось дать ей дополнительную дозу хлорала, опасаясь наступления нервных судорог.

– Птица!.. Ужасная птица! Она забрала её у меня! Это всё правда, я видела это, видела! Она существует! Она придёт и за мной тоже! – Маргарет в исступлении выкрикивала безумные слова, жалобно глядя на меня и пребольно сжимая мои руки. Под глазами у неё залегли тёмные тени, волосы разметались по подушке. Всё то время, пока лекарство не оказало своё действие и не погрузило её в сон, она продолжала бессвязно бормотать что-то про ужасную птицу, которая схватила её мать.

Признаюсь, на меня эта вспышка нервной лихорадки произвела самое гнетущее впечатление. Мать Маргарет, моя тётка Вирджиния Вордсворт, была весьма неуравновешенной особой и обладала эксцентричным характером. Моя матушка частенько говорила мне, что я должна удерживать кузину от необдуманных поступков и наблюдать за её душевным равновесием, чтобы не дать проявиться наследственной склонности к меланхолии и нервным припадкам.

«Неужели несмотря на все мои усилия Маргарет унаследовала предрасположенность к неврастению и истерическим приступам?» – так думала я, поднимаясь на верхний этаж, когда Абигаиль сменила меня у кровати спящей кузины.

Здесь, на чердаке, сундуки, в которых я безуспешно искала отрезки материи, так и остались открытыми, а их содержимое пребывало в беспорядке. Сказав себе, что пришла пора провести серьёзный разговор с Абигаиль и миссис Дин, я принялась искать свёрток с таинственным содержимым, повергнувшим Маргарет в такое безумное состояние.

Вытащив и разложив на полу тяжёлый слежавшийся ком, я так и не смогла понять, что это за странное одеяние. Ничего подобного я

раньше не видела. Более всего это походило на длинную накидку с капюшоном, сшитую из плотного прорезиненного материала.

Эта вещь, возможно, и походила бы на макинтош, предназначенный для защиты от дождя, если бы не странные детали. К широким рукавам с низкой проймой были пришиты перчатки из той же материи, а к узкой горловине – капюшон с маской, закрывающей лицо. Маска выглядела довольно устрашающе – в ней были проделаны два круглых отверстия, прикрытые тонкими прозрачными стёклышками (одно из которых треснуло), а чуть ниже их свисала резиновая кишка, похожая на слоновий хобот или длинный птичий клюв.

Глава 5

2014 год. Джо Уайт

В восемь часов утра мой телефон начинает разрываться от звонков. С трудом раскрыв опухшие веки, морщусь от яркого света, падающего мне на лицо. Вчера я не расправила плотную штору, привязанную широкой лентой к латунному крючку, вбитому в стену рядом с окном, и теперь моя кровать купается в солнечных лучах. У меня вообще не осталось воспоминаний о событиях вчерашнего вечера после моего возвращения из Хиддэн-мэнор. Не помню, как и чем я ужинала, не помню даже как уснула.

Снова звонок. На экране появляется фото Чейза.

– Доброе утро, Абрахам. Ты уже в Девоншире? – стараюсь чётко произносить слова, будто бодрствую уже давно, а не сижу, сгорбившись, на краю разорённой ночными кошмарами постели.

– Да, миссис Уайт, буду на объекте через сорок минут. Со мной два техника из местной компании. После двенадцати прибудет оборудование для выполнения первых замеров.

– Отлично, Чейз, встретимся у ворот через сорок минут, – говорю я спокойно, а сама в это время лихорадочно оглядываю крошечную ванную комнату в поисках набора с зубной пастой, щёткой и мылом.

Комплект гостиничного гостеприимства находится под раковиной, в маленьком шкафчике, старательно имитирующим антикварный. Пока я чищу зубы, из зеркала на меня смотрит взъерошенная немолодая тётка с опухшими подглазьями. Сейчас я очень сильно похожа на свою мать, какой она бывала с похмелья, и это сходство меня несколько не радует.

Вчера перед сном я не разделась, и теперь несвежая блузка и мятые брюки выглядят так, словно я вытянула их из мусорного бака, а после отстояла добычу в жестокой конкурентной драке с другим бездомным.

Ненавижу быть несостоятельной. Ненавижу давать другим людям повод думать, что меня можно не уважать. Ненавижу, когда всё идёт не по плану.

Бабуля, к которой меня часто отправляли в детстве, любила повторять: «Утро вечера мудренее». Но вот наступило утро, а проблемы никуда не исчезли. Я хорошо помню её. Несмотря на преклонный возраст (а умерла она в девяносто семь лет), бабуля до самого конца сохранила ясность мыслей и твёрдость жизненных убеждений. Я была искренне привязана к ней и, знаю точно, она любила меня.

Когда бабуля умерла, мне было семь лет. Вполне сознательный возраст для не по годам серьёзной девочки, выросшей в семье алкоголиков.

Помню, что когда пришло известие о её смерти, я не проронила ни слезинки. Она вряд ли одобрила бы фальшивые завывания моей матери или пьяные слёзы жалости к себе, которые так любил демонстрировать мой отец по любому поводу.

Я тогда взяла учебник математики, полученный от библиотекаря муниципальной школы, в которую должна была пойти через две недели, и до утра решала примеры и задачи. Отец назвал меня бесчувственной и грозился выдрать ремнём, а после, на похоронах, в пьяном бреду всем рассказывал, что я такой же бездушный сухарь, как и его усопшая мать. Он оказался прав. Когда они разбились, управляя машиной в нетрезвом виде, все необходимые процедуры – опознание, выдачу тел, похороны, – я провела с сухими глазами.

Вчера, после ужина, повалившись на кровать в чём была, я пообещала себе взять передышку от эмоций и сосредоточиться на работе. Вовсе незачем сейчас корчиться на открытом огне сомнений и ненависти, самое лучшее в моём положении – отвлечься и посмотреть на проблему трезвым взглядом. Гнев делает человека слабым и уязвимым, ведь тот, кто теряет контроль над собой – теряет контроль и над ситуацией. Сила зиждется не на ярости, а на точном расчёте и холодном рассудке.

Эти мысли успокаивают меня своей определённой, чёткой логикой. Обольстительно мурлычут, как кошки, мантры спокойствия, заклинания уверенности. Кошки – вот кто умеет терпеливо ждать подходящего момента, скрывая под мягкой шёрсткой разящие клинки.

Успокоившись, я спускаюсь в столовую и сразу же натыкаюсь на миссис Грир. Её лицо, покрытое плотным слоем тонального крема, расплывается в улыбке, и до того момента, как я нахожу себе место за

общим столом, она мелко семенит за мной, успевая задать кучу вопросов по поводу и без.

К счастью, за завтраком присутствует молодая семья с двумя маленькими детьми, они легко переключают внимание хозяйки гостиницы на себя, требуя одновременно безглютеновый хлеб, детскую переноску и пароочиститель.

Насытившись и выпив две чашки паршивого кофе, я шагаю к Хиддэн-мэнор. Хотя я и торопилась, как могла, но к воротам поместья подхожу позже остальных. Чейз с техниками уже на месте, один из рабочих курит, мрачно поглядывая на дом.

– Миссис Уайт! – Чейз широко улыбается, демонстрируя голубоватую белизну зубов.

– Абрахам, – киваю я ему с улыбкой и приветствую крепким рукопожатием техников, на которых обычно ложится вся самая грязная и ответственная работа.

Их двое – бородатый верзила средних лет и мужчина постарше, который, будучи ниже всех ростом, тем не менее умудряется смотреть на нас с Чейзом свысока, как будто это он нанимает работников, а не наоборот.

Техникам я улыбаюсь своей особой улыбкой. От того, как мы сработаемся с ними, зависит соблюдение сроков, а мистер Крюгер не любит затянутые проекты, его это нервирует. Нервы мистера Крюгера необычайно ценны, так как от них зависит размер наших с Чейзом гонораров.

Когда мы пробрались через заросшую кустарником аллею к входной двери, Чейз присвистнул:

– Настоящий дом с привидениями, да, миссис Уайт? Прямо как в кино! Я уже влюблён в это здание. Надеюсь, дом не сторожит какой-нибудь злобный призрак, – хохотнул он.

Невысокий угрюмец, мистер Бродерик, бросил на него хмурый взгляд исподлобья и лаконично произнёс:

– Мы начнём осматривать территорию, миссис Уайт. Если понадобится, мой номер есть у вашего помощника.

В ожидании, пока в поместье прибудет остальная бригада и необходимое оборудование для подготовки рабочей площадки, мы с Чейзом как следует осматриваем дом.

В ярком солнечном свете особняк уже не кажется мне таким мрачным. Вместе с Чейзом мы приходим к выводу, что изначальную смету можно смело сокращать на тридцать процентов, так как основные несущие конструкции почти не пострадали от времени. Больше всего строение нуждается в реставрационных работах, и я принимаюсь расписывать в блокноте все этапы восстановления внутренней и внешней отделки. Стоимость установки современных инженерных систем и бетонных перекрытий, проведение электричества и прочие работы уже учтены в смете мистера Крюгера.

Отлично сохранившаяся лепнина и сводчатые потолки над галереей, – наследие эпохи Тюдоров, – приводят моего ассистента в полный восторг.

– Да тут целый дворец! – Чейз с воодушевлением крутит головой и выполняет панорамную съёмку всех сохранившихся деталей отделки.

На цокольном этаже обнаруживается кухня в удовлетворительном состоянии, к которой примыкают подсобные помещения. В восточном крыле мы находим библиотеку – провалившиеся полки полны сгнившими переплётками и затянуты паутиной. Один из высоких стеллажей рухнул и валяется неопрятной грудой. Пыль везде лежит таким плотным ковром, что бедняга Чейз, склонный к аллергическим реакциям, начинает задыхаться и трусливо сбегает проверить, чем занимаются техники.

Остальную бригаду, подъехавшую с необходимым оборудованием, я встречаю одна. Суэта, крики рабочих, натужные звуки грейдера, въезжающего на территорию поместья, взвизги электрической пилы – привычные звуки погружают меня в рабочий транс, который не оставляет места навязчивым горьким мыслям и пустым переживаниям.

Впереди предстоит колоссальная работа. Нам с Чейзом и полусотней рабочих предстоит буквальным образом повернуть время вспять! Придётся учесть миллион разных факторов – провести множество исследований фундамента и грунта; восстановить разрушенные перекрытия; отреставрировать фасад, сохранив его историческую идентичность; реконструировать каждое внутреннее помещение, воссоздав утраченные интерьерные детали. Всё, что

можно спасти, вернув к жизни – я сохраню и органично встрою в более современный вариант классического георгианского особняка.

Осмотр заброшенного сада, старинных хозяйственных построек и исследование отдельно стоящего здания я поручу Чейзу. В ближайший месяц мне не выбраться из дома – столько здесь работы для реставратора.

Думаю, что через несколько дней можно будет расчистить одну из сохранившихся комнат и поставить там кушетку и стол, это позволит мне не покидать территорию проекта и сэкономить гору времени. Надо будет поручить Чейзу купить для меня в местной лавке портативную плитку, тогда я смогу питаться, не покидая территорию поместья.

Джозеф не раз в шутку говорил нашим друзьям, что готов ревновать меня к заброшенным развалинам, ведь работая над проектом, я становлюсь одержима и неуправляема. Может быть, именно в этом кроется причина краха моей семейной жизни? Вот интересно, кем работает Виктория Лебхорн? Чем увлекается? Благодаря мистеру Дженкинсу через несколько часов я буду знать всё об этой девушке.

В моём планшете, на смоделированной в специальной системе проекции поместья я отмечаю новые детали, подробно раскрывая каждую из них для мистера Крюгера. В начале работы над проектом он требует от меня отчёта каждый вечер.

А меня каждый вечер будет ждать отчёт от детектива агентства Дилейн. Я хочу знать всё о Виктории Лебхорн, её образе жизни, увлечениях и работе. Слишком долгое время я находилась в неведении. Я хочу контролировать ситуацию, хочу знать, заслуживает ли возлюбленная Джозефа счастья и почему отобрала его у меня.

Снова мысли, как жуки-древоточцы, изъедают мой мозг, изъязвляют сердце. К горлу поднимается тяжёлый ком, рот высыхает. Это ненависть, ненависть в чистом виде отравляет мой организм, будто где-то рядом со мной находится источник радиоактивного излучения, меняющий структуру каждой моей клетки. Если бы я была религиозна, то посчитала бы эти мысли происками дьявола, борьбой света и тьмы, выбравшими плацдармом для битвы мою неказистую душу.

Я отвлеклась, Чейз подходит неслышно и, видимо, какое-то время наблюдает за мной.

– Миссис Уайт, вы нормально устроились в гостинице? Успели выспаться после перелёта? – в его голосе чувствуется вежливая забота. Мы давно работаем вместе, несомненно, он заметил мой измождённый вид.

– О, всё в порядке, всего лишь разница во времени и всё такое, – делаю я неопределённый жест свободной рукой и бодро улыбаюсь. – Пора перекусить, что скажешь?

Мы устраиваемся на ступеньках лестницы и я делюсь с ним сэндвичами, завёрнутыми в салфетки с названием гостиницы миссис Грир.

Пока мы едим, Чейз информирует меня о находках техников. Фундамент отдельно стоящего здания просел, подземная река, скорее всего, годами размывала почву, так что без специального оборудования туда нечего и соваться. На территории поместья обнаружился старый колодец, и я вношу его в общую схему проекта – вода пригодится и для проведения ремонтных работ, и для нужд будущих жильцов Хиддэн-мэнор. Чейз быстро сориентировался, колодец уже чистят.

Для того чтобы обработать заброшенный сад, потребуются дополнительные финансовые вложения, причём немалые. Делаю пометку для мистера Крюгера. Чейз, поев и поблагодарив меня в цветистых выражениях, достаёт зубную нить, с которой не расстанется ни при каких обстоятельствах.

Отойдя к окну и повернувшись ко мне спиной, он тщательно вычищает межзубное пространство, что-то мурлыча себе под нос. Мой ассистент так дотошно следит за своими зубами, будто собирается жить вечно. Или страдает лёгкой формой невроза.

Закончив ритуал, Чейз поворачивается ко мне и спрашивает:

– Как вам вообще, миссис Уайт? Ну, дом, и всё это, – обводит руками вокруг себя.

– Дом как дом, – сдержанно пожимаю плечами я. – Его состояние лучше, чем я предполагала. Работа, конечно, предстоит большая, но мы справимся.

– Да нет, я про другое, – Чейз хмурится, засунув руки в карманы рабочей куртки, и обводит взглядом холл. – Вы в курсе, кто жил здесь раньше? Почему поместье столько лет оставалось заброшенным?

– Крюгер сказал, что данные о прежних жильцах не сохранились. Не знаю, как ему удалось приобрести Хиддэн-мэнор, но думаю, что

эта информация для нас не принципиальна. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, – Чейз неопределённо хмыкает и после паузы произносит: – Один из техников, Бродерик, ну, такой высокомерный тип, из местных. По-моему, из Окгемптона. Так вот, я слышал, как он говорил, что среди деревенских когда-то давно ходила молва о призраке, обитающем в поместье. Будто бы на территории Хиддэн-мэнор пропадали люди, или ещё какая-то чушь в этом роде. Вы ничего такого не слышали?

– Хм, дай-ка подумать... Да, конечно, слышала. Ужасный такой призрак, с пылающими огнём глазами. А в погребке видели вурдалака. Он как-то раз погнался за местной девицей, догнал и сожрал её целиком, урча и чавкая. Но больше всего он любит охотиться на нервных ассистентов, которые слушают бабкины бредни. Их он утаскивает в своё логово, а потом...

Чейз слегка краснеет и тут же начинает оправдываться:

– Да я же так, миссис Уайт, я же понимаю, местный фольклор и всё такое. Но дом какой-то мрачноватый, ведь правда?

– Нормальный дом, ничего необычного, – я убираю планшет в сумку и встаю, давая понять, что бесполезный разговор закончен. – А тебе, Абрахам, могу посоветовать не увлекаться болтовнёй с местными. Мы здесь не для этого. Настраивайся на работу. Когда приедут гидротехники? Надо как можно быстрее оценить предстоящие работы и составить точную смету.

– Гидротехники будут через час, остальные специалисты завтра ранним утром. Колодец уже чистят, постараются добраться до воды сегодня, если получится, – Чейз бодро рапортует, но я вижу, что он обижен моей резкостью. – И вот ещё что... Пока вы работали в холле, мы с техниками прошлись по дому. Тайный ход обнаружил Бродерик, он вообще ужасно любопытен ко всему, что касается этого поместья. Ход ведёт из библиотеки к отдельно стоящей постройке. Мы не стали пока ничего там осматривать, опасаясь завалов, хотя на вид всё довольно крепкое. Но я подумал, что сначала надо показать это место вам, правда ведь? Вдруг там во время войны прятали ценности?! – Чейз стыдливо улыбается, но глаза его азартно блестят.

Сейчас меня не трогает его детский энтузиазм, поэтому я отдаю последние распоряжения и спешу убраться отсюда:

– Я отправляюсь в гостиницу составлять отчёт для Крюгера. Скажи рабочим, они могут переходить в дом. Главное, что меня сейчас интересует – это фундамент, перекрытия и установка осветительных модулей. С потайным ходом разберёмся позже, пока не до него. На первом этаже и галерее каждый сантиметр представляет историческую ценность, скажи им, пусть будут максимально осторожны.

Чейз кивает, шутливо берёт под козырёк и распахивает передо мной входную дверь. Вся подъездная аллея усыпана листьями и ветками, я пробираюсь до ворот мелкими шагами и с наслаждением после затхлости старого дома вдыхаю свежий запах древесной коры и зелени.

Я покидаю территорию поместья раньше, чем следовало бы, но оставаться здесь ещё на несколько часов нет никаких сил. Сегодняшний отчёт мистера Дженкинса манит меня, как магнит. Не хочу просматривать его при свидетелях, мне необходимы уединение и тишина.

До гостиницы я добираюсь чуть ли не бегом. На пороге встречаю молодую пару, которых видела за завтраком, – их малыш, натужно покраснев, сидит на ступеньке и, закатив опухшие глаза, голосит во всё горло. Уверена, что у Джозефа с Викторией родится такой же плаксивый и несимпатичный ребёнок. Другого они не заслуживают.

В холле за конторкой стоит миссис Грир. Увидев меня, она поправляет у себя на голове пылающий костёр (который бы и праведника испугал) и доброжелательно, но настойчиво интересуется, буду ли я ужинать, и нет ли у меня аллергии на орехи и непереносимости лактозы.

Приходится остановиться и поговорить с ней несколько минут. Наконец хозяйка замечает мою нервозность и нехотя отступает за конторку, деловито помечая что-то в тетради с информацией о постояльцах.

Кровать в моём номере безукоризненно заправлена, на столешнице трюмо стоит вазочка со свежими цветами. На прикроватной тумбочке нахожу лёгкий переносной столик для ноутбука. Наверное, Алексия постаралась, думаю я с благодарностью.

Торопливо вешаю сумку на спинку стула и включаю ноутбук. Машина равнодушно урчит, запуская системы. Кто она, Виктория Лебхорн, будущая жена моего мужа и мать его ребёнка? Фотомодель со

стройными ногами и капризным лицом или молодой юрист с профессионально обезличенной улыбкой? Врач, художница, фотограф? Есть ли у неё подруги? Держит ли она их в курсе своего романа с женатым мужчиной? Смеются ли они надо мной, старой бездетной калашей, или жалеют с мерзким лицемерием молодости?

Пятнадцать новых сообщений. Ни одного от Джозефа, но я и не надеялась. Вот послание от мистера Дженкинса. К нему прилагается файл с фотографиями. Их я оставляю на потом.

Бегло просматриваю краткий, но информативный отчёт детектива. Сгорбившись на стуле, запускаю руки в волосы и растираю кожу головы, шею, плечи. Снова высыхает рот и в пальцах левой руки чувствуется лёгкое онемение. Ещё раз перечитываю отчёт Дженкинса.

Виктория Лебхорн окончила школу в Берлингтоне в 2005 году. В 2007 поступила в колледж Святого Михаила в Колчестере, но не закончила обучение из-за громкого скандала, связанного с распространением запрещённых препаратов. История замята родителями. Множество штрафов за превышение скорости. Два из них – за управление автомобилем в нетрезвом виде. Полгода участвовала в программе реабилитации. Несколько лет провела без работы, в настоящий момент числится главным администратором по обслуживанию ВИП-зала итальянского ресторана «Бушеми».

Мы ходили с Джозефом туда пару раз. Даже как-то отмечали там годовщину свадьбы. Значит, я могла её видеть?

Открываю файл с фотографиями. Вот юная Виктория в затемнённых очках с оправой в виде сердец, усыпанных стразами, позирует на фоне хромированного мотоцикла. Вот она держит в руках бокал с шапкой пивной пены, к которой тянется длинным розовым языком, дерзко глядя в объектив. На следующем фото она стоит на носочках, округлив губы, в коротких шортах, с зонтиком, и имитирует позу пин-ап модели. Бретелька яркого топа на одном плече спущена вниз, загорелая кожа цвета тёплой карамели украшена татуировкой в виде солярного символа.

Очень светлые, почти белые, волосы. На треугольном лице с мелкими, острыми чертами выделяются чересчур пухлые губы. Короткий вздёрнутый нос, блудливый взгляд, победная улыбка.

Даже если я и видела её в «Бушеми», то явно не обратила внимания. Мой взгляд всегда скользит мимо подобных девиц. Как выяснилось, Джозеф намного внимательнее меня.

Из сумки доносится звонок. На экране – местный номер Чейза. Вот уж не вовремя, но придётся разговаривать.

– Да, Чейз, я слушаю. Что? Повтори, я не расслышала, – не сразу понимаю я то, что он говорит мне.

– Миссис Уайт, слышите меня?! Сейчас слышно? – Чейз почти вопит в трубку, но его голос слышится как-то глухо, будто он говорит, замотав рот шерстяным шарфом. – Я говорю, на площадке нашли кости! Человеческие кости! Череп, берцовую кость, не знаю, малую или большую, я не разбираюсь в этом вообще. В колодце! Человеческие кости, вы слышите?!

Глава 6

Дневники Элизабет Пристли. Запись от шестнадцатого апреля 1912 года

Я делаю эти записи поздним вечером, спустя сутки после того, как Маргарет погрузилась в целительное беспамятство, вызванное действием хлорала.

Вчерашнюю ночь я провела в её спальне, приказав Абигаиль принести кушетку для меня и пару грелок, наполненных горячей водой, для кухни. К ужину я спускаться не стала, объяснив мистеру Вордсворту, что его дочь погрузилась в беспокойный сон и нуждается в моей заботе.

Я не сочла необходимым осведомить его о причинах глубокого обморока кухни, опасаясь неосторожными словами затронуть скандал, произошедший много лет назад в семействе Вордсвортов. К тому же неожиданная находка в сундуке с приданым моей тётки выглядит крайне загадочно, и прежде всего мне хотелось бы обсудить это с Маргарет.

Гость мистера Вордсворта, Виктор Крингель, вчерашним вечером представил мне дополнительные факты для того, чтобы считать его крайне дурно воспитанным и навязчивым молодым человеком, о чём я не премину рассказать кухне, когда представится подходящий момент и она немного окрепнет. Слыханное ли дело, чтобы посторонний мужчина, да ещё гость, поднимался на этаж, где живёт дочь хозяина дома и её незамужняя родственница! Несомненно, об этом вопиющем нарушении этикета должен узнать мистер Вордсворт, ведь пока мы с кухней гостим в его доме, он несёт полную ответственность за нашу безопасность и репутацию.

Это произошло вчера, когда я послала Абигаиль сменить остывшую воду в грелке. Буквально через несколько минут после этого в дверь спальни Маргарет негромко постучали. Я, конечно, сразу подошла к двери, досадуя на бестолковую горничную и несколько не ожидая увидеть в коридоре неприятного гостя мистера Вордсворта.

У меня, должно быть, был такой изумлённый вид, что Виктор Крингель слегка потерял свою обычную самоуверенность, потому как

голос его звучал весьма растерянно:

– Мисс Пристли, я приношу свои глубочайшие извинения за это неуместное вторжение, но мне необходимо знать, как состояние мисс Вордсворт?! Всё ли с нею в порядке, не требуется ли ей помощь доктора? Ещё раз прошу прощения, но потревожить вас меня заставила сильная тревога и нежелание пребывать в бездействии, когда мисс Вордсворт может нуждаться в неотложной помощи!

Мне пришлось несколько раз повторить мистеру Крингелю, всем своим видом показывая всю неслыханную дерзость и неуместность его поведения, что я в состоянии позаботиться о своей любимой родственнице и постороннее участие ей совершенно не требуется. К счастью, именно в этот момент обычно нерасторопная Абигайль принесла на подносе грелку для кузины и чашку горячего чая для меня. Виктору Крингелю не оставалось ничего другого, как мгновенно покинуть коридор второго этажа, смущённо принеся извинения.

Ночь я провела возле Маргарет, постоянно проверяя биение её сердца и обтирая ей лицо и грудь уксусом, потому как опасалась сухого жара, свидетельствующего о начале нервной лихорадки. Беспокойная ночь лишила меня сил и к рассвету я так глубоко погрузилась в дрему, что пропустила момент пробуждения кузины.

Разбудил меня лёгкий скрип, раздавшийся совсем рядом со мной, и я мгновенно поднялась с кушетки, ещё не совсем понимая, где же я нахожусь. Маргарет, подтянув к себе ноги и укутавшись в одеяло, с очень бледным лицом, но совершенно спокойная и, как мне даже показалось, сосредоточенная, сидела в кровати, наблюдая за тем, как утренний свет изгоняет последние лохмотья ночной тьмы.

– Как ты, дорогая? – спросила я, осторожно присев рядом с нею. – Зачем ты села? Тебе нужно беречь силы, давай я помогу тебе лечь и принесу свежую грелку. Ты давно проснулась?

– Не надо хлопотать, Бетти, я чувствую себя вполне здоровой, – произнесла Маргарет, бросив на меня серьёзный взгляд. – Я проснулась перед рассветом от сорочьего треска. Никогда раньше не замечала, что в Хиддэн-мэнор живут столько сорок. Не люблю их. Надоедливые птицы.

Я молча изучала лицо кузины, но выглядела она неплохо. Долгий сон пошёл ей на пользу, но я не знала, как заговорить с нею о

вчерашнем обмороке и о той находке, которая вызвала истерический припадок.

Внезапно она улыбнулась и протянула ко мне тонкие руки, заключая в объятия:

– Знаешь, Бетти, у тебя на лице написано, что ты не знаешь, как заговорить со мной о вчерашнем происшествии! И ещё мне кажется, что теперь ты относишься ко мне с опаской. Ну, признайся, ведь так? Ты боишься, что мной завладеет чёрная меланхолия и я стану целыми днями лежать с потухшим взглядом у огня, как моя несчастная мать.

– Вовсе я так не подумала, – возмутилась я, пряча лицо в её распущенных волосах и вдыхая запах ароматического уксуса, – просто ты напугала меня вчера до полусмерти, когда повалилась на пыльном чердаке. Всё время, что мы с Абигайль тебя несли вниз, ты не подавала признаков жизни.

– Меня осматривал доктор? – спросила Маргарет нахмурившись. – Наверное, доктор Джефферсон, ведь он ещё практикует?

– Нет, дорогая, с тобой всё это время были только я и Абигайль, – покачала я головой немного смущённо. – Я собиралась послать за доктором сегодня утром, если тебе не станет лучше. А вчера... Вчера я вернулась на чердак, оставив тебя ненадолго, и осмотрела твою находку. Не знаю почему, но я не стала рассказывать о ней мистеру Вордсворту, сначала я решила поговорить с тобой, если ты достаточно окрепла для этого.

– Какая же ты умница, Бетти, – слегка устало, но чрезвычайно искренне произнесла Маргарет и легонько прикоснулась губами к моей руке. – Ты всегда знаешь, как поступить самым лучшим образом. Как бы я жила без тебя все эти годы?

– Тебе бы и не пришлось, глупенькая, я всегда буду рядом с тобой, ведь мы родные души и должны любить друг друга и оберегать. Расскажи мне... Расскажи, почему ты вчера говорила про какую-то птицу? Почему ты была так напугана? – я пристально взглянула в глаза Маргарет, опасаясь новой вспышки нервного напряжения, но кузина только нахмурилась и резко встала с постели.

– Знаешь, Бетти, я умираю от голода. В столовой, должно быть, уже накрыли к завтраку. Обещаю, что расскажу тебе всё, но чуть позже. Будь терпелива и дай мне обдумать случившееся ещё немного.

Кивнув, я согласилась, но настояла на том, чтобы помочь кузине одеться. Когда я застёгивала тугие крючки платья из французской саржи, мне показалось, что Маргарет колеблется, испытывая желание рассказать мне обо всём сейчас, но тут она упрямо сжала губы и я не стала настаивать, опасаясь спугнуть её откровенность.

Спустившись в холл, мы услышали голоса мистера Вордсворта и его гостя, доносившиеся из столовой. Их разговор более походил на ссору, чем на утреннюю беседу, но когда мы вошли, то они тотчас же замолчали, а мистер Крингель вскочил на ноги и с фальшивым участием принялся расспрашивать кузину о её самочувствии.

Во время завтрака я подчёркнуто холодно отвечала на прямые вопросы мистера Крингеля о вчерашнем недомогании Маргарет, надеясь, что он осознает неуместность этого разговора. Отчуждение, ясно сквозившее между ним и мистером Вордсвортом, подарило мне надежду на то, что скоро мы лишимся его неприятного общества.

Маргарет же, напротив, покраснела и вела с мистером Крингелем бессодержательный, на мой взгляд, разговор о том, когда же английский парламент пойдёт на уступки женщинам, именуя себя суфражистками. Интерес кузины к подобным темам, возросший в последнее время, вряд ли можно было считать разумным, и это начинало меня тревожить.

Внезапно отец Маргарет издал удивлённый возглас, после чего, увидев немой вопрос на наших лицах, встряхнул газетой и с досадой швырнул её на стол.

– Докатились! Морская держава, называется. Полюбуйтесь-ка, Крингель, – пророкотал он гневно, подавившись кашлем и передавая своему гостю свежий выпуск «Дейли мейл».

– Если вы про катастрофу Титаника, мистер Вордсворт, то я уже видел эту статью и могу уверить вас, что это весьма прискорбное событие, хотя и ожидаемое, – Крингель с высокомерным выражением на лице принялся загибать пальцы, перечисляя, почему для него не явилось неожиданностью крушение самого большого и безопасного трансатлантического лайнера Британии.

Мы же с кузиной были чрезвычайно поражены случившимся. Маргарет даже позволила себе перебить мистера Крингеля, кичившегося своим всезнайством, взволнованно спросив:

– И что же, есть пострадавшие в этой кошмарной катастрофе? Как, должно быть, это ужасно! Ведь на борту было множество людей!

– Ну, как писали в газетах, треть билетов на первый рейс была раскуплена иммигрантами и прочим сбродом, так что в случае катастрофы жалеть бы стоило только человек семьсот, не более, – резко ответил мистер Крингель, раздосадованный, что его речь прервали, но тут же умолк, заметив выражение наших с кузиной лиц. – Прошу прощения, я вовсе не имел в виду...– принялся он оправдываться, не сводя глаз с кузины. – Извольте убедиться, в газете пишут, что жертвы отсутствуют. Всех пассажиров приняло на свой борт судно «Карпатия».

Отец Маргарет никак не прокомментировал жестокие и недопустимые слова своего гостя, он бросил на стол скомканную салфетку и быстро, насколько позволяло его больное колено, удалился. Бегло просмотрев газетную статью, Маргарет без слов вернула её мистеру Крингелю и вместе со мной покинула столовую. Надеюсь, что это мерзкое и недостойное заявление гостя мистера Вордсворта открыло Маргарет глаза на его истинную сущность.

После завтрака я надеялась уединиться с Маргарет в гостиной, где заранее велела Абигаиль разжечь камин, но она выразила категоричное желание отправиться на прогулку. Солнечное утро давало надежду на весеннее тепло, поэтому я не стала спорить и мы, облачившись в плотные накидки, отправились в сторону холмов.

После известия о крушении Титаника и мерзкой выходки мистера Крингеля мы обе были подавлены, но поднявшись на холм, покрытый цветущим дроздом и вереском, я всё же задала Маргарет терзавший меня со вчерашнего дня вопрос. Медлить я больше была не в силах, ведь мысль о том, что она в одиночку терзается неизвестными мне переживаниями, была непереносима.

К моему облегчению, Маргарет не стала увиливать и скрытничать. Мне даже показалось, что она давно ждала возможности поделиться со мной этой болью. Лицо её стало напряжённым, бледные губы сжались, как будто она говорила против своей воли.

– Знаешь, Бетти, тебе это будет сложно понять. Ты намного сильнее меня и твоя вера в божественное провидение поддерживает тебя даже в минуты скорби и уныния. Тебе, наверное, сложно представить, что других людей могут терзать страхи, которым нет

точного названия в нашем мире. Иногда мне кажется, что мы с тобой совсем разные. Испытываем приязнь к разным вещам, опасаемся разных обстоятельств. И ещё, иногда мне кажется, что я намного хуже тебя.

– Маргарет, не говори так, прошу тебя, – запротестовала я. – Мы выросли вместе, у нас с тобой нет никого ближе друг друга. Ты знаешь, что я всегда готова убереечь тебя, защитить, сделать всё, что в моих силах, чтобы ты была счастлива...

– Я знаю, Бетти, знаю, – перебила меня Маргарет и я умолкла, давая ей возможность говорить дальше. – Понимаешь, мне нелегко говорить об этом. Нелегко потому, что долгие годы, с самого детства, я скрывала этот факт из страха, что меня сочтут помешанной. Мне и сейчас трудно признаваться в этом, тем более тебе, самому здравомыслящему человеку, которого я знаю! Но эта вещь в сундуке... Она абсолютно реальна, ведь ты тоже видела её.

Кивнув, я погладила руку Маргарет в тонкой перчатке, поощряя её продолжать, но кухня замолкла, прикрыв глаза и часто дыша. Из-под полумесяца золотистых ресниц выкатилось несколько слезинок, они быстро пробежали по её лицу и пропали в высоком воротнике накидки.

– Много лет, с самого детства, меня является одно и то же ужасное существо, притворяющееся птицей, – Маргарет произнесла это свистящим шёпотом, не открывая глаз, и шумно сглотнула. – Оно постоянно преследует меня. Как только ложусь в постель, на какой-то зыбкой границе между сном и явью я начинаю чувствовать его приближение. Оно медленно, но неуклонно стремится ко мне, превращая всё окружающее в труху, в серую пыль. Как бы быстро я ни бежала, как громко ни звала бы на помощь – нет никого рядом, кто помог бы мне. Это так ужасно, Бетти, если бы ты знала, как это ужасно!

Шёпот Маргарет оборвался, её лицо, как она ни сдерживалась, исказилось от слёз. Достав из кармана большой платок, я передала его ей, а потом обняла и, ни слова не говоря, позволила кухне самостоятельно справиться с эмоциями, нежно поглаживая её по худеньким плечам. У меня в голове не укладывалось: как, при условии, что мы с нею были так близки все эти годы, я не узнала об этих

навязчивых кошмарах раньше?! Почему она скрывала это от меня? Ведь я никогда в жизни не посчитала бы её сумасшедшей!

Успокоившись, она подняла заплаканное лицо и, прерывисто вздохнув, произнесла:

– И в ту ночь, когда исчезла моя мать, я тоже видела птицу. Только не во сне, а по-настоящему. Помню, что я проснулась среди ночи от храпа Абигайль, которая сидела на стуле рядом с моей кроватью. Уснуть у меня больше не получилось, и я пробралась к окну, чтобы посмотреть, скоро ли рассвет. Тогда я и увидела... Это длилось совсем недолго, но в мою память эта картина врезалась навсегда. Как бы мне хотелось забыть об этом, ты не представляешь, Бетти!

Кузина прижала к горлу сжатые ладони и задышала часто-часто. Взяв её за руки, я заставила их разжаться и мягко спросила:

– Что ты увидела, Маргарет? Расскажи мне. Расскажи, тебе станет легче, обещаю!

– Птица, Бетти, большая, больше даже, чем обычно. Она низко летела, пересекая лужайку наискосок. У неё в лапах была моя мать, она прижимала её к себе, как прижимают ребёнка. В ярком свете луны я отчётливо видела свою мать – распущенные волосы, закрытые глаза. Птица двигалась рывками, будто ноша её тяготила, будто она искала силы для того, чтобы взмыть в небо. Как ты думаешь, я смогу когда-нибудь забыть об этом?

Пребывая в сильном потрясении от услышанной истории, я рассеянно кивнула кузине и спросила:

– А что было дальше? Ты рассказывала об этом кому-нибудь?

– Конечно же нет! – Маргарет в ужасе помотала головой. – Все подумали бы, что я тронулась умом. Ты первая, Бетти, кому я об этом рассказываю. Тогда же, в ту ночь, я настолько сильно испугалась того, что чудовищный кошмар вырвался из моего сознания на волю, что буквальным образом ни словечка не могла произнести. После этой ужасной сцены, которую я наблюдала из окна своей спальни, я побежала в комнату матери. Мне необходимо было её увидеть, убедиться, что она здесь, в доме, что злобный монстр, которого я только что видела, ничем ей не угрожает.

– И?... – спросила я, уже заранее зная, что скажет Маргарет.

– Да, Бетти, я нашла её комнату пустой, – кивнула кузина, комкая платок. – Дверь была не заперта, окна, когда я вошла в комнату,

полностью раскрыты, постель не заправлена. В комнате было очень свежо, ветер приносил запахи леса и скошенной травы. К ним примешивался сильный аромат розовой воды, которую она любила. До этого момента я надеялась, что увиденное было плодом моего воспалённого разума. Но обнаружив ночью её спальню пустой, я ужасно испугалась того, что кошмарное порождение моего сознания пробралось в реальность. Я вернулась к себе и принялась ожидать, когда оно придёт, чтобы забрать и меня тоже.

– Бедная моя девочка, почему же ты никогда не рассказывала мне об этом? – я притянула кузину к себе и хотела обнять, но она отступила на шаг и возбуждённо произнесла:

– Знаешь, Бетти, а ведь это довольно странно! Мать не любила открытых окон, она считала сквозняки убийцами, а свежий воздух – вредным для здоровья. В её комнате всегда было жарко натоплено, она вечно куталась в тёплые шали и любила сидеть у огня. Даже в комнате для занятий мы с Деборой были вынуждены находиться в духоте, если матери приходила вдруг охота понаблюдать за нами.

Вздвогнув, как от озноба, кузина подняла голову и долго смотрела в небо, на парящую прямо над нами птицу. Наконец, издав долгий вздох, она прервала молчание:

– Ты и не представляешь, Бетти, каким облегчением для меня стала эта жуткая находка на чердаке. Да, несомненно, я испытала сильное потрясение, даже, наверное, шок, но теперь я ясно понимаю, что мой разум здоров, что в ту ночь я не поддалась сумасшествию, ведь я видела реального человека, а не ожившего монстра из детских кошмаров.

– Мы не можем утверждать этого наверняка, – возразила я мягко, – прошло слишком много времени. Ты была ребёнком и поблёкшие воспоминания того времени могут оказаться ложными. Бурная фантазия, нервное потрясение после побега твоей матери...

– Бетти, милая, я знаю, что ты хочешь мне только добра, – Маргарет чуть нахмурилась, – но не надо так излишне оберегать меня. Не убеждай меня, что страшная картина, которую я видела в детстве, всего лишь плод моего воспалённого воображения. Вчера мы обе видели на чердаке зримое подтверждение того, что бегущая по лужайке птица не привиделась мне. Это произошло на самом деле.

Видя, как Маргарет взволнована, я не стала больше спорить с нею. Неожиданная находка на чердаке и правда выглядела крайне странно, особенно в свете воспоминаний кузины о той ночи, когда моя тётка покинула поместье. И была ещё одна вещь, которая представлялась мне необычайно важной, но которую я скрыла от Маргарет, оберегая кузину и заботясь о ней.

Будто подслушав мои мысли, она задумчиво произнесла, прикрыв глаза и сжав руки под накидкой, словно они озябли:

– В детстве я стала свидетелем разговора, который состоялся между моей матерью и тётушкой Мод. Они говорили о Ричарде Фергюсоне. О том, что он уже один раз чуть было не погубил мою мать и может сделать это снова. Наверное, лишь он знает, где она находится сейчас.

Кузина умолкла, опустив глаза. Мы никогда не обсуждали побег её матери, поэтому я не знала, что сказать ей на это. Но мы обе одновременно припомнили незнакомца с биноклем, которого видели возле поместья в то лето, когда миссис Вордсворт сбежала.

Кто это был? Сам Ричард Фергюсон или кто-то из его людей? Причастен ли этот человек к побегу миссис Вордсворт? И как ко всему этому относится странная картина, которую видела Маргарет в ночь исчезновения своей матери? Загадочный костюм, найденный в одном из сундуков на чердаке? Существовала ещё одна вероятность, но, щадя Маргарет, я не стала озвучивать свои мысли.

– Не думаю, что Ричард Фергюсон знает, где сейчас миссис Вордсворт, – неосторожно произнесла я, не сумев промолчать.

Маргарет не преминула воспользоваться моей оплошностью. Вскинувшись, она уставилась на меня цепким взглядом.

– Бетти, ты что-то скрываешь от меня, – утвердительно проговорила она, придвигаясь ко мне. – Ты не должна ничего от меня скрывать, ведь я и так слишком долго находилась в неведении. Если ты знаешь ещё что-то, что касается меня и всей этой истории, ты обязана рассказать мне об этом!

На мгновение я заколебалась. Да, я знала ещё кое-что, что относилось к истории семейного скандала Вордсвортов, но стоило ли мне посвящать в это Маргарет? То, что произошло так много лет назад, могло снова причинить кузине боль и погрузить в горькие

размышления, а это вовсе не пошло бы на пользу человеку её душевного склада.

Она заметила мою нерешительность и произнесла с необычной для неё настойчивостью:

– Не молчи, Элизабет. Расскажи мне всё, что знаешь!

Всегда такая мягкая и уступчивая, сейчас кузина Маргарет с твёрдостью во взгляде смотрела на меня, упрямо сжав губы и вынуждая говорить. Ветер бросил ей на лицо выбившуюся из причёски прядь волос, и она решительно отвела её рукой, продолжая пристально смотреть на меня.

У меня не оставалось другого выхода, кроме как отдать ей письмо, полученное мной от миссис Донахью. Та, смущаясь и густо краснея, вручила мне его в один из моих визитов на почту для получения корреспонденции от моего отца.

Несколько дней я носила его в кармане платья, терзаясь сомнениями относительно того, как мне следует поступить с информацией, содержащейся в нём. Несколько раз я порывалась сжечь письмо и забыть обо всём, что там говорилось, но до сих пор не нашла в себе сил сделать это. Содержание короткого письма врезалось мне в память, я знала его почти наизусть и теперь, когда Маргарет, чуть шевеля губами, читала его, я стояла, молча наблюдая за ней и готовясь объяснить причины своего поступка.

На конверте не было указано обратного адреса, а на единственном листке внутри него стояла дата «27 сентября 1905 года».

«Принимаю ваше мудрое решение безропотно и даю обещание никогда больше не беспокоить Вас своими чувствами. Теперь я понимаю, что не имел никакого морального права толкать Вас на безрассудный поступок, последствия которого пагубно бы отразились и на Вашей репутации, и на будущем Вашей дочери.

Не дождавшись Вашего появления в условленном месте, я сделал надлежащие выводы и теперь глубоко скорблю по несбывшейся жизни, о которой мы так мечтали, но признаю, что наше воссоединение стало бы тяжким ударом для Ваших близких, разрушив их судьбы.

Уповаю на милосердие Господа нашего, я отплываю из Саутгемптона с тем, чтобы никогда больше не возвращаться в

Англию. Ваши письма ко мне, составляющие для меня самую большую ценность в жизни, сегодня утром я сжёг дотла в гостиничном камине.

Да благословит Вас Господь.

Ричард Ф.»

Маргарет читала письмо намного дольше, чем я ожидала, а я смотрела на такое родное и милое моему сердцу лицо кузины, сострадая ей и не зная, как помочь.

– Как же так, Бетти?! – ошеломлённо спросила она, не отрывая взгляда от письма и растерянно возвращая его мне. – Разве Ричард Фергюсон не увёз мою мать из Хиддэн-мэнор? Она что, сбежала сначала от моего отца, а потом и от Ричарда?

– Не знаю, милая, – ответила я участливо, – теперь нам об этом уже не узнать, так ведь? Но это странно, очень странно.

– А как это письмо попало к тебе? – Маргарет пытливо посмотрела на меня и в её глазах я увидела тень разгорающегося гнева. – Ты вообще собиралась когда-нибудь отдать его мне?! Или что, ты хотела спрятать его в шкатулку и ни слова не сказать мне?

Я знала, что всё будет именно так. Знала, но не смогла ничего с собой поделать – душевный покой моей любимой Маргарет был для меня важнее её гнева и даже важнее истины. Поэтому я скрыла от неё письмо, из которого становилось ясно одно – мать Маргарет сбежала не с Ричардом Фергюсоном, он ничего не знал о её побеге и полагал, что та осталась с мужем и дочерью. Я не хотела, чтобы кузина заново переживала боль потери, которую моя тётка причинила ей.

Именно это я и попыталась объяснить, прибегнув ко всей силе своего красноречия и взывая к её здравомыслию. Я молила о прощении, но Маргарет продолжала стоять, как истукан, и смотреть на меня тяжёлым обвиняющим взглядом. Губы её превратились в тонкую напряжённую нить, а голос стал холоден и сух, будто она разговаривала с посторонним и неприятным ей человеком:

– Каким образом письмо оказалось у тебя, Элизабет?

– Миссис Донахью отдала его мне, когда я ходила в деревню. Я была одна, тебе нездоровилось. В лавке никого не было, кроме нас, и миссис Донахью объяснила, что письмо хранится у неё уже многие годы. Она опасалась отдать его тебе или мистеру Вордсворту, чтобы не

быть вынужденной упоминать старый семейный скандал, а уничтожить послание у неё рука не поднялась.

Я приблизилась к Маргарет ещё на шаг, но она лишь ожгла меня гневным взглядом:

– Элизабет Пристли, ты собиралась отдать письмо мне? Или ты хотела скрыть его от меня?

Голос кухни звучал до того бесстрастно, будто она спрашивала о ничем не значащей безделице, но я чувствовала, что от моего ответа зависит очень многое.

– Так собиралась или нет?! – гнев прорвал оборону Маргарет, на её глазах показались слёзы.

– Нет, не собиралась, – тихо ответила я, – я хотела уберечь тебя от всего, что могло бы тебе навредить. Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты снова страдала. И я жалею, что показала тебе это глупое письмо, жалею, что теперь мы ругаемся из-за него!

– Ты жалеешь только об этом? – спросила Маргарет, и в её голосе я уловила презрительные нотки.

После она произнесла фразу, оставшуюся для меня непонятной:

– Знаешь, Элизабет, думаю, что обрадую тебя – ты очень похожа на тётушку Мод.

Глава 7

2014 год. Джо Уайт

Истеричные выкрики Чейза звенят в моей голове, пока я торопливо шагаю по дороге, ведущей к поместью Хиддэн-мэнор. Крюгеру придётся подождать моего ежедневного отчёта, но что-то подсказывает мне, что он вряд ли его обрадует.

Позади меня раздаётся знакомое стрекотание. Обернувшись, я вижу крупную сороку – она сидит, погрузив крючковые лапы в дорожную пыль и, наклонив голову вбок, смотрит на меня. Никогда раньше не замечала, какие это всё-таки неприятные птицы.

Уже подходя к поместью я увидела, как почти вся прибывшая сегодня техника вместе с рабочими удаляется прочь, в сторону Окгемптона. Чертыхнувшись, вызываю Чейза:

– Абрахам, я не поняла, почему ты отпустил рабочих?! Мы должны предоставить Крюгеру предварительную смету максимум к четвергу! Проблема же в колодце, правильно я понимаю? Остальные работы могут продолжаться...

– Подождите, миссис Уайт, – голос Чейза звучит устало и напряжённо, – тут представители местной полиции. Вы где находитесь? Я сейчас встречу вас и мы поговорим.

У ворот поместья стоят пустая полицейская машина, крытый брезентом серый фургон и пикап с логотипом местной фирмы. Рабочие, освобождающие подъездную аллею от веток и прочего мусора, смотрят на меня вопросительно, пока я пробираюсь через завалы. Некоторые из них собирают инструменты и грузят их в пикап. От них отделяется высокий мужчина в очках, который решительно направляется ко мне.

– Вы что, сворачиваете работы? – опережаю я его. – Это нарушение контракта, вы в курсе?! В этом случае мы имеем полное право отказаться от оплаты доставки оборудования.

Мужчина слегка опешил от моего напора, прежняя решимость сходит с его лица:

– А что нам ещё остаётся? – разводит он руками. – Полиция потребовала приостановить все работы, мистер Чейз отпускает нас на

неопределённый срок.

– Такие решения принимает не мистер Чейз, и не полиция. Генеральным куратором проекта являюсь я, Джозефина Уайт, и подобные вопросы обсуждаются прежде всего со мной. Вы не можете свернуть работы, не поставив меня в известность.

В моём голосе чересчур много гнева, но меня привело в ярость самоуправство Чейза. Остальные работники молча наблюдают за нашей перепалкой, хмуро переглядываясь.

– Даже не вздумайте отгонять технику, – серьёзно предупреждаю я их бригадира и двигаюсь дальше.

Навстречу мне спешит Абрахам, торопливо перебирая тонкими ногами в слишком узких джинсах. На лице у него застыла гримаса растерянности, сейчас он выглядит намного младше своих лет.

– Чейз, что происходит? – спрашиваю я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заорать. – Какого хрена ты отпустил всех? Куда пропало оборудование? Где техники? Ты понимаешь, что мы работаем с ними по контракту?! Мы же разоримся на неустойках! У нас, твою мать, сжатые сроки! Ты хоть представляешь, что мне скажет Крюгер?

Чейз, видимо, и правда страдает неврозом. Уголок его рта чуть заметно подёргивается, правой рукой он беспомощно машет куда-то себе за спину.

– Миссис Уайт, это ведь не я придумал, да?.. – мямлит он. – Полиция в жёсткой форме потребовала удалить с территории всё оборудование и большегрузную технику. А рабочих-то какой смысл в этом случае держать? Полицейские оцепили место, где нашли... останки. Я же не мог с ними спорить, правда ведь?

– Если ты не можешь, – значит, я попробую, – бормочу я по дороге к месту, где стоят двое полицейских. За ними виднеется жёлтая лента, которой окружены колодец и несколько куч земли, вынутой из него. Эксперты, молодые парни с непроницаемыми лицами, упаковывают в большой непрозрачный пакет какие-то ошмётки, совершенно непохожие на кости, как их обычно показывают в фильмах.

Непонятно, кто из полицейских главный, но я выхожу вперёд и протягиваю руку самому высокому из них:

– Добрый вечер, я Джозефина Уайт, генеральный куратор проекта по реконструкции поместья Хиддэн-мэнор. Не могли бы вы объяснить

мне, по какой причине вы требуете удалить с территории оборудование, к слову сказать, весьма недешёвое, и почему?..

Мне не даёт закончить один из экспертов. Он резко поднимается на ноги и, повелительно махнув своему коллеге, обращается к верзиле полицейскому:

– Минимум лет семьдесят, слышишь, Маккормик? Может, и больше. Завтра или послезавтра скажу точнее, а пока грузимся.

Он вместе со вторым экспертом подхватывает носилки, а инспектор переводит взгляд на меня и хмурит брови.

– Миссис Уайт, скажите спасибо, что я не оцепляю всё поместье до выяснения обстоятельств, – голос его звучит грозно, но взгляд почти дружелюбный. – Существуют определённые требования, которые должны выполняться на месте происшествия. Одно из них – никакой тяжёлой техники, работающего оборудования и скоплений людей. Здесь произошло преступление, мисс, если вы не заметили.

– Вы что, надеетесь раскрыть его по горячим следам? – усмехаюсь я. – Убийца уже, скорее всего, лежит в могиле. А у меня тут живые люди работают, на зарплату надеются. Скажите хоть, долго вы тут командовать собираетесь? Я ведь тоже человек подневольный, мне начальству отчитаться нужно, – давлю я на жалость, посылая инспектору улыбку, которая означает «спасите леди, попавшую в беду».

– Ну-у, – тянет инспектор Маккормик, – в доме-то вы работы продолжать можете. Если там ничего подозрительного не найдётся. Ничего там не находили?

– Нет, – качаю я решительно головой. Слишком решительно, инспектор сразу нахмурился и уставился на меня.

– Пауки только очень подозрительные, – шучу я, чтобы он расслабился. – Так и снуют, так и снуют. Возможно, затевают военный переворот, – доверительно сообщаю я ему, наклонившись чуть ближе.

Инспектор сдержанно улыбается.

– А у вас крепкие нервы, как я посмотрю? – добродушно замечает он. – Местные шепчутся, что убийство – это дело рук призрака из ущелья.

– Это официальная версия полиции? – вскидываю я брови в притворном изумлении. – Даже если это и дело рук кровожадного призрака, то не советую ему попадаться у меня на пути.

Инспектор Маккормик с напарником терпеливо и тщательно окружают место преступления специальной лентой, крепя её к колышкам, вбитым в землю. Сверху они накрывают эту конструкцию огромным тентом, и только на этом успокаиваются.

Всё это время мы с Чейзом молча стоим в отдалении и отстранённо наблюдаем за действиями местной полиции. Начался небольшой дождь и мой ассистент, набросив на голову объёмный капюшон, становится похож на нахохлившуюся голенастую птицу. Он ещё не знает план наших дальнейших действий, бедняга, и немного обижен из-за того, что я на него накричала.

Закончив, полицейские сдержанно машут нам руками и наконец уезжают. Бригаду рабочих по благоустройству подъездной аллеи я всё-таки отпустила полчаса назад, когда стало понятно, что придётся подчиниться требованиям инспектора Маккормика.

– Ну что, миссис Уайт, – прерывает наше затянувшееся молчание Чейз, стараясь не смотреть в сторону колодца, укрытого тентом, – проводить вас до гостиницы? Я, если честно, продрог до костей. Что вы скажете Крюгеру? По поводу окончательной сметы?

– Окончательную смету Крюгер получит вовремя, как и предполагалось, а покупатель, которого я нашла с таким трудом, будет оповещён о сроках проведения реконструкции поместья на позднее следующего вторника, – говорю я спокойно, а затем решительно поворачиваюсь к Чейзу. – Потому что мы с тобой сегодня проведём визуальный осмотр отдельно стоящего здания, заключение по которому не успели дать техники.

– Как сегодня?! – ужасается Абрахам и даже в сумерках я вижу, как его взгляд на мгновение метнулся к колодцу. – Через полчаса стемнеет, да и полицейские проводить какие-либо изыскания на этом участке площадки запретили.

– А мы и не будем здесь ничего проводить, – я почти веселюсь, наблюдая за тихой паникой Чейза. – Мы осмотрим это строение изнутри! Ты же говорил, что вы с техниками обнаружили сохранный и вполне безопасный ход из библиотеки. Состояние стен, перекрытий и фундамента мы сможем выяснить и находясь внутри здания. Так даже лучше. И инспектор нам вовсе не запрещал работать в доме.

– Но визуального осмотра будет недостаточно! – нет, всё-таки Чейз сопротивляется моему плану, как может. – Обязательно нужна

сейсмоспектральная дефектоскопия! Инструментальная экспертиза с ультразвуковым оборудованием. Нужно делать линейные замеры, откапывать шурфы... Да тут минимум десять человек нужны! И оборудование! И...

Решительным жестом я прерываю перечисление причин, по которым исполнение моего плана невозможно, и мягко говорю, вглядываясь в лицо встревоженного ассистента:

— Абрахам, ты пойми, в этом проекте участвуют огромные деньги. Клиент, который заинтересован в покупке дома, — очень, очень богатый человек. Его совершенно не интересуют гнилые кости какого-то пьяного забулдыги, свалившегося в колодец чёрт знает когда, да и меня, если честно, тоже. Покупателя, мистера Крюгера, меня и тебя — всех нас интересует только своевременное исполнение намеченного плана. От которого мы не должны отклоняться, слышишь, Абрахам? И ещё, скажу тебе честно, я не хочу застрять здесь до декабря. Я хочу как можно быстрее закончить свой блок работ и улететь домой. У меня в Берлингтоне очень, очень важные дела, которые нельзя пускать на самотёк.

Когда я договорила, Чейз обречённо ссутулил спину и я поняла, что его сопротивление сломлено. Но всё равно он не отказал себе в удовольствии поныть:

— Но как же, миссис Уайт, а оборудование? У нас же ничего с собой нет...

— Тебя же учили проверять целостность гидроизоляции, остаточный прочностный ресурс, внутренние пустоты и тому подобное? Ты же по образованию техник-строитель? Значит, справимся! Всё равно Крюгер всегда прибавляет в уме процентов пятнадцать на форс-мажоры. Для нас сейчас главное — не сорвать сроки, пойми.

Пока мы спорим, дождь утихает, и в летних сумерках громада дома постепенно приобретает чарующий открыточный вид, чуть смазанный, как на старых картинах. Приунывший Чейз, пытаюсь быть вежливым, принимается расспрашивать меня о важных делах, которые требует моего присутствия в Берлингтоне, но я перевожу разговор на другую тему. Перед глазами сразу возникает распутная улыбочка Виктории Лебхорн, а мысли о ней мне сейчас не нужны.

Достав из сумки два мощных светодиодных фонаря, я вручаю один из них Чейзу и, заметив его обречённый вид, подмигиваю:

– Справимся часа за четыре, вот увидишь! А если поторопимся, то и раньше. Возле моей гостиницы вроде бы есть приличное заведение. Поужинаем, выпьем местного пива – я угощаю.

Чейз смотрит на меня с сомнением, но через пару секунд всё-таки улыбается, заражённый моим энтузиазмом.

– А что, миссис Уайт, вдруг мы найдём что-нибудь интересное? Под зданием находятся обширные подвалы, судя по архитектурному периоду – винные. Вдруг там ещё что-нибудь осталось? Хотя, наверное, местные давно уже всё вытаскали. Недавно на аукционе в Миннесоте...

– Абрахам, – прерываю я его и делаю строгое лицо, – если ты хочешь заняться поисками сокровищ – смени профессию. Сейчас мы с тобой должны лишь быстро и качественно завершить предварительный осмотр и предоставить Крюгеру расходную смету. Больше ничего! Мы не ищем сокровища, винные бутылки, золото, бриллианты и старинные доспехи времён Крестовых походов. Настрой камеру и приготовься делать замеры – это всё, что сегодня от тебя потребуется.

В световом пучке мощного фонаря библиотека выглядит так, будто мы находимся под толщей воды, в каюте затонувшего судна. Рухнувший стеллаж с книгами больше не служит ширмой для входа в тайный туннель, соединяющий дом с отдельно стоящим зданием. Мой ассистент, помедлив секунду, всё-таки входит в его мрачный зев первым, но я вижу, что луч его фонаря дрожит. Когда я нанимала Чейза, то не думала, что он такой впечатлительный и нервный субъект.

Тайный ход отлично сохранился, что весьма удивительно. На его стенах виднеется небольшой конденсат, собирающийся в тяжёлые капли, но в целом состояние совершенно удовлетворительное. Идём мы примерно десять минут, после чего натываемся на проржавевшую металлическую дверь. Слева от неё находится пролом в стене, откуда сильно тянет сыростью. Мне в голову опять приходит мысль, что мы с Чейзом будто бы бредём с аквалангами по затопленному кораблю, и вот-вот в свете фонарей мелькнёт чешуйчатое тело какого-нибудь морского обитателя.

Вдвоём пробуем открыть дверь, навалившись на неё, но толстый металл, хоть и изъеден коррозией, всё ещё остаётся серьёзной преградой. Приходится идти дальше через пролом в стене.

Мы оказываемся в длинной пустой комнате с низким потолком. По углам громоздится какая-то рухлядь, покрытая мохнатой пылью, шевелящейся от перемещений воздуха. Здесь немного пахнет плесенью, что само по себе уже не очень хороший признак. К тому же трещины на стенах говорят о просадках основания фундамента. Многолетние циклы замерзания и оттаивания грунтовых вод не пошли зданию на пользу, сделать из него жилой корпус, как я предполагала, вряд ли получится.

Пристегнув фонарь к поясу и сосредоточившись на голосе Чейза, начинаю фиксировать информацию для отчёта, переходя вслед за ассистентом из помещения в помещение. В каждом из них чувствуется сильная сырость, а в свете фонаря видны жирные мокрицы, облепившие углы, где, видимо, и скапливается наибольшее количество влаги.

В следующей комнате Чейз умолкает и, наклонив голову, к чему-то прислушивается.

– Миссис Уайт, вы слышите? – говорит он, резко повернувшись ко мне и ослепляя световым пучком фонаря. – Звуки? Похожи на чьи-то голоса.

– Не выдумывай, – отвечаю я с досадой. – Откуда здесь взяться голосам? Под нами течёт подземная река, это её шум мы слышим. Долго ещё? Что мы ещё не сделали?

– Осталось взять пробы грунта из основания и из тела фундамента. Для лабораторных исследований. Вы меня подождёте?.. – спрашивает Чейз равнодушно, но я вижу, как не хочется ему оставаться здесь одному.

– Да, не торопись, – спокойно отвечаю я, передавая ему жёсткую тару для консервации проб.

Пока он возится у дальней стены, я возвращаюсь в предыдущую комнату и осматриваю потолки и перекрытия, прицельно направляя на них сфокусированный луч. В углу обнаруживается перевёрнутый металлический стол, весь покрытый ржавчиной.

Медленно ведя лучом фонарика по стене, я вдруг замечаю то, что пропустила во время предыдущего осмотра. На одном участке стены

змеится глубокая трещина. Даже не знаю, как я не обнаружила её сразу.

Положив фонарик на пол таким образом, чтобы он светил в нужную мне сторону, я оттаскиваю стол к противоположной стене. Раздаётся жуткий скребущий звук и в проёме появляется встревоженный Чейз.

– Всё нормально, Абрахам, – машу я ему рукой, разгибаясь и вытирая со щеки влажную каплю, упавшую с потолка. – Продолжай брать пробы, а я пока тут кое-что проверю.

Он, помедлив, пропадает, и свет его фонарика удаляется. Подойдя ближе к стене, я выясняю любопытный факт – кирпичная кладка цела, а то, что я приняла за трещину, является довольно глубокой щелью между стеной и толстой металлической скобой. Передо мной дверь, ведущая в следующее помещение, вот только она настолько незаметна глазу, что её можно назвать потайной. Пока здание не начало проседать под собственной тяжестью, дверь, скорее всего, было невозможно заметить с первого взгляда, к тому же металл когда-то был покрыт толстым маскирующим слоем краски.

Как показывает практика, обычно тайники устраивали в домах, но всегда бывают исключения. Вообще всякий, кто так или иначе сталкивается со старинными особняками и поместьями, поначалу всегда мечтает отыскать если и не потайную комнату, забитую до потолка ценным антиквариатом, то хотя бы небольшую реликвию, которая позволит прикоснуться к утраченному времени.

Хорошо помню, как профессор Йельского университета с пылающим лицом рассказывал о своей находке в одном из заброшенных особняков Лондона – ему посчастливилось найти в тайнике несколько записок, принадлежавших перу мадам Пи-Эйч, как её тогда называли, или Елены Блаватской, – известной на весь мир основательницы Теософского общества. Находка эта в своё время наделала много шума, пока не выяснилось, что записки были всего лишь искусной подделкой.

Тем не менее каждый историк, каждый реставратор верит в то, что однажды сумеет отыскать нечто, погребённое под пыльной толщей времён и ожидающее лишь его пристального взгляда.

Никакой ручки на железной двери не имеется. Приблизившись к ней вплотную и медленно ведя световым пучком фонарика, я

обнаруживаю следы, указывающие на засов, закрывающийся изнутри. С внешней же стороны торчит только несколько ржавых выступов. Без особой надежды я тяну за них и ощущаю, что дверь с трудом, но поддается. Между стеной и листом железа появляется просвет, из которого вдруг проникает затхлый кисловатый запах.

Судя по звукам, Чейз всё ещё возится с образцами, и я не стала его дожидаться. Не смогла отодвинуть тот момент, когда то, что являлось тайным много десятилетий, явится мне одной. Не знаю, что я собиралась там отыскать – фамильные драгоценности предыдущих владельцев, тайное убежище преступного синдиката или сундук со старинными монетами, но я совсем не ожидала встретить то, что там находилось все эти годы на самом деле.

Сначала мощный луч фонарика осветил пустоту – каменные плиты пола, низкий почерневший потолок. Стоя в дверном проёме, я почувствовала слабый порыв сквозняка, принёсший запахи речной воды. Отдалённый шум подземной реки, похожий на невнятное человеческое бормотание, слышится здесь намного отчётливее, чем снаружи.

Убедившись, что помещение безопасно и риск обрушения минимален, я шагнула внутрь и с неохотой вдохнула запах сырости с медным привкусом. И тут свет фонарика выхватил из тьмы картину, от которой я мгновенно утратила самообладание.

Из моего горла вырвался хриплый вопль. Непроизвольно дёрнувшись в сторону и потеряв равновесие, я попыталась одной рукой нащарить какую-нибудь опору, отчего на меня обрушилось что-то огромное, придавившее к столу, на котором и находилась так испугавшая меня находка. Фонарь выпал из моих рук и тут же погас.

От мысли, что я, возможно, лежу сейчас на черепе, который, радушно приветствуя гостя в своём тайном убежище, ухмылялся секунду назад прямо мне в лицо, я сдавленно закричала и в тот же момент ощутила, как шею пронзила резкая боль.

Те несколько минут, которые Чейзу понадобились для того, чтобы понять, где я нахожусь, были самыми страшными в моей жизни. Отчаянно дёргаясь всем телом, я сумела сползти на пол и получила ещё один ощутимый удар по голове той штукой, которая и повалила меня в объятия мертвеца. Пульсирующая боль в шее мешала мне

мыслить здраво и я являла собой жалкое зрелище, ползая на полу в поисках потухшего фонарика и зажимая рану одной рукой.

Бледное лицо Чейза, ввалившегося в потайную комнату, выражало такой несусветный ужас, что это почему-то быстро заставило меня взять себя в руки. С его помощью я встала на ноги и, пошатываясь, отошла подальше от стола. Руки моего ассистента были холодны как лёд.

– Вы вся в крови, – со страхом проговорил Чейз, доставая из поясной сумки бинт в индивидуальной стерильной упаковке. – Что здесь произошло?

По шее текло что-то горячее, тонкая блузка с одной стороны успела пропитаться насквозь.

– Не знаю, Чейз, я сама толком не поняла, – ответила я хриплым голосом, обматывая бинтом шею и стараясь не клацать зубами. – Там, на столе... Что-то острое, возможно, нож. И ещё там чей-то череп. Я упала туда и сильно поранилась.

В ярком свете фонарика обнаруживается причина моего ранения – толстые осколки стекла. Один из них, плавно изогнутый, лежащий плашмя, залакирован блестящей кровью. Под стеклянным крошечком виднеется свёрнутый вчетверо лист бумаги – к нему медленно подбирается алая капля, и я еле успеваю выхватить его, оставив на краешке кровавый отпечаток.

Череп нигде не видно, видимо, я скинула его на пол, пока отчаянно дёргалась, пытаюсь встать, а под ногами валяется двухметровый бронзовый торшер на трёх львиных лапах. Наступив на него, я запинаюсь и чуть не падаю на Чейза, продолжающего с ужасом смотреть на меня.

– Бинт, – хрипло выговаривает он, показывая пальцем на мою шею.

Приложив руку к повязке, я ощущаю, что она пропиталась кровью. Пальцы стали влажными и липкими. Боль, что удивительно, почти перестала чувствоваться, только голова чуть кружится и немного подташнивает от приторного ржавого запаха.

– Вам в больницу надо! Немедленно! – встревоженно говорит Чейз с истеричными нотками в голосе и, полуобняв меня, выводит наружу, прочь из тайного склепа. – Только как мы доберёмся туда без машины? Вы же истечёте кровью. У вас наверняка перерезана артерия!

– Если бы у меня была перерезана артерия, я бы сейчас с тобой не разговаривала, – резонно замечаю я, шагая к выходу и прижимая к шее свежий бинт. Чейз, чья Библия – инструкция по безопасности, во время проведения работ носит с собой неистощимые запасы бинтов и пластырей. – Это царапина или небольшой порез. Но нам всё равно придётся звонить Маккормику. Мы не можем скрыть факт обнаружения ещё одного мертвеца, даже ради мистера Крюгера.

– Миссис Уайт, а вы уверены, – с запинкой спрашивает Чейз, подозрительно на меня косясь, – что там и правда был череп? Вы сильно поранились, испугались...

– Давай вернёмся и проверим, – спокойно предлагаю я, но Чейз уже набирает номер инспектора.

В ожидании приезда сотрудников полиции мы с моим ассистентом сидим на пороге парадного входа, наслаждаясь чистым прохладным воздухом, в котором чувствуется недавний дождь. Чейз навертел мне на шею повязку, такую огромную, что я даже голову опустить не могу. Кровотечение, кажется, остановилось, но он всё равно каждую минуту взглядывает на меня с тревогой и всё время повторяет: «Ещё немного, миссис Уайт, потерпите ещё немного. Сейчас они приедут». Чейз стал бы отличным сотрудником неотложной помощи. Его толстовка, которую он набросил мне на плечи, уютно согревает левый бок, к которому прилипла мокрая и холодная ткань блузки.

Про письмо из склепа я вспоминаю не сразу, а когда мысль о нём приходит мне в голову, то я досадливо морщусь. Его, несомненно, придётся отдать, но сначала я должна прочесть то, что там написано, ведь эта находка по праву принадлежит мне. Можно даже сказать, что я получила её в результате схватки с мертвецом.

Попросив Чейза подсветить мне, охая, встаю и аккуратно достаю из рабочей сумки спрятанный там конверт. Мы с Чейзом молча переглядываемся и понимаем, что чувствуем сейчас одно и то же – исследовательский азарт и щекочущее возбуждение, охватывающие тебя целиком, когда в руки попадает предмет из прошлого, являющийся частичкой чьей-то истории, возвращающий к жизни тех, кого уже нет. Мы будто готовимся заглянуть в замочную скважину, чтобы увидеть за ней то, чего давно уже не существует.

Я протираю руки дезинфекционным раствором, а затем чистым бинтом. Конверт не запечатан. На нём нет никаких записей, он чист. Осторожными движениями я извлекаю из него сложенный вчетверо лист бумаги, покрытый частыми строчками. Письмо находится в отличном состоянии, по-видимому, хранилось много лет в той стеклянной колбе, которую я раздавила в процессе неравной борьбы с бронзовым торшером, но на сгибах бумага такая хрупкая, что мы читаем его, разложив в чистой жестяной коробке для консервации грунтовых проб. Внизу страницы расплылось поблёкшее чернильное пятно, скрывающее окончание письма.

«Я не знаю, перед кем мне следует извиняться, но всё-таки молю, заклинаю о милосердном прощении за то, что я сотворил.

Всю свою жизнь я прожил с убеждением, что бога не существует ни на земле, ни на небе, и только человеческий разум способен освещать хаос существующего мироустройства. Но вот что странно – существование дьявола или иной разрушительной силы, влияющей на судьбы людей, я допускал всегда.

Моё время истекает, оно уже на исходе, и мне некого винить в этом, кроме самого себя. Иллюзия могущества и непомерное тщеславие вымостили мою личную дорогу к адскому пламени, где меня ожидает заслуженная кара.

Сегодня, 15 августа 1912 года, в три часа пополудни, я, Генри Вордсворт, принял добровольное решение расстаться с жизнью. Большая доза хлорала поможет мне завершить земной путь, на котором меня более не ждёт ничего утешительного.

В ожидании, когда распахнётся эта последняя дверь, я хочу успеть высказать то, о чём долго молчал.

Вирджиния, моя горькая любовь, попытайся простить меня! Я не уберёг твою дочь и участь, которая может её постигнуть в будущем, лежит тяжким бременем на моих плечах. Где бы ты ни была, прости меня, и я надеюсь лишь на то, что ты обрела счастье, как того хотела многие годы.

С полной уверенностью заявляю, что Виктор Крингель – вор, убийца и, с высокой долей вероятности, германский шпион. Не сомневаюсь, что в будущем он может погубить не только Маргарет, но и сотни, тысячи таких же невинных душ. Я предвижу страшные,

чудовищные события с участием таких вот викторов и ему подобных безумцев, одержимых манией разрушения и мирового господства. Я был настолько слеп, что правда эта открылась мне слишком поздно.

Всё, над чем я работал все эти годы, задокументированные результаты всех моих исследований и экспериментов – всё это Виктор Крингель забрал с собой, покидая мой дом тайно, как преступник. Страшно думать, кому он может передать эти документы, и как ими воспользуются эти люди.

И самое главное, пока у меня ещё есть силы писать – дверь, которая находится за моей спиной! Те, кто найдёт моё письмо – не открывайте эту дверь, не заходите туда! Это может послужить причиной страшной...»

Глава 8

Дневник Элизабет Пристли. Запись от 15 августа 1912 года

Я утверждаюсь в мысли, что каждым из нас руководят мотивы и побуждения, остающиеся тайными и для окружающих, и зачастую для нас самих. Некие скрытые пружины, приводящие в действие рассудочный механизм нашего сознания. Пружины, которым мы повинемся, словно марионетки.

Но кто же тогда невидимый кукольник, приводящий в действие весь механизм? Господь наш? Но будет ли честным возлагать на него ответственность за работу дрянных механизмов, заставляющих нас совершать дурные поступки?

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу все предпосылки свершившихся событий, которые привели к закономерному финалу. Долгое время я не замечала этих признаков, а теперь вижу, что будущее было предreshено уже в первый день нашего с кузиной прибытия в Хиддэн-мэнор.

Любящее сердце слепо и хочет верить лишь тому, что не сможет ранить его, не замечая рациональных объяснений и надеясь лишь на лучшее.

Мои вещи уложены в дорожные саквояжи, экипаж, который отвезёт меня на станцию, должен прибыть через два часа. Я делаю эти записи в последний день моего пребывания в Хиддэн-мэнор, и я не одинока в своих горьких размышлениях о причинах, побудивших Маргарет тайно покинуть поместье вдвоём с Виктором Крингелем.

Сейчас мне следовало бы находиться возле мистера Вордсворта, попытавшись по мере сил облегчить его потерю, но у меня нет на это душевных сил.

Отец Маргарет постарел за эти дни ещё сильнее, если это возможно. Утром, когда мы встретились за завтраком, он выглядел как немощный жалкий старик, одной ногой стоящий в могиле.

Его руки, обезображенные шрамами и следами ожогов, беспомощно тряслись, глаза покраснели и слезились, как у старого больного пса (да простит мне Господь эти слова), и он, глядя на меня с

мольбой, всё повторял в исступлении: «Она меня не простит?!. Но меня обокрали, я не виноват. Он забрал у меня всё! Вор, гнусный вор!»

Отец Маргарет в тот момент был похож на вздорного старика, чей разум изъеден старческой немощью. Я видела много подобных примеров в приюте церковного прихода, куда приходила по вторникам для чтения вслух газет и писем.

Всё началось с того, что после той странной находки на чердаке и откровенного разговора, состоявшегося между нами, поведение Маргарет начало неудержимо меняться. Кузина стала чаще обычного уединяться в своей комнате, не отзываясь на стук в дверь и выказывая на мои последующие расспросы о её времяпрепровождении неуместное раздражение.

Я заметила, что она избегает отца, старается не находиться с ним наедине и всегда выходит из комнаты под надуманным предлогом, отчего на его лице появлялось огорчённое недоумение.

Иногда мне казалось, что я совсем не знаю свою кузину, несмотря на множество лет, проведённых в тесном соседстве. Странное чувство, будто чужой и равнодушный человек незаметно занял место моей любимой чуткой Маргарет. Находка на чердаке и письмо Ричарда Фергюсона будто вскрыли в её душе некий мучительный нарыв.

Не могу сказать, что эти изменения в её характере обрадовали меня. Думаю, что тогда и началось отчуждение между нами, которое бросило кузину в объятия негодяя и проходимца – Виктора Крингеля. О, как я была права, убеждая Маргарет уехать из Хиддэн-мэнор как можно скорее!

С течением времени я начала всё отчётливее понимать, что мы с кузиной стремительно отдаляемся друг от друга. Возможно, если бы я не была с нею такой категоричной, то этот процесс не произошёл бы столь стремительно, но в нас обеих в те дни будто вселились бесы, сделавшие наши сердца глухими, а души озлобленными.

Примером может служить наш разговор за завтраком, состоявшийся несколько недель назад. В то утро Маргарет спустилась в столовую с опозданием. Когда она села на своё привычное место напротив меня, то я сразу же отметила в её облике что-то необычное. В гризетовом платье невнятного оттенка и с гладко причёсанными волосами кузина была похожа на прислугу, к воротничку её одеяния была приколта полотняная брошь провокационной расцветки –

белый, пурпурный и зелёный образовывали известный триколор суфражисток.

Посмотрев на меня с вызовом, Маргарет принялась с независимым видом намазывать хлеб апельсиновым джемом, попутно кидая на меня короткие взгляды. Я сразу поняла, что она ожидает от меня вопросов, и мне почему-то ужасно не захотелось доставлять ей такое удовольствие, – в последнее время кухня часто бывала несносна и вступала со мной в длительные споры даже по незначительным поводам.

Я не спеша пила кофе, когда в столовую вошёл Крингель, и меня неприятно царапнуло тёплое приветствие между Маргарет и гостем мистера Вордсворта.

– Вы всё-таки на это решились?! – Виктор Крингель расплылся в торжествующей улыбке и подошёл к Маргарет. – Я безмерно восхищён вашей смелостью, вашей силой духа, дорогая мисс Вордсворт! Храбро отстаивать свои убеждения, невзирая на всеобщее порицание – вот настоящая отвага. Вот с кого нам всем стоит брать пример! А вы как считаете, мисс Пристли? – обратился он ко мне.

Я не могла более делать вид, что не замечаю странного украшения на платье кухни, но его истинное значение оставалось для меня весьма туманным. Конечно, я знала, что женщины, именующие себя суфражистками, носят подобные трёхцветные розетки, но мысль о том, что моя Маргарет добровольно собирается вступить в ряды этих скандальных особ, показалась мне смешной.

Примерно в этих выражениях я и высказалась, когда мистер Крингель вынудил меня обозначить вслух своё мнение. Не успела я закончить свою аргументированную и логически выверенную речь, как Маргарет вспыхнула и, оттолкнув от себя приборы, негодуя произнесла:

– Я знала, знала каждое твоё слово ещё до того, как ты заговорила. Ничего другого я от тебя и не ожидала, Элизабет Пристли!

Переглянувшись с Крингелем, она стремительно вышла из столовой, а он, приподняв одну бровь, с усмешкой уставился на меня. Теперь я не сомневалась – он нарочно спровоцировал меня, чтобы посеять между мной и Маргарет вражду и недопонимание!

Сразу же после завтрака, так неудачно окончившегося, я пыталась отыскать кухню, чтобы поговорить с нею, дать ей высказаться, но

Абигайль невозмутимо сообщила мне, что видела, как мисс Вордсворт быстро оделась и ушла на прогулку.

Половину дня я провела в тревожном ожидании, недоумевая, почему Маргарет не позвала на прогулку меня, ведь мы всегда старались быть неразлучны. Причина такого её поведения открылась мне позже, когда я увидела из окна гостиной, как она вместе с Виктором Крингелем идёт по аллее к парадному входу. Мои опасения о её безопасности были излишними – Маргарет явно прогуливалась не одна. Впоследствии прогулки с Крингелем стали ежедневными.

Когда же я напрямую спросила об этом, то её слова ранили меня своей резкостью, ранили так сильно, что мне пришлось отвернуться, чтобы не выдать своих оскорблённых чувств.

– Бетти, ты считаешь, что мне необходима дуэнья? Может быть, хватит опекать меня, будто я маленький ребёнок?! Между прочим, я на четыре месяца старше тебя. Если же тебя волнует пристойность наших прогулок, то изволь – Виктор ведёт себя как благовоспитанный джентльмен, ничем не нарушая правил приличия, которыми ты так сильно озабочена.

Улыбка, которой она попыталась смягчить резкость своих слов, не смогла заглушить их ядовитой грубости, и я поразились тому, как быстро мы отдалились друг от друга. Этот процесс, поначалу почти незаметный, складывающийся из множества неприятных и подозрительных мелочей – тут снисходительный взгляд, там лёгкий досадливый вздох, повествующий о всё более усиливающемся раздражении; странные разговоры с Крингелем, обрывающиеся в ту же секунду, как я входила в комнату, – тянулся так медленно, а вот развязка наступила очень быстро.

За два дня до побега с этим гнусным мерзавцем Маргарет сделалась непривычно мила, будто наше отчуждение завершилось, будто всё это равнодушие, вечное умалчивание обо всём, что с ней происходит, заставляющее меня терзаться ревностью и тревогой – рассеялось и между нами снова установилась приязнь родных душ.

После завтрака, который мы делили в напряжённом молчании, кухня предложила мне прогуляться к холмам, навестить Гвендолин и там же перекусить, попросив миссис Дин собрать нам корзинку с ланчем.

Погода весьма располагала к прогулкам. Маргарет, щурясь от солнечных лучей, заливающих столовую и отражающихся в надменном серебряном кофейнике, подносе и в каждом столовом приборе, лежащем на столе, выразила надежду, что мы, как она выразилась, «волшебным образом проведем время».

Яркий свет, льющийся из-за спины, превращал гладкую причёску кузины в пылающий золотом шлем, а её голубые глаза сияли воодушевлением. В то утро вся она была одновременно и робкой, и порывистой, и я не всегда успевала за стремительным бегом её мысли.

То она без умолку говорила, каждую секунду взглядывая мне в глаза, то умолкала так надолго, погружаясь в себя, что я терялась и не знала, как себя вести с нею. С какой-то горькой ностальгией она говорила про наше совместное детство, извлекая из тайников памяти моменты, давно изгладившиеся из моих воспоминаний и вызывающие мой искренний смех.

Сейчас я понимаю, что в тот день моя Маргарет прощалась со мной. Прощалась и готовилась к новой жизни, которая, несмотря на всю лихую браваду кузины, пугала её.

Я же в тот день искренне верила, что дистанция, установившаяся между нами, вот-вот исчезнет, и волнения, терзавшие меня, утихнут. Я так хотела верить в то, что всё будет по-прежнему, что готова была поддержать любой разговор, который мог бы нас с нею сблизить так, как раньше.

Утомившись от длительной прогулки, мы решили взойти на небольшой пологий холм, с комфортом расположиться и перекусить тем, что уложила в нашу корзину заботливая миссис Дин.

К этому времени солнце светило уже совсем по-летнему и я почувствовала, что мои волосы на затылке промокли от пота. Сняв шляпку, я лукаво посмотрела на Маргарет и принялась расшнуровывать свои ботинки. В детстве мы любили лежать на тёплом вересковом ковре босиком и, наверное, я надеялась, что мелочи из прошлого вернут нам былую лёгкость общения.

Маргарет не поддержала моего игривого настроения. Напротив, она нахмурилась и чуть отвернулась, а когда начала говорить, голос её звучал глухо и бесстрастно:

— Я хочу объяснить тебе кое-что. Понимаешь, Бетти, когда-то я ненавидела свою мать. Ненавидела за то, что она покинула поместье

отца, оставив меня одну. Если бы ты знала, сколько историй о путешествии в далёкую страну я слышала от неё, о путешествии туда, где всегда светит солнце, где мы обе будем счастливы! Я никогда не верила ей: сначала для меня это была просто невозможная и болезненная фантазия, – ну, как летать или быть невидимкой, – а потом я поняла, что она просто выдаёт желаемое за действительное. Всерьёз живёт в этом фантазийном мире, где корабль всегда стоит у причала, а его паруса развеваются от ветра, готового унести её в страну грёз. Тётушка Мод была совсем другая. Даже странно, что наши матери были сёстрами и воспитывались в одной семье. А теперь...

Маргарет умолкла, подняв глаза к небу, а потом взглянула на меня в упор и тихо произнесла:

– Теперь, как ни странно, я могу верить в то, что я была всё-таки нужна ей, что она не оставила бы меня одну. Это стало и облегчением для меня, и мукой. Я хочу уехать отсюда, Бетти. Уехать и не возвращаться больше никогда.

Какое-то время мы обе молчали. Я боялась заговорить, опасаясь выдать великую радость, завладевшую мной. Наконец-то! Наконец-то мы уедем отсюда, вернёмся к моему отцу, в наш светлый и радостный дом! Разумеется, я ошибалась.

Да, Маргарет собиралась покинуть поместье, вот только она не планировала возвращаться со мной в Уотер-хаус, их план с Крингелем заключался совсем в другом. Сейчас она, должно быть, уже в Германии, на родине Виктора Крингеля (если это, конечно, его настоящее имя).

– Я заметила, что ты избегаешь мистера Вордсворта, – утвердительно произнесла я, наблюдая за лицом кузины.

– Да, – тихо ответила она, не глядя на меня. – Не спрашивай меня, почему.

Кивнув, я участливо пожала её руку и поразились тому, как она была холодна.

– Почему мы вообще приехали сюда? Что заставило тебя вернуться в Хиддэн-мэнор? – я задала ей вопрос, давно меня интересовавший, не особо надеясь на ответ.

– Письма, Бетти. Все эти годы, что я провела в Уотер-хаус на попечении твоих родителей, мой отец присылал мне письма, ни одно из которых я не читала. Тётушка Мод прятала их от меня, совсем как

ты то письмо от Ричарда Фергюсона. По какой-то причине она не хотела моего возвращения в Хиддэн-мэнор. Когда... когда она умирала, то между нами состоялся разговор. Я не поняла и половины того, что она хотела мне сообщить. Ты помнишь, в каком тяжёлом состоянии она находилась.

Я кивнула, не сумев сдержать набежавших слёз.

– И что она тебе сказала? Почему ты не рассказала мне об этом сразу же?

– Думаю, что она бредила, Бетти. Болезнь изнурила её тело и сломила её дух. Она непрерывно плакала, просила прощения, говорила, что очень виновата передо мной. Иногда, как мне отчётливо показалось, она принимала меня за мою мать. Тётушка Мод всё время жалобно повторяла: «Джинни, я так виновата перед тобой, так ужасно виновата!» Как-то раз, в минуту просветления, она схватила меня за руку и твёрдо произнесла: «Ты плохо знаешь своего отца, Маргарет. На самом деле он совсем, совсем другой человек». В шкатулке, которую она завещала мне, находилось несколько дюжин писем от отца. В них он просил меня вернуться или хотя бы приехать навестить его. Не знаю, зачем ему это было нужно.

Во время того, как Маргарет говорила всё это, я не отрываясь смотрела на её лицо. Мои руки задрожали, мне пришлось проглотить ком в горле и отвернуться, чтобы не прервать её и не наговорить ей колкостей.

Я тщетно старалась сдержаться, но, не сумев сделать это, высказала в тот день кузине всё, что накопилось у меня в душе. Глубокая обида и постоянная изнуряющая ревность к негодяю Крингелю развязали мне язык.

– И ты... всё это время ты скрывала от меня последние слова моей матери? Ты понимаешь, что они касаются меня напрямую?! Они принадлежат мне! Ты стала совсем другая, злобная, чёрствая! И это всё из-за него, я знаю! – для меня явилась такой неожиданностью подобная скрытность, что я не могла найти нужные слова для выражения своих чувств, и Маргарет, несомненно, поняла это.

В голове не укладывалось, что кузина была способна столь длительное время скрывать от меня эти события. Мы всегда были неразлучны, мы делились друг с другом всем – мыслями, чувствами, надеждами и страхами. По крайней мере, я так думала.

Прогулка была безнадежно испорчена, бумажные свертки миссис Дин с заманчивым содержимым так и не были вскрыты. Когда мы вернулись в поместье, между нами выросла ледяная стена молчания, растопить которую не желала ни одна из нас.

И вот закономерный итог – я держу в руках письмо, читая которое мне неудержимо хочется рыдать.

«Бетти, я знаю, что своим поступком причинила тебе боль. Прости меня, если сможешь, но поступить по-другому я не могла. Попробай понять меня. Иногда жизнь требует от нас жестких мер, и по отношению к другим, и, более всего, по отношению к нам самим.

Я знаю, что ты всегда была невысокого мнения о Викторе, и я не буду разубеждать тебя. Ты вправе думать о нём и обо мне исходя из своих жизненных убеждений, ведь правила и традиции для тебя никогда не были пустым звуком.

Ты, наверное, не поверишь мне сейчас, но я всегда буду вспоминать наше детство и твою всегдашнюю заботу обо мне с невероятным теплом. Мне жаль, что за последние дни мы наговорили друг другу столько ужасных слов.

Я искренне сожалею, что всё так вышло, поверь, но у меня нет другого выхода. Знаю, что мои слова могут показаться тебе ужасными, но я твердо убеждена – мою мать убили. Об этом свидетельствуют и письмо Ричарда Фергюсона, и мои детские воспоминания.

После того как я узнала правду об исчезновении моей матери, оставаться в Хиддэн-мэнор я не могу. Прошу, прости мне эти слова – но и Уотер-хаус не стал для меня родным домом. Там я всегда ощущала на себе клеймо материнского греха, о котором викарий Пристли никогда не дал бы мне забыть. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как принять предложение Виктора.

Знаю, что если бы я сообщила тебе обо всём заранее, то ты непременно постаралась бы помешать нам, несомненно, руководствуясь самыми лучшими побуждениями. Именно поэтому я и хранила в секрете наши с Виктором планы. Ещё раз прошу тебя, Бетти, постарайся меня понять, а прощение, я верю, придёт с милосердным временем.

Я очень надеюсь, что нам с тобою суждено встретиться ещё раз, что эта разлука не навсегда. Эта вера поддерживает меня сейчас, когда моё будущее столь же зыбко, как утренний туман над рекой Дарт.

Я люблю тебя, Бетти, и мои чувства к тебе всегда будут неизменны, помни об этом. Когда мы увидимся снова, ты, надеюсь, уже простишь меня.

P.S. Не терзай себя понапрасну, ты никак не сумела бы предотвратить случившееся. И к твоему сведению, Виктор Крингель вовсе не такой ужасный человек, каким он тебе представляется».

Дочитав письмо, я бросила его в потухший камин, но уже через минуту выхватила тонкие листки из пепла. Этим утром отец Маргарет рассчитал всю прислугу, выдав им вознаграждение за несколько месяцев вперёд, но всё равно, я не хочу, чтобы кто-то нашёл письмо моей кузины и прочёл его.

Да, я наконец покидаю этот холодный дом и возвращаюсь в Уотерхаус, но как же это возвращение не похоже на то, каким я его себе представляла!

Глава 9

2014 год. Джо Уайт

Лёжа на спине и уставясь в низкий скошенный потолок, я ищу в себе силы, чтобы окончательно проснуться и спуститься к завтраку. Плотная повязка на шее мешает мне поворачивать голову.

Вчерашним вечером, когда мы с Чейзом дождались полицейскую машину, медики, прибывшие вместе с инспектором Маккормиком, настаивали на том, чтобы госпитализировать меня в ближайшую больницу, но я категорически отказалась от этого. Чейз, по своему обыкновению, явно сгустил краски, когда вызывал Маккормика в Хиддэн-мэнор.

Ненавижу больничную атмосферу. Это осталось у меня с детства, когда бабуля Фергюсон привозила меня в реабилитационную клинику, где проходили лечение мои родители. Серые лица пациентов, неприветливый и хмурый персонал, тошнотворные запахи больничной еды – меня с души воротит от всего этого.

Осмотр не выявил функциональных повреждений. По словам дежурного полицейского медика, мне очень повезло, что осколок стекла всего лишь процарапал неглубокую борозду на коже и в мягких тканях, а не перерезал располагающуюся рядом вену, сильное же кровотечение было вызвано порезом мочки уха. Тем не менее рана требует постоянного ухода из-за угрозы заражения, но с этим я преотлично справлюсь и самостоятельно.

Найденное в подвале письмо, конечно же, пришлось отдать инспектору. Читая его, он хмурился, а после подошёл к каталке, на которой я лежала, и снисходительно спросил:

– Миссис Уайт, вы, как я понимаю, историк? Что скажете по поводу обнаруженного письма? Можно ли верить тому, что оно написано в 1912 году?

Борясь с действием успокоительного (или что они мне там вкатили перед обработкой раны) я, забывшись, кивнула, вызвав неосторожным движением свежую волну боли.

– Да, на первый взгляд письмо соответствует дате, которая в нём упоминается. Но необходимо провести хроматографический анализ,

это более точный способ определения давности документа.

Инспектор Маккормик тут же отошёл в сторону и принялся куда-то звонить с озабоченным лицом.

Вчера у меня не было возможности поставить мистера Крюгера в известность о происшествии, а ассистенту я запретила связываться с ним. Крюгер вряд ли поведёт себя лучшим образом, когда узнает о заморозке проекта, ни к чему подставлять ещё и Чейза под шквал его негодования.

В дверь кто-то робко постучал. Я уже собралась с силами, чтобы перекатиться набок и встать, но тут дверная ручка медленно повернулась и в проёме показалась обширная спина в вязаном жакете горчичного цвета.

Аккуратно вкатив в номер сервировочный столик, накрытый салфеткой, миссис Грир лучезарно улыбнулась, неловко скрывая некоторый ужас от моего внешнего вида. Вчера я успела только мельком посмотреть в зеркало, но разглядела несколько глубоких царапин на лице и след на скуле от ушиба, полученного в результате падения.

– Лежите-лежите, миссис Уайт, я всё сама, всё сама сделаю, – машет на меня рукой с ярким маникюром хозяйка. – Я вот решила вам завтрак принести, думаю, что ж вы будете в столовую ковылять, когда доктор наверняка вам постельный режим прописал. Чай, бисквит, немного омлета. Мы тут все, знаете ли, вчера перепугались, когда вас в полицейской машине привезли, да ещё с повязкой, бледную такую, ужас просто.

Профессиональным движением сиделки миссис Грир подкладывает мне под спину подушку и помогает удобно сесть в кровати, не переставая разговаривать и задавать вопросы, на большую часть которых я не успеваю отвечать.

Вручив мне чашку горячего чая размером с бульонницу, хозяйка придвигает к кровати стул и усаживается так близко, будто собирается кормить меня с ложки.

Сейчас я больше всего на свете хочу, чтобы эта навязчивая женщина убралась из моего номера и оставила меня одну, готовиться к разговору с Крюгером, но она продолжает заботливо подтыкать мне одеяло и громко разговаривать. Пылающий костёр на её голове сегодня

укрощён двумя некомплектными заколками и роскошным черепаховым гребнем.

– ...ей и говорю, как же бедняжка миссис Уайт будет теперь одна здесь? Хоть бы муж её приехал, поухаживал за женой, раз она в беду попала. Помню, я как-то руку до кости рассекла – отбивные мистеру Гриру затеяла, так он потом за мной как за дитём два дня ходил, повязку сам менял, даже чаю заварить меня не подпускал. Вот и мама моя, мудрая женщина, говорила: «Заботливый муж лучше золота». Как же вы, миссис Уайт, мужу-то позвонили уже? У меня комната как раз освободилась на первом этаже, просторная, с двуспальной кроватью. Там и матрац удобнее. Когда его ждать-то?

Эта женщина невыносима. Знала бы, что так будет, согласилась бы лечь в больницу. Коленями она упирается в мой правый бок, всем своим массивным телом нависает надо мной, провожает взглядом каждый глоток, который я делаю.

– Благодарю вас за заботу, миссис Грир, но он не приедет. Несчастный случай в горах, совсем недавно, мне ещё тяжело об этом говорить. Всё случилось так неожиданно. Спасатели рассказали, что он совсем не мучился, это служит мне небольшим утешением. Там были ещё люди... Все погибли, никто не выжил.

От этой внезапно выплеснувшейся из меня лжи я прикрываю глаза. Слышу, как хозяйка на мгновение замирает, а потом с новой силой принимается охать, утешительно похлопывая меня по бедру, словно ребёнка.

С закрытыми глазами отхлёбываю чай маленькими порциями, каждый глоток сопровождает боль. Надеюсь, она увидит, что я не расположена к беседе, и уйдёт.

– Сильная вы женщина, миссис Уайт, – с уважением говорит хозяйка, передавая мне фарфоровую тарелку с ноздреватым солнечным омлетом.

Неожиданно во мне просыпается какой-то болезненный аппетит, я буквально набрасываюсь на еду, не чувствуя её вкуса и обжигая язык.

– А детки что? Может, они вас навестят? Или маленькие ещё? Пришло время и им о вас позаботиться.

Вилка в моей руке начинает мелко дрожать, к горлу подкатывает волна тошноты, омлет и выпитый чай превращаются на дне желудка в горячие ворочающиеся камни. Наконец до моей мучительницы

доходит вся бестактность её поведения, это заставляет хозяйку немного смутиться и перевести тему, но уходить она вовсе не торопится.

– Вы меня простите, миссис Уайт, – говорит она чуть-чуть виновато (самую малость виновато, как если бы случайно наступила на хвост кошке), – вот и мой Энтони говорит, что я иногда... Ну, да ладно. Вы лучше расскажите мне, что там у вас в Хиддэн-мэнор творится? А то мы тут уже с ума сходим. В деревне говорят, что в проклятом поместье могильник нашли – а там костей, как на кладбище. Мистер Бродерик из Окгемптона всем рассказывает, что его настигло проклятье призрака: когда косточки в колодце нашли, череп из ведра выпал и к нему покатился, прямо к ноге, и теперь у него нога вся струпьями покрылась, а по страховке его лечить не хотят. В подвале вчера опять огни видели, и луна прямо над лесом висела. Я, конечно, женщина здравая и в байки всякие не верю, но ведь и люди врать не станут, а репутация у дома нехорошая, там и раньше-то...

От вороха сплетен и несусветной глупости этой женщины меня снова затошнило, но тут в дверь, предварительно постучав, просунула голову Алексия, приветливо мне улыбнувшись.

– К вам посетитель пришёл, назвался мистером Чейзом. Вы как, миссис Уайт, можете спуститься, или сказать ему, чтобы он к вам поднялся?

– Сюда, скажите ему, пусть ко мне поднимается, – от облегчения я чуть не кричу, и когда Абрахам заходит в комнату, чувствую к нему такую сильную человеческую благодарность, что мои глаза увлажняются.

Видя, что мы с Чейзом немногословны и на её назойливые вопросы отвечать не собираемся, хозяйка нехотя покидает мой номер, поджав губы и даже не скрывая своего разочарования.

Абрахам усаживается на стул, стоящий у окна. Пока я пью обезболивающее, он рассказывает неутешительные новости: в поместье запрещены любые ремонтные или строительные работы. Получается, все контракты с местными летят к чертям. Самое ужасное – территорию оцепили военные, прибывшие с ближайшего полигона, и теперь доступ туда закрыт на неопределённый срок.

Хиддэн-мэнор с сегодняшнего дня находится под юрисдикцией федеральных властей и, что хуже всего, они уже ввели в курс дела

мистера Крюгера, отыскав его контакты по своим каналам.

– А военные-то что там забыли? – не выдерживаю я. – Что там вообще происходит?! Какого хрена они лезут не в своё дело?

Чейз с сочувствием посмотрел на меня и отвёл глаза, пожав плечами.

– Вам, миссис Уайт, всё-таки в больницу надо, – робко советует он. – У вас синяки, порезы на лице. Медик вчера сказал, что у вас лёгкое сотрясение мозга.

– У нас обоих скоро будет тяжёлое сотрясение, – обещаю я ему мрачно. – Мне Крюгеру надо звонить, объяснять ситуацию. Я ещё вчера должна была это сделать, но врачи неотложки накачали меня снотворным.

– Вы не переживайте так сильно, – флегматично произносит Чейз, сам понимая, как беспомощно звучит его предложение. – С этим проектом с самого начала всё пошло наперекосяк. Выше головы не прыгнешь, правда ведь? Всё, что могли, мы сделали.

– Ладно, Абрахам, – чувствуя, что снова накатила слабость и тошнота, я прикрываю глаза. – Иди, я позвоню тебе после разговора с Крюгером. И скажи внизу, что я уснула, иначе эта гестаповка с морковным салатом на голове снова придёт меня мучить.

Чейз уходит, неслышно притворив за собой дверь, и я долго сижу в одной позе, не открывая глаз и откинув голову на подушку. Наперекосяк. Какое напряжённое, ошетилившееся слово. Оно вяло ползает в моей голове, представляясь мне гигантской многоножкой, состоящей из перекошенных дверных проёмов и изуродованных оконных переплётów.

Из-за портьер сочтётся отвратительно бодрое утро. Все сроки вышли, Крюгер, скорее всего, находится в таком бешенстве, что даже не звонит мне. Предпочитает, чтобы я сама положила голову ему в раскрытую пасть.

Гудок, второй, третий. Сочный баритон любителя дорогих вин, дорогих женщин, дорогих автомобилей.

Разговор занимает от силы три минуты, но за это время мощное обезболивающее теряет своё действие, возвращая горячую пульсацию боли.

Я отстранена от деятельности фирмы. На неопределённый срок. Фактически – это увольнение. И да – к Чейзу это тоже относится.

Крюгер избавляется от нас обоих. Ассистенты всегда работают в паре с реконструкторами, сами по себе они Крюгеру не нужны.

Вот как всё обернулось. Теперь я не только почти разведённая бездетная женщина сорока четырёх лет, но и безработная. Появляется бездна свободного времени.

Я успеваю купить последний билет на завтрашний утренний рейс, известить искренне огорчившуюся из-за моего отъезда миссис Грир, вручить щедрые чаевые Алексии, сообщить новость о нашем увольнении Чейзу и даже съесть лёгкий обед, – как прибывает, наконец, мой долгожданный багаж.

Все мои вещи и даже само клетчатое нутро чемодана пахнут домом, тем рассеянным сложносоставным запахом, который замечаешь, только если давно его не ощущал. Как же хочется домой. Сейчас я понимаю, что не должна была уезжать, не должна была бежать, протягивать расстояние между собой и Джозефом. Поддавшись эмоциям, я приняла неверное решение, но это поправимо. Бабуля всегда мне говорила, что у каждого в жизни должен быть шанс вернуться на старт.

Бабуля Фергюсон была мудрой женщиной и прожила длинную и трудную жизнь. Родившись в конце девятнадцатого века, она дважды оставалась вдовой; чуть не погибла, получив тяжёлые ранения во время разрушительной бури, которая разразилась в Сиднее в 1947 году. К тому же на её долю выпали две мировых войны.

Я радуюсь тому, что мы с ней вообще успели встретиться, но мне безумно жаль, что, тихо угаснув на сиротской койке муниципальной окружной больницы, она оставила меня совсем одну.

До самых последних дней бабуля не утратила здравого рассудка и особого чувства юмора, присущего ей одной. Наверное, ни к кому в своей жизни я не испытывала такого уважения. До сих пор не могу простить отцу, хотя его давно уже нет в живых, что он продал её дом на восточном побережье Австралии сразу же после её смерти. Все её вещи – книги, уютные мелочи для дома, которые она мастерила своими руками, вышивки в тонких картинных рамах, – всё это было свалено в большие картонные коробки и отвезено на платный склад.

В аэропорту Эксетера на посадку меня провожает Чейз. Он одет в яркую футболку, будто отпускник, на плече висит вязаный хипстерский рюкзак. Абрахам решил совершить небольшое

путешествие по Англии, раз уж его сюда занесло. Мы прощаемся с искренней теплотой и оптимистично вре́м друг другу о том, что совсем не огорчены увольнением из фирмы, ведь это всего лишь эпизод жизни, не стоящий большого внимания, повод перевернуть страницу и начать новый виток, бла-бла.

Салон аэробуса забит пассажирами. Пряные духи, детская молочная смесь, кисловатый аромат коньячного перегара от парочки по соседству. Пустое место рядом со мной занимает аккуратная пожилая дама со старческими пятнами на руках, а я так надеялась на малую толику одиночества во время полёта. Моё состояние всё ещё оставляет желать лучшего – рана на шее причиняет постоянные неудобства, и время от времени, как хищник из зарослей, нападает изнурительная головная боль.

Дом встречает тишиной и привычным сладковатым запахом мастики, которым приходящая домработница обрабатывает деревянные панели гостиной. К моему приезду Джулия проветрила оба этажа и заполнила холодильник. Ничего не могу с собой поделать: первое, что я проверяю по прибытии – шкафы Джозефа. Они пусты. В нашем с ним доме больше нет его вещей, на полочке у входной двери лежит связка ключей.

Теперь у меня появляется повод сделать то, чего я так давно желаю. За эти дни я ни разу не позвонила, думая, что даю ему время всё обдумать, не принимая скоропалительных решений. Джозеф должен был оценить мою выдержку. Но почему вещи? Я совсем не ожидала, что он зайдёт так далеко.

– Здравствуй. Что тебе нужно? – вот как он начинает разговор со мной.

Голос у него усталый, а тон отстранённый и вежливый. Именно так он разговаривает с теми, кому отказывает в предоставлении своих услуг, чьи дела считает невыигрышными. Как сильно, должно быть, эти люди его ненавидят.

– Здравствуй, Джозеф, я вернулась домой. Я была в Англии, но вернулась раньше, чем рассчитывала. Твои вещи, и ключи...

– Да, я заезжал за вещами. Созванивался предварительно с Джулией, она присутствовала при этом. При ней же я оставил в холле свой экземпляр ключей.

– Зачем?! – ужасаюсь я тому, что Джулия, а, значит, и все знакомые, у которых она прибирается, теперь в курсе моего позорного развода. – Зачем при ней? Неужели ты не мог...

– Я не собираюсь вести с тобой разговоры, Джозефина. Я уже обратился к адвокату и тебе советую сделать то же самое. Зачем ты звонишь? Что тебе от меня нужно?

Всё тот же равнодушный, холодный тон, но теперь в нём появляется нотка раздражения. Приглушённо прозвучал высокий женский голос, и я вздрагиваю, понимая – Виктория вошла в комнату и что-то говорит моему мужу. Моему. Мужу.

Я замолкаю, не могу выдать из себя и слова, и Джозефу быстро надоедает эта затянувшаяся пауза.

– Алло, ты меня слышишь? Ты выбрала не самый удачный момент. Я опаздываю на рейс. Меня не будет в городе около месяца. В ближайшие дни с тобой свяжется мой адвокат. Вы сможете обсудить раздел нашего совместного имущества и все прочие...

Из телефона продолжает доноситься его голос, но теперь я не разбираю слов – держу аппарат на вытянутой руке. Потом аккуратно кладу его на стол и запускаю ноутбук.

Да, в свежем отчёте детектива есть эта информация. Два билета до Пуэрто-Плата на имя Джозефа и Виктории приобретены вчера, прибытие в аэропорт Ла-Юнион. Он увозит её подальше от меня, бережно прячет на время бракоразводного процесса.

Мы с Джозефом летали в Пуэрто-Плато на первую годовщину нашей свадьбы. Ласковый белый песок, узкие средневековые улочки и романтичный до оскомины отель в старинном викторианском особняке. Наши ночи были длиннее дней.

Удивительно, до чего же пугающе легко вкрадчивая лукавая мысль становится принятым решением. Для этого достаточно и секунды. Стремительное преображение тайного желания в импульс, в действие происходит с такой ошеломляющей лёгкостью, что у меня на мгновение перехватывает дыхание.

Привычная оболочка моей жизни, – престижная высокооплачиваемая работа, прочный брак с одним из самых успешных адвокатов штата, дорогой красивый дом, набитый антикварными вещами и необременительные дружеские связи с

такими же успешными и статусными людьми, – оказалась такой хрупкой. Теперь эти осколки больно ранят меня.

Вспомнилось, как Джозеф в минуту откровенности рассказал мне об одном случае, который врезался ему в память. Он тогда защищал женоубийцу, совершившего убийство из ревности. Оправдать его не удалось, слишком явными были улики, да и судья на процессе оказалась женщиной, бывший муж которой неоднократно угрожал ей. Когда обвиняемому вынесли приговор и дали последнее слово, он сказал только одно: «Там, где любовь, там нет места милосердию». Виновным в совершённом убийстве он себя не признал.

Сразу после нашего с Джозефом разговора моё время начинает течь по-другому. Целые часы иногда пробегают так стремительно, что я не могу понять: утро сейчас, или уже день? А минуты ведут себя совершенно по-хамски, некоторые из них растягиваются до немыслимых пределов, вмещая в себя сотни воображаемых событий.

Рана на шее всё никак не заживает, из-за этого я не могу спать на левом боку, как привыкла. Иногда во сне я забываю об этом ограничении, и тогда утром нахожу свои бинты и постельное бельё окровавленными. Головная боль и внезапно настигающая мучительная тошнота по-прежнему изнуряют меня, и мне приходится продолжать приём таблеток, от которых я чувствую себя вялой и заторможенной. Только ожидание делает моё существование осмысленным.

Маленький сейф из углеродистой стали, скрывающийся в кабинете, содержит в себе предмет, наполняющий мою правую руку успокоительным и одновременно тревожным весом. Этот предмет способен сделать весомыми и мои мысли, подарив им свинцовую основательность.

Все эти дни я питаюсь консервами, которые покупаю в магазинчике на Монтегю-стрит, принадлежащем неопрятному молодому парню с огромными туннелями в обеих ноздрях. В этом районе меня никто не знает, и я подолгу брожу между тесных стеллажей с проволочной корзиной в руках, выбирая свои нехитрые завтраки, обеды и ужины.

В первую неделю моего затворничества я разогревала содержимое жестяных банок и накрывала на стол как полагается – тарелки, салфетки, хлеб в корзинке. Но вскоре эти простые действия стали требовать столько усилий, что иногда я ложусь спать голодной, лишь

бы не принуждать себя к сложной последовательности действий. Доставка готовой еды для меня тоже не вариант – мысль о том, чтобы разговаривать и остаться наедине, даже и на несколько минут, с каким-то посторонним человеком, приводит меня в ужас.

Точно так же я избегаю телефонных разговоров и посетителей, хотя это и нелегко. Адвокат Джозефа, по-видимому, очень добросовестный человек, он звонит мне несколько раз в день примерно в одно и то же время. Эти звонки доносятся как будто издалека, словно не имеют ко мне никакого отношения.

Почту я тоже просматриваю нерегулярно, и все письма от незнакомцев и от Джозефа удаляю не читая. Только одно сообщение привлекает моё внимание, его тема звучит и угрожающе, и интригующе: «Последнее предупреждение!» Сначала я сомневаюсь, открывать ли его (возможно, это какая-нибудь гадость от адвоката Джозефа), но потом всё-таки читаю письмо.

Оказывается, время аренды ячейки на складе, где хранятся старые вещи, истекло. Управляющий хранилищем собственноручно написал мне это гневное письмо с угрозой ликвидации моего имущества, если я в ближайшее время не заберу его.

Я совсем забыла про эти коробки. Там, должно быть, старые бабулины вещи и, наверное, вещи, оставшиеся от моих родителей. Сверив указанный номер телефона со списком пропущенных вызовов, я понимаю, что со склада мне звонили раз двадцать, не меньше.

Иногда раздаются звонки в парадную дверь, и тогда я резко вздрагиваю и почти перестаю дышать, подкрадываясь на цыпочках к тайному глазку, чтобы выяснить личность нежданного посетителя. Два или три раза я вижу немолодого импозантного мужчину с кожаным портфелем в руках, его недовольное лицо кажется мне знакомым. Немного подумав, я вспоминаю, кто это – один из известных адвокатов по бракоразводным делам, часто выступающий на местном телевидении.

Выходит, что слова Джозефа не были пустыми угрозами. Он серьёзно подготовился к разводу, заключив соглашение с самым зубастым юристом штата, который способен и старый башмак объявить совместным имуществом, после чего отсудить его вместе с компенсацией за ненадлежащий вид.

Один раз приезжает Сильвия Харрингтон, в руках она держит пакет со сладостями из модного магазина на Чёрч-стрит и пристально всматривается в окна первого этажа. Харрингтоны живут неподалёку от нас, мы часто ходили друг к другу на барбекю. Джулия, которую я уволила сразу же после разговора с Джозефом, прибирается и у Сильвии тоже.

К концу второй недели количество телефонных звонков увеличивается. Много новых незнакомых номеров. Несколько вызовов от Чейза, и даже одно сообщение.

Однажды, когда я просматриваю список пропущенных вызовов, телефон разражается бурной трелью, и я вижу, что это звонит Джозеф. Конечно же, разговаривать с ним сейчас я не собираюсь, для этого будет время, когда они с Викторией вернутся в Берлингтон. Хотя... Самолёты падают так часто. А в Атлантическом океане обитает четырнадцать видов акул, представляющих угрозу для человека. Опасность подстерегает всюду. Но я надеюсь, что они вернутся. Я терпеливо жду их возвращения, это ожидание заполняет всё моё время.

В один из дней я чувствую настоятельную потребность посмотреть на дом, в котором живёт Виктория. Я быстро собираюсь, накинув на домашнюю пижаму длинное пальто, и почему-то иду к нему пешком. Долго стою возле самой двери, потом обхожу дом по периметру и заглядываю в низкие окна на первом этаже. Столовая оформлена очень миленько, похожа на бар в придорожном салуне.

Я начинаю почти каждый день ходить к дому Виктории и прекращаю только тогда, когда женщина из соседнего коттеджа замечает меня и что-то кричит мне через дорогу с гневным лицом.

Тогда я убегаю, бегу так быстро, будто она гонится за мной, и на бегу меня душат слёзы.

Глава 11

2014 год. Джо Уайт

Этот случай, и ещё один, произошедший через несколько дней, отрезвили меня. Они заставили посмотреть на себя со стороны и ужаснуться произошедшим изменениям.

Собравшись с силами, я всё-таки заказала доставку старых коробок из ячейки платного хранилища, подумав, что несколько минут общения с грузчиками предпочтительнее, чем ехать на склад самой и выслушивать недовольство сотрудников, а потом заключать новое соглашение.

В указанное время к дому подъехал крытый фургон и из него вышли два молодых парня в комбинезонах с логотипом фирмы. Я стояла у парадного входа и наблюдала за ними через мутное стекло, собираясь с духом, чтобы распахнуть дверь им навстречу.

Когда они заносили коробки в дом, один из них не смог скрыть своего любопытства – я видела, каким брезгливым взглядом он обвёл пространство гостиной и, после этого, меня.

На всех свободных поверхностях громоздились консервные банки, грязные столовые приборы, пивные бутылки и хлебные корки со следами плесени. С подлокотника кресла, в котором я обычно сижу по вечерам, свисал длинный несвежий бинт со следами засохшей крови.

Я внезапно ощутила устойчивый кислый запах несвежей пищи, которого не замечала раньше. Так всегда пахло в родительском доме, когда я возвращалась от бабули и находила мать и отца в мятой одежде, среди картонных упаковок из дешёвых забегаловок и открытых мешков, наполненных протухшими обедками и пустыми бутылками.

От моего тела тоже исходил непривычный, какой-то звериный запах пота. Покраснев, я принялась искать мелкие купюры, но грузчики, переглянувшись, уехали, не дожидаясь чаевых.

После их отъезда я бросилась в ванную и впервые за эти дни внимательно посмотрела на себя в зеркало. Затворничество, короткий прерывистый сон и вынужденное бездействие, а также мрачные

мысли, одолевающие меня, наложили свой отпечаток на мою внешность. За эти недели я стала выглядеть старше на десять, если не на пятнадцать лет.

На шее с левой стороны отчётливо виднеется глубокий, не до конца ещё заживший шрам, сальные пряди волос обрамляют похудевшее лицо, на котором проступили морщины. Бескровные губы и царапины на лбу придают мне сходство с жертвой автомобильной катастрофы. С жертвой. Эта мысль царапнула меня не хуже стеклянного осколка в подвале заброшенного поместья.

Завтра Джозеф и Виктория возвращаются в Берлингтон, а я всё ещё не готова к их приезду. Длительное ожидание вымотало меня. Если я сломаюсь, то они одержат надо мной победу, даже не прикладывая к этому никаких усилий.

Эта мысль кажется мне чудовищной, намного чудовищнее той, что созрела в моей голове, вытеснив всё, что я знала о законе, милосердии и нормах морали.

Представив их безразличные торжествующие взгляды, я издаю хриплый смешок, от которого меня, как ни странно, больше не передёргивает. Другой человек, вышедший за эти дни из тени моей личности, больше не кажется мне чужаком, я сроднилась с ним, и, узнав получше, ощутила близость и даже небольшую симпатию. Этот человек верен мне, честен со мной.

Если меня будут судить, то я не собираюсь рассказывать слезливые байки о раздвоении личности, состоянии аффекта и временном помрачении рассудка. Бабуля Фергюсон часто повторяла, что надо быть готовым нести ответственность за последствия своего выбора.

Начинаю я с того, что последовательно прохожу с большим пластиковым мешком по всему дому. Гостиная, холл, кухня, кабинет и спальня. Даже на лестнице я нахожу использованные бинты, грязные пластыри, пустые консервные банки и упаковки от таблеток.

Каждое движение даётся мне с трудом, но к утру от следов хаоса, господствующего здесь в течение месяца, остаются только запечатанные синим скотчем коробки, составленные у дальней стены гостиной.

Борясь с сильным желанием принять горячий душ и уснуть, я всё же собираюсь окончательно привести дом в порядок, разобрав старые

вещи и решив их дальнейшую судьбу. Джозеф и Виктория прилетают сегодня вечером, и у меня уже не будет времени заняться этим.

Открыв окна и позволив ветру вторгнуться в моё жилище, я, судорожно зевая, вскрываю кухонным ножом упаковку первой коробки. Коробка лёгкая, весит не больше пары килограммов. На ней чёрным маркером указана дата «1995 год». Год смерти родителей.

Несколько альбомов с фотографиями, файл из мутного полиэтилена с их школьными аттестатами и дипломом колледжа, который закончила моя мать по специальности «Визаж и парикмахерское искусство». На дне перекачивается хрустальный снежный шар и клубок шерсти невятного цвета, изъеденный молью.

Без тени сожаления я перекладываю содержимое коробки в пластиковый мешок с остальным мусором. Туда же я отправляю саму коробку, предварительно разрезав её на несколько частей.

Вторая коробка намного тяжелее первой, при транспортировке у неё помялись углы, и один из них неряшливо заклеен скотчем. Никаких надписей на ней нет, кроме стёртого до нечитаемости штампа с номером ячейки в хранилище.

Я вскрываю коробку с зябким чувством, будто вторгаюсь в чужое прошлое. Тихонько смеюсь сама над собой, когда опускаю голову в её разверстое нутро и пытаюсь ощутить аромат яблочной пастилы, которой у бабули Фергюсон были забиты все кухонные шкафы. Аромат этот настолько сильно въелся в её дом, что даже в клинике витал над бабулиной койкой, забивая мерзкий больничный запах.

Коробка доверху заполнена её вещами, и мои глаза увлажняются, будто я увидела старых друзей. Бережно доставая из неё предметы, я расставляю их на полу, окружая себя ими и позволяя воспоминаниям свободно вальсировать по гостиной.

Вот нарядная мягкая кукла с маленьким ртом, похожим на земляничку. Она всегда уютно сидела у бабули на туалетном столике, предлагая каждому вошедшему радушные объятия и честный прямой взгляд пуговичных глаз. Иногда мне разрешалось брать её с собой в постель, и тогда я всю ночь спала на самом краешке, прижавшись к стене.

Лампа с вышитым вручную абажуром, небрежно упакованная в мятую бумагу. Она тоже стояла в бабулиной спальне, и когда её зажигали, на кровать падал круг тёплого солнечного света. На

мгновение я увидела, как бабуля полусидит в постели и заплетает в косу свои всё ещё густые, несмотря на преклонный возраст, поседевшие волосы. Я родилась, когда ей было девяносто лет, и в детстве мне казалось, что бабуля Фергюсон всегда была такой – седой старушкой с прямой спиной.

Но фотографии, которые я достаю из коробки, говорят об обратном. Когда-то моя бабушка была настоящей красавицей – высокой, статной, с тщательно собранной в высокую причёску гривой густых волос. Качество фотографий оставляет желать лучшего, да и условия хранения для них явно неподходящие. Я никогда не видела их раньше, и сейчас историк во мне наслаждается этой замочной скважиной, позволяющей заглянуть в прошлое.

На многих фотографиях рядом с молодой бабулей Фергюсон стоит широкоплечий бравый мужчина с пышными усами, он бережно поддерживает её за руку. Скорее всего, это её первый муж, о котором я совсем ничего не знаю. Фотографий не так уж много, и я бережно откладываю их в сторону.

Коробка хранит в себе столько детских счастливых воспоминаний, что я забываю о времени, подолгу пристально всматриваясь в каждую вещицу. Резная шкатулка с принадлежностями для вышивания, книги с пожелтевшими страницами в истёртых переплётах, вышитые тонкой шёлковой нитью картины в деревянных рамках.

Сюжет одной из картин чем-то напоминает мне место моей профессиональной неудачи – злополучное поместье Хиддэн-мэнор, и от этого совпадения я зябко ёжусь, будто по комнате пронёсся сквозняк.

Бабуля Фергюсон терпеть не могла праздность. Я всегда видела её с вышивкой в руках или с толстой Библией в кожаном переплёте, из которой она выписывала цитаты. До самой смерти она сохранила и рассудок, и чёткое зрение, разве что ноги стали подводить, отчего ей пришлось прибегнуть к услугам приходящей работницы, милейшей миссис Келли. Втроём мы часто играли в немудрёные настольные игры, закусывая поражения яблочной пастилой и вслушиваясь в гул океана. Это было так давно.

Откуда-то из-под диванных подушек раздаётся телефонный звонок и я вздрагиваю от неожиданности, но вскоре забываю о нём и возвращаюсь к своим занятиям.

Просматривая стопку книг, на форзаце каждой из них я нахожу надпись, сделанную витиеватым бабулиным почерком: «Дебора Чарлин Фергюсон». По неизвестным причинам бабуля сохранила фамилию первого мужа и носила её всю свою долгую жизнь, вызывая этим обиду и недоумение у моего отца.

Солнечные лучи, пробравшиеся в гостиную через распахнутое окно, согрели обгорелый кожаный переплёт старинной Библии, и, когда я прикасаюсь к ней, мне кажется, будто книга всё ещё хранит тепло бабулиных рук.

Медная застёжка покрылась зеленоватой патиной, открыть её мешает небольшой залом. Нижний угол книги выгорел и почернел, будто Библию пытались сжечь. Сначала я откладываю книгу в сторону, но, подумав пару секунд, достаю из резной деревянной шкатулки небольшое шильце и аккуратно снимаю неподатливый крючок.

Библия датирована 1887 годом, страницы ломкие, переворачивать их приходится очень аккуратно. Для этой цели применяются специальные щипчики, но слабость мешает мне подняться в кабинет.

Внезапно страницы переворачиваются целым пластом и я вижу в книге зияющее прямоугольное отверстие. Оно заполнено конвертами. Некоторые из них лаконично подписаны: «Маргарет Шеннон Вордсворт», но совершенно непонятно, адресат это или отправитель. Мне неизвестен никто с таким именем, и любопытство заставляет меня вскрыть пухлый запечатанный конверт, несомненно, являющийся очередной замочной скважиной.

Перед уборкой я открыла настежь все окна, и теперь внезапно ворвавшийся в комнату порыв сквозняка беспардонно вырывает у меня из рук старое письмо, написанное на обычных листках из школьной тетради. Ветер расшвыривает их вокруг меня, заставляя подняться на ноги и закрыть дверь, ведущую в холл.

Вернувшись в гостиную, я медлю, прежде чем поднять разрозненные листки, и когда всё-таки читаю письмо, думаю о том, что не стоило потакать глупой сентиментальности. Эти коробки должны были сгореть дотла в пламени утилизационной печи, что и произошло бы, не вмешайся я в ход событий.

«...Не проходит и дня, чтобы мысли о жестокой расплате, которую я заслужила, не радовали меня своей справедливостью.

Разуверившись во всём, что мне внушали с самого детства, теперь у меня лишь одна религия – возмездие. Оно настигает каждого, кто переступает черту; каждого, кто вершит чужие судьбы в угоду своим страстям.

Моя виновность не вызывает сомнений, не ропща, я всю жизнь несу её бремя. Потеряв всё, что было мне дорого, я не получила взамен ничего, кроме вечного покаяния.

Много лет назад я любила Ричарда Фергюсона, любила так сильно, что эта страсть сделала меня убийцей, таким же отвратительным, как тот, которого я видела в Сиднее перед самой войной. Лицо висельника, иссушённое ненавистью, было омерзительным, тошнотворно отталкивающим, но в тот момент я думала лишь о том, что о его преступлении стало известно, а о моём – нет. Теперь я понимаю, что единственная разница между нами – это то, что казнь настигла его быстро, а вот моя растянулась на годы.

Годы одиночества и потерь, длинная жизнь, когда я сама для себя стала и тюрьмой, и палачом.

Судьба справедливо наказала меня, отняв у меня то, за что я боролась с такой страстью, с такой уверенностью в своём праве забрать причитающееся мне. Ричард погиб весной одна тысяча девятьсот пятнадцатого, в битве при Ипре, погиб ещё более страшной смертью, чем Вирджиния Вордсворт, его первая несбывшаяся любовь.

Наша помолвка с Ричардом состоялась в год смерти королевы Виктории, и я согласилась терпеливо ждать несколько лет, пока он накопит достаточную сумму, чтобы переехать в Австралию, где множество британцев в те годы находили трудную, но, при должных усилиях, блистательную судьбу.

Я готова была ждать Ричарда сколько угодно, работая всё это время в чужих семьях и подчиняясь чужим правилам. Иногда это было совершеннейшей мукой, ведь меня воспитывали как богатую наследницу, а вовсе не как прислугу неопределённого статуса, которой, безусловно, являлись гувернантки и наставницы в Британии тех лет.

Каждый месяц унижений, каждое письмо приближали меня к будущему счастью. Только эта вера помогала мне держаться

несломленной в те годы, ведь в целом свете у меня не было никого, кроме Ричарда.

Когда во время короткой встречи в тысяча девятьсот четвёртом году он сообщил мне, что глубоко сожалеет, но разрывает помолвку со мной из-за неких новых обстоятельств, мне стоило невероятных, нечеловеческих усилий сохранить выдержку и вывести у него правду.

Несомненно, Ричард испытывал сильнейшее чувство вины передо мной, именно благодаря этому он и позволил себе откровенно рассказать мне о той женщине, на которой обещал жениться много лет назад, до того, как встретил меня.

Вирджиния Вордсворт стала для меня олицетворением зла, ведь она собиралась похитить у меня то, что я считала своим. Желанного мужчину, обеспеченное будущее уважаемой хозяйки дома, рождённых от любимого человека детей.

Ничуть не оправдывая себя, всё же должна сказать, что чудовищная мысль об убийстве не сразу посетила меня. Скорее, виной этому причудливое стечение обстоятельств, благодаря которым это страшное намерение получило осуществление.

Газета с объявлением о найме гувернантки в девонширское поместье попала ко мне в руки случайно. Тогда я жила в большой семье Престонов, на окраине Лондона. Главой семьи, генералом в отставке Мэтьюзом Престоном, в доме был заведён строжайший порядок, которому должны были следовать все домочадцы и слуги. Но как выяснилось позже, трое мальчиков-погодков, к которым я была приставлена в качестве гувернантки, отличались дурным нравом, непослушанием и лицемерием. Их злобные шалости, вечное наушничество отцу и жалобы бесхарактерной матери, полностью подчинявшейся мужу, вынудили меня искать другое место.

Так я попала в дом Вирджинии и Генри Вордсвортов. Сколько молитв, сколько жарких молитв я посылала тогда Богу, умоляя его очистить моё сердце от скверных и чудовищных желаний! Мне стоило тогда сразу же уехать оттуда, уехать вообще из Англии и никогда не возвращаться, но семена зла уже глубоко проросли в моей душе.

Может быть, если бы Вирджиния Вордсворт была достойна моей симпатии, если бы она не оказалась такой, какой она была...

Кто знает, что было бы тогда? Будто предчувствуя угрозу, она всякий раз старалась унижить меня, указать мне на моё место в её доме, сделать мою жизнь в нём невыносимой.

Разумеется, я была в курсе её тайного побега, ведь я читала все письма, которые она писала Ричарду и получала от него. Подглядывая, подслушивая, шпионя за ней и её сестрой, я была отвратительна сама себе, но винила за происходящее именно Вирджинию.

Мой отец был умным и образованным человеком. Предчувствуя грядущие времена, он настоял на том, чтобы я получила самое лучшее образование, которое было доступно в те годы девушке моего положения. Конечно, я не обладала университетскими познаниями, но тем не менее за довольно короткое время сумела понять, что Генри Вордсворт занимается серьёзными химическими изысканиями, а вовсе не алхимией, как он пытался представить свои опыты для несведущих окружающих, погрязших в невежестве.

Несколько посещений его тайной лаборатории убедили меня в моих догадках, и в тот день, когда все жители поместья отправились на празднование Майского дня, я увидела реальное воплощение моего ужасного замысла.

Выбрав орудие убийства, я наконец почувствовала облегчение. И даже тогда, когда вечерами сидела в своей комнате и, чуть не прокалывая пальцы насквозь толстой иглой, сооружала защитный костюм из плотной кожи, чтобы не получить тяжёлого отравления, я думала о том, что ещё можно остановиться, что есть ещё время ужаснуться бездне, открывшейся в моей душе, повернуть назад.

В ночь, которую я выбрала для убийства, меня покинули сомнения. Я была хладнокровна и невозмутима. Это испугало меня ещё сильнее, чем те моменты, когда я наблюдала за тем, как жизнь покидает слабое и изнурённое пристрастием к опию тело Вирджинии.

Незримый убийца заполнил собой её лёгкие, быстро вызвав беспмятство и агонию. Неизвестно, заметил ли позже мистер Вордсворт пропажу нескольких стеклянных колб с умертвляющим газом.

До конца моих дней мне не забыть того, как я бежала под мертвенным светом луны, прижимая к себе тело Вирджинии и

безмолвно рыдая под защитной маской. Не знаю, была ли она ещё жива, когда упала в колодец.

*Смерть мадемуазель Фавро последовала через несколько дней после этого события и являлась вынужденной мерой, на которую я пошла после долгих и мучительных размышлений. Горничную насторожил тот факт, что её хозяйка, будучи женщиной «*reï pratique, inadapté*», сумела самостоятельно уложить нужные для большого путешествия вещи.*

Фавро принялась болтать на кухне, что после побега в комодах миссис Вордсворт стало не хватать тёплого белья и пары ботинок из воловьей кожи, а вот лёгкие платья и нежные утренние халаты, которые она так любила носить, были оставлены все до единого. Как я ни старалась, но заставить её перестать болтать на эту тему я не смогла. Рано или поздно слова француженки вызвали бы подозрения у более умного человека. Мой просчёт стоил мадемуазель Фавро жизни.

Самое ужасное, что даже по прошествии стольких горестных лет, наполненных безмолвным раскаянием, я не нахожу в себе сострадания для Вирджинии – вздорной, слабовольной и эгоистичной женщины. Тогда я думала лишь о том, что она, незаслуженно имея и так слишком многое, пытается забрать у меня самое дорогое, пытается отнять у меня будущее, и с ним всю мою жизнь. Я удивлялась лишь тому, как такая никчёмная особа смогла вызвать у отважного и прямодушного Ричарда столь сильные чувства.

Мне безумно жаль лишь несчастную, глупую француженку и малышку Маргарет, которую я лишила матери. Это вина тяжким бременем лежит на моей совести все эти долгие годы.

Сколько раз я предпринимала шаги, чтобы найти Маргарет Вордсворт, но из-за расстояния между нами и двух войн, прогремевших на всех континентах, мне так и не удалось это сделать. Может быть, признавшись ей во всём и отдав себя на её суд, я бы сумела облегчить собственную душу, но вот как бы она жила дальше с этим знанием? Мысли об этом останавливали меня, заставляя и дальше хранить свою постыдную тайну.

Мы с Ричардом поженились в одна тысяча девятьсот шестом году, когда я написала ему о переезде в Австралию вместе с семьёй моей очередной воспитанницы. Все оставшиеся ему годы жизни он был уверен, что Вирджиния струсил, испугалась общественного

порицания и осталась с мужем и дочерью. Попыток искать её или писать к ней он больше не делал.

После известия о смерти Ричарда я начала прозревать. Начала постигать справедливость судьбы, готовившей мою кару те несколько лет, что я провела в незаслуженном мной счастье. Я уверена, что в его гибели я виновна точно так же, как и в тех двух убийствах.

Через десять лет я встретила Дугласа. Мне показалось, что судьба дарит мне невероятный шанс начать жизнь сначала. Как выяснилось позже, она всего лишь подготовила для меня новое наказание.

Дуглас Гибсон оказался злым и очень жестоким человеком, а тяжёлые ранения, которые он получил на войне, несколько не способствовали развитию лучших сторон его характера. Это выяснилось, когда у нас уже родился Грегори.

И всё равно я пыталась быть хорошей женой, видя в этом искупление своей вины. Каждый раз, когда Дуглас напивался, избивал меня или унижал другим способом, я безропотно принимала наказание, помня о своей виновности.

Единственное моё утешение в этой безотрадной, но, безусловно, заслуженной мной жизни – рождение внучки Джозефины. В том, что она родилась у моего слабовольного и, как и его отец, жестокого сына, я виню себя. Судьба и тут постаралась напомнить мне о своей власти.

Любовь к малышке освещает мои последние годы и меня приводит в ужас мысль о том, что она может узнать о моих преступлениях. Поэтому, когда придёт моё время, я сожгу все свои покаянные письма, не оставив ничего, что сможет причинить ей боль».

Я долго читаю эти горькие письма, до тех пор, пока день не начинает клониться к вечеру и предзакатное солнце не ложится медовыми плитами на бежевый ковёр гостиной.

Все письма разные и написаны в разное время, но суть у них одна. Они звучат забытым, но таким родным голосом, вот только их чудовищное содержание заставляет меня дрожать, будто я замёрзла. Будто вместо солнца и ласкающего занавески лёгкого ветра в моей

гостиной завывает снежная буря, бросая мне в лицо колкое ледяное крошево.

Из-за этой бури слёзы текут из моих глаз, не переставая. От озноба моё тело дрожит, мне начинает казаться, что эпицентр этого ледяного безумия находится у меня внутри, с каждой минутой захватывая всё большее пространство. Повинуясь внезапному порыву, я начинаю без разбора рвать письма на мелкие клочки – и те, что я прочла, и те, что остались невскрытыми.

Вскоре пол рядом со мной усеивает гора бумажных обрывков, но ощущение разрастающейся внутри меня глыбы льда не исчезает. Вскочив на ноги, я ковыляю по лестнице наверх и, оскальзываясь на гладком полу, спешу в ванную комнату.

Горячая вода, почти кипяток, льющаяся на меня со всех сторон, сначала обжигает кожу, а потом приносит облегчение. Стенки душевой кабины моментально запотевают. Скорчившись на гладком полу, я долго, сколько выдерживает кожа, терплю обжигающие иглы, впивающиеся в моё тело.

Ощувив, что терпеть больше нет сил, я выкручиваю вентиль холодной воды до упора. Резкая смена температуры заставляет открыть глаза и с силой выдохнуть воздух, застоявшийся в лёгких. Дыхание тут же перехватывает, снова острые иглы нещадно колют меня.

Когда я выхожу из душа, часы показывают половину девятого вечера. Джозеф и Виктория уже прилетели, сейчас они, должно быть, разбирают вещи. Или обессиленные долгим перелётом валяются вдвоём на постели, лениво перебирая в голове накопившиеся после долгого отдыха дела.

С огромным наслаждением я растираюсь жёстким, предназначенным для ног, полотенцем. Оно царапает кожу, но мне нравится это ощущение, оно возвращает меня к жизни. Незаживший шрам на шее начинает пощипывать, но и это доставляет мне удовольствие.

Всё, чего я хочу сейчас – это чашку кофе. Горячий душистый кофе в высокой кружке, может быть, немного корицы. Мне вспомнилась кофейня в Австрии, куда я летала по поручению мистера Крюгера – там подавали хрустящие, как первый снег в горах, и такие же невесомые пирожные. Между полупрозрачными листками слоёного

теста лежал плотный крем жемчужного оттенка. Стоимость пирожного заставляла подозревать участие в его приготовлении натурального жемчуга.

Расчесав мокрые волосы, я надеваю слаксы и чистую рубашку, и прикосновение к телу плотной отглаженной ткани ласкает кожу, как объятия. Внутри меня рождается какая-то новая пустота – неопределённость будущего и моего места в нём впервые не пугают меня. Я ощущаю себя чистым листом, или, может быть, зданием, ожидающим глобальной реконструкции.

Сначала я решаю дойти пешком до ближайшего кафе, торгующего напитками навынос, но потом вспоминаю про новый кафехауз на Флинн-авеню, где подают венский мит шлаг: всё как полагается – вычурная горка взбитых сливок, шоколадная пыльца и миниатюрная кружевная вафля, похожая на ювелирное украшение.

Месяц – это много, я никогда не проводила столько времени в одиночестве. Теперь всё вокруг вызывает у меня благожелательное любопытство, словно я приехала в отпуск и наблюдаю за бесхитростной жизнью местного населения.

Заходящее солнце превращает улицу в пасторальный пейзаж: благодушный мужчина поливает лужайку, ребёнок сосредоточенно лупит веткой по надувному оранжевому мячу, девушка с идеальными икрами бежит по направлению к парку, покачивая высоко заплетённой косичкой. Маленькая уютная жизнь каждого из них на мгновение захватывает меня, я встраиваю себя в существующую реальность, не прячась и больше не отрицая её существование.

Но эйфория и душевный подъём быстро испаряются – в бампер моей машины со скрежетом врежется разогнавшийся фургон, не удержавший дистанции. От резкого столкновения я чуть не разбиваю лоб о приборную доску, а сигнальная система начинает визгливо паниковать, убеждая покинуть салон автомобиля и отойти на безопасное расстояние.

Выйдя из машины, я чуть не нос к носу сталкиваюсь с виновником аварии, стремительно подбежавшим ко мне. Мне показалось, что он не столько расстроен случившимся, сколько раздосадован.

– Вы в порядке? Не пострадали? У вас ссадина на щеке.

– Да нет, ссадина у меня не из-за аварии, – отмахиваюсь я. – Вы что, за дорогой не следили?

– Сам не знаю, как так вышло, вообще-то я внимательный водитель. У меня это первая авария.

Мужчина выглядит усталым и невыспавшимся, большой палец на его правой руке забинтован. Поцарапанный фургон без надписей смотрится чужеродной деталью на нашей рафинированной улочке с аккуратными дорогами особняками.

Но его открытый взгляд и правильная речь располагают к себе, а на пассажирском сиденье через треснувшее лобовое стекло видна собака неопределённой породы, забавно наклонившая голову и подозрительно меня оглядывающая. Пёс смотрит на меня, как ревнивая жена, и, без сомнения, устроит потом хозяину выволочку, это видно по глазам.

Заметив мой любопытный взгляд, мужчина вздыхает:

– Бесси. Всё из-за неё, завтра утром сдам в утиль вместе с фургоном.

Будто понимая, что речь идёт о ней, Бесси пару раз склочно тявкает, огрызаясь.

– Я могу для вас что-нибудь сделать? Ваша машина пострадала, вряд ли безопасно сейчас передвигаться на ней, – участливо добавляет он.

Подумав несколько секунд, я отвечаю:

– Да, можете. Угостите меня чашкой кофе.